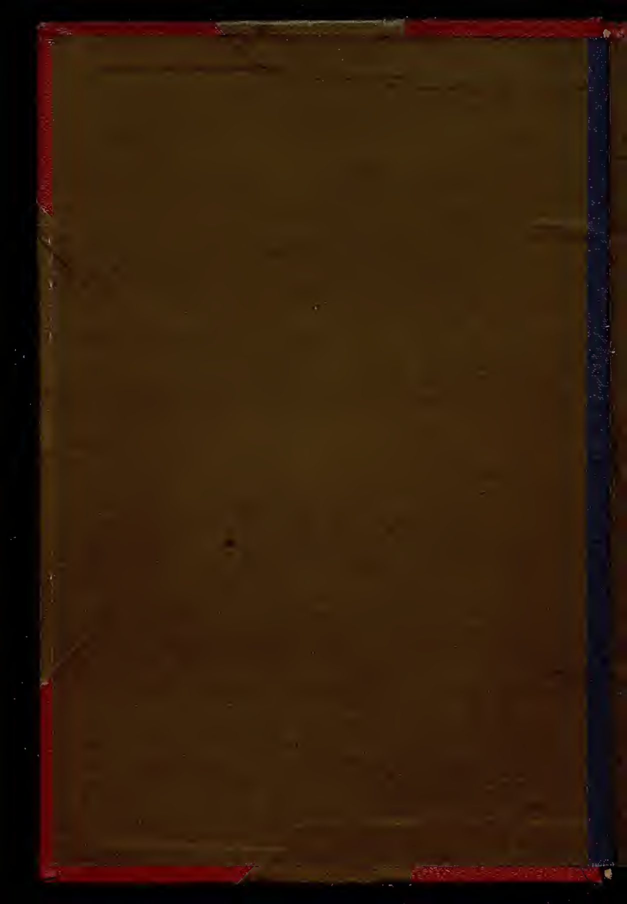

Розенталь
ЖИЗНЬ
И СМЕРТЪ
УЧРЕДИТЕЛЬН.
СОБРАНІЙ
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
BB20
P743
ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

ПУТИ РЕВОЛЮЦІЙ

П. Розенталь (П. Ро-ль)

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ УЧРЕДИТЕЛЬНЫХЪ СОБРАНІЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КНИГА"
1918

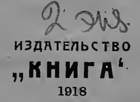
ПУТИ РЕВОЛЮЦІИ

П. Розенталь (П. Ро-ль)

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ УЧРЕДИТЕЛЬНЫХЪ СОБРАНІЙ

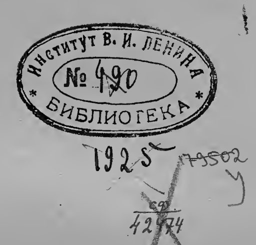
Революціонныя Учредительныя Собранія. Время и мѣсто. Встрѣча. Открытіе. Составъ. Временная исполнительная власть. Работы. Конституція. Монархія или республика? Палаты. Избирательный законъ. Президентъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КНИГА"
1918

Набрано въ
Десятой Государственной типографіи, зданіе Главнаго Адмиралтейства.

Отпечатано въ
Пятой Государственной типографіи, Петроградъ, Стремянная, 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава шестая. Одна или двѣ палаты?

Глава седьмая. Учредительное Собраніе и избирательный законъ.

Глава восьмая. Съ президентомъ или безъ него?

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая брошюра представляетъ первый выпускъ **третьей** части книги, являющейся опытомъ общаго обзора путей и уроковъ революцій, вспыхивавшихъ и развертывавшихся въ разныхъ странахъ и въ различныя времена. Первая часть носитъ названіе: „Вокругъ переворота", вторая обнимаетъ періодъ „Отъ переворота до Учредительнаго Собранія". Четвертая и послѣдняя часть будетъ посвящена **закату революцій.**

П. Р.

Дѣйствующая армія,
Штабъ N корпуса, Рум. фронтъ,
с. Черлена-Мара.

Набранная и сверстанная къ началу января с. г. книжка, по издательскимъ соображеніямъ, была отложена печатаніемъ до болѣе подходящаго времени. Нынѣ она выпускается въ свѣтъ съ сохраненнаго набора безъ всякихъ измѣненій. Но въ существенныхъ измѣненіяхъ она и не нуждается. Всѣ соціально-политическія проблемы, которыя затрагиваются въ настоящемъ первомъ выпускѣ и разсматриваются въ слѣдующей послѣдней части, стоятъ передъ нами сейчасъ въ томъ же неразрѣшенномъ состояніи, какъ и семь мѣсяцевъ тому назадъ. Истекшій періодъ, который былъ тоже учредительнымъ, но только для эфемернаго

Совѣтскаго государственнаго строя, единственнаго въ своемъ родѣ по конституціи и почти единственнаго по своей практикѣ, не оставитъ для ближайшаго періода, послѣ своего исчезновенія, никакихъ пріемлемыхъ рѣшеній ни въ области соціальнаго строительства, ни тѣмъ менѣе политическаго. Если Учредительному Собранію, теперь собирающему свои разсѣянные кадры за Волгой и выступающему, какъ активная сила, суждено стать, въ томъ ли или переизбранномъ видѣ, дѣйствительнымъ политическимъ факторомъ въ нашей революціи, то отъ него потребуется, въ нынѣшнихъ неизмѣримо болѣе сложныхъ и болѣе трудныхъ условіяхъ, безконечно больше мудрости, чуткости и дѣйственности, чѣмъ раньше. Ибо если оно скомпрометируетъ себя въ глазахъ народныхъ массъ ложными шагами, то впереди уже ничего не остается—насъ ждетъ Скоропадчина, реставрація, вообще полное крушеніе революціи...

Москва,
17 августа 1918 г.

П. Р.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Революція и Учредительное Собраніе.

Клянемся не расходиться и собираться во всякомъ мѣстѣ, гдѣ позволятъ обстоятельства, пока не будетъ создана конституція Франціи и пока она не будетъ утверждена на прочныхъ основаніяхъ.

Клятва въ «манежѣ» 20 іюня 1789 г.

а) Сфинксъ.

Да здравствуетъ Учредительное Собраніе! Вся власть Учред. Собранію!

Манифестаціи 28 ноября 1917 г. и 5 янв. 1918 г.

Учредительное Собраніе должно признать власть совѣтовъ! Вся власть совѣтамъ!

Манифестація 17 декабря 1917 г.

Поэтому Ц. И. К. постановляетъ: Учредительное Собраніе распускается.

Декретъ 6 янв. 1918 г.

Великая Россійская Революція, бурная, грозная и мятущаяся, мечась впередъ и назадъ отъ этапа къ этапу, подошла 5 января къ одному изъ важнѣйшихъ моментовъ своего бытія—къ созыву Учредительнаго Собранія. Оно сильно запоздало—это долго-жданное, столькими надеждами нагруженное, воплощеніе всенародной воли. Оно слишкомъ долго заставило себя ждать. Не въ первые мѣсяцы свободы собралось оно, не въ разгарѣ первыхъ взрывовъ великаго энтузіазма. Зачатое ранней весной, оно въ утробѣ матери пережило знойное лѣто, слякотную осень и большевистскую «весну», и послѣ 10-мѣсячнаго вынашиванія родилось на свѣтъ Божій въ срединѣ холодной зимы, чтобы сейчасъ же быть разогнаннымъ штыками совѣта народныхъ комиссаровъ...

Разгонъ Учредительнаго Собранія и распущеніе его декретомъ Смольнаго не означаютъ ни того, что Россійская Революція «изжила» стадію Учредительнаго Собранія, какъ пройденную ступень, ни того даже, что данный составъ его сошелъ со сцены. Возрожденіе всенароднаго Учредительнаго Собранія въ болѣе или

менѣе близкомъ будущемъ не подлежитъ сомнѣнію, и, конечно, никакіе искусственно составленные «конвенты» не могли бы замѣнить общенаціональнаго, общепризнаннаго и общеобязательнаго властнаго учредительнаго органа. Но дальнѣйшее распаденіе Россіи на самостоятельныя или независимыя республики можетъ значительно повліять на конструкцію и компетенцію того Учредительнаго Собранія, которое получитъ, наконецъ, возможность суверенно дѣлать свое отвѣтственное и безконечно трудное дѣло.

До 25-го октября на будущее Учредительное Собраніе безпрерывно покушалась *контръ-революція*. Его безъ конца «саботировали», и вмѣстѣ съ тѣмъ откладывался рядъ неотложныхъ, насущнѣйшихъ вопросовъ, которые стояли длинной вереницей, безконечнымъ «хвостомъ», дожидаясь своего разрѣшенія. Ихъ такъ усердно отсрачивали, народъ такъ пріучали всего ждать только отъ этого «барина, который все разсудитъ», какъ будто вопросы — это пассажиры, а Учредительное Собраніе — это курьерскій поѣздъ, и стоитъ имъ лишь вытянуться на перронѣ и вскочить въ поданные вагоны—и все покатится по рельсамъ къ вожделѣнной станціи и покою...

Россійская Революція тонула въ морѣ празднословія...

Послѣ 25-го октября надъ Учредительнымъ Собраніемъ повисъ Дамокловъ мечъ *Ультра-Революціи*. Еще не рожденное, оно стало жертвой заговора. Еще не начаты были выборы, а уже раздались тѣ угрозы и стали свершаться тѣ насилія, какія Конвентъ услышалъ и увидѣлъ лишь на десятомъ мѣсяцѣ отчаянной внутренней междупартійной борьбы. Его полновластіе подвергнуто было критикѣ революціоннаго штыка. Его суверенность была взята подъ сомнѣніе большевистскимъ пулеметомъ. «Совѣтская власть» допускала существованіе Учредительнаго Собранія исключительно на правахъ Прусской Палаты *Соглашенія* 1848 года или Русской Палаты Подчиненія, каковой должна была явиться въ 1906 году Государственная Дума.

Какъ ни сложится дальнѣйшая судьба Учредительнаго Собранія 1918 года, оно не будетъ, конечно, повтореніемъ Французскаго Конвента 1792—1794 годовъ, гдѣ борьба людей уподоблялась боямъ титановъ, гдѣ каждый эпизодъ былъ проникнутъ паѳосомъ древне-греческихъ трагедій, гдѣ было столько сильныхъ, поражающихъ воображеніе характеровъ, гдѣ воля и энергія били неизсякаемымъ ключемъ, а яркія слова вылетали, какъ камни изъ жерла вулкана. Но оно, несомнѣнно, будетъ

самымъ замѣчательнымъ Собраніемъ послѣ Національнаго Конвента. Составленное почти исключительно изъ представителей соціалистическихъ партій, оно должно рѣшить, помимо тысячъ болѣе мелкихъ, шесть труднѣйшихъ, запутаннѣйшихъ, головоломнѣйшихъ вопросовъ: *объ исполнительной власти, о мирѣ, о землѣ, о національностяхъ (о федераціи), о промышленности* и *о финансахъ*. Ему придется собирать разрозненныя, разорванныя звенья Россійской республики. Ему придется преодолѣвать невѣроятныя трудности и внутри и изъ-за границы. Вокругъ него и внутри него будетъ кипѣть яростная, безпощадная, взаимоистребительная борьба. Его будутъ дискредитировать съ обоихъ фланговъ. Его будутъ пытаться свалить и справа и слѣва...

Какъ и до 5-го января, такъ и послѣ него Россійское Учредительное Собраніе стоитъ передъ нами загадочнымъ Сфинксомъ, и нѣтъ на свѣтѣ такого прорицателя, который могъ бы предсказать, каковъ будетъ его вѣкъ, какой постигнетъ его конецъ, и какова будетъ судьба его трудовъ...

б) Внѣреволюціонныя и революціонныя Учредительныя Собранія.

Много-ли Учредительныхъ Собраній знаетъ исторія? Мы разумѣемъ, конечно, *новую* исторію, ибо древніе и средніе вѣка слишкомъ сильно отличались отъ современныхъ условій, чтобы искать тамъ аналогій. Врядъ-ли можно насчитать ихъ больше, чѣмъ *три* или *четыре* десятка, если при этомъ не упустить и самыхъ малыхъ государствъ всѣхъ частей свѣта. Многія государства такъ и сошли со сцены міровой исторіи, ни разу не испытавши счастья созвать свое Учредительное Собраніе. Нѣкоторыя ограничились однимъ единственнымъ Собраніемъ. Другимъ доставалась только жалкая пародія на него. Третьи имѣли ихъ, наоборотъ, слишкомъ часто, и достаточно при этомъ вспомнить Испанію, чтобы умозаключить, что такое обиліе — вовсе не счастье.

Но далеко не всѣ Учредительныя Собранія, которыя знаетъ новая исторія, имѣютъ непремѣнную связь съ *революціей*. Они созывались не только въ результатѣ революцій и въ разгарѣ революцій, но въ связи съ другими категоріями кризисовъ,

сдвиговъ и потрясеній. Они созывались послѣ войнъ, послѣ побѣдоносныхъ національныхъ возстаній, послѣ отложеній колоній отъ метрополіи, послѣ дипломатическихъ перекроекъ. Такъ, напр., Учредительное Собраніе, подъ именемъ Національнаго Конгресса, было созвано въ Филадельфіи, въ 1787 году, черезъ 4 года послѣ благополучнаго окончанія войны за независимость американскихъ колоній отъ Англіи, или въ 1879 году въ Болгаріи, по окончаніи русско-турецкой войны, доставившей ей государственное существованіе, или въ 1814 году въ Норвегіи, послѣ отдѣленія ея отъ Даніи, или въ Греціи въ 1822 году, послѣ отдѣленія ея отъ Турціи, или въ 1867 году въ Сѣв. Германіи, послѣ австро-прусской войны, изгнавшей Австрію изъ Германскаго Союза. Условія жизни и дѣятельности такихъ *внѣ*-революціонныхъ Учредительныхъ Собраній имѣютъ мало общаго съ бурными перипетіями тревожнаго существованія *революціонныхъ* Собраній, ибо классовая, національная и политическая борьба не принимаетъ въ нихъ столь острыхъ, трагическихъ формъ.

Бельгійскій Національный Конгрессъ, созванный въ 1830 году послѣ революціи, которая освободила Бельгію отъ иноземной власти голландскаго короля, можно было бы считать *переходнымъ* между обоими типами, такъ какъ онъ, въ извѣстной степени, совмѣщаетъ свойства обоихъ.

Сверхъ того есть значительная группа, такъ-называемыхъ, «конституціонныхъ» Учредительныхъ Собраній, не имѣющихъ уже *ничего* общаго съ революціей. Это — предусмотрѣнныя основными законами Собранія для исправленія всей или части конституціи. Подобныя Собранія, различнымъ образомъ составляющіяся, созываются или могутъ быть созваны въ Соединенныхъ Штатахъ («Конвенты»), во Франціи («Національное Собраніе»), въ Сербіи («Великая Скупщина»), въ Болгаріи («Великое Народное Собраніе»), въ Швейцаріи, Румыніи и др. Въ Румыніи Учредительное Собраніе для пересмотра избирательнаго закона было созвано какъ разъ наканунѣ нынѣшней войны. Послѣ перерыва, вызваннаго военными дѣйствіями, оно возобновило было свои занятія 4 мая 1917 г. въ Яссахъ.

в) Суверенныя и зависимыя Учредительныя Собранія.

Но и революціонныя Учредительныя Собранія въ свою очередь подраздѣляются на двѣ группы. Одни являются въ результатѣ *неполной* побѣды революціоннаго возстанія, когда *не* произошло захвата власти народомъ, когда во главѣ государства продолжаетъ оставаться монархъ, хотя бы и съ новыми министрами. Созываемыя при такихъ условіяхъ, они никогда не выступаютъ, какъ свободныя, суверенныя Собранія, какими они чувствуютъ себя тогда, когда старая власть пала и когда ихъ созвало революціонное *Временное Правительство*. Въ этихъ связанныхъ, «зависимыхъ» Учредительныхъ Собраніяхъ всегда отсутствуетъ широкій размахъ, и хоть слышатся порою горячія, пламенныя рѣчи, но нѣтъ смѣлыхъ *рѣшеній* и историческихъ *дѣлъ*. Ибо все время надъ ними тяготѣетъ Дамокловъ мечъ несвергнутой старой власти, которая, не занимаясь краснобайствомъ, ни на одну минуту не упускаетъ своей основной, хотя и затаенной, задачи, — возстановленія стараго режима.

Примѣрами такихъ Учредительныхъ Собраній могутъ служить Прусская Палата Соглашенія, Австрійскій Учредительный Рейхстагъ и Франкфуртскій Парламентъ, которые всѣ были созваны въ «безумномъ» 1848 году.

Настоящихъ революціонныхъ, полновластныхъ, суверенныхъ Учредительныхъ Собраній исторія знаетъ очень ограниченное количество. Если скинуть со счета мелкія республики Новаго Свѣта и мелкія государства Европы, то число ихъ окажется меньше, чѣмъ число видимыхъ планетъ нашей солнечной системы. Для нихъ типична слѣдующая формула:

Переворотъ — Временное Правительство — Учредительное Собраніе.

Такихъ мы знаемъ въ большихъ государствахъ только пять:

1) Англійскій Конвентъ, созванный въ 1688 г., послѣ «Славной» революціи [1]).

2) Французскій Національный Конвентъ, созванный въ 1792 году, послѣ низложенія Людовика XVI.

3) Французское Учредительное Собраніе 1848 г.

4) Французское Національное Собраніе 1871 г.

---

[1]) Единственное Учр. Собраніе, состоявшее изъ двухъ палатъ.

5) Россійское Учредительное Собраніе 1918 года, которое, впрочемъ, вслѣдствіе большевистскаго переворота, стало зависимымъ, несвободнымъ и угрожаемымъ.

Въ 1792 году роль Временнаго Правительства игралъ формально Временный Исполнительный Совѣтъ изъ 6 членовъ (Дантонъ, Ролланъ, Клавьеръ и др.), фактически же Дантонъ, министръ юстиціи, опиравшійся на Парижскую Коммуну, и являвшійся, въ сущности, министромъ-президентомъ. Въ 1688 г.— принцъ Оранскій.

Сразу бросается въ глаза, что изъ перечисленныхъ пяти суверенныхъ Учредительныхъ Собраній цѣлыхъ три приходятся на долю Франціи.

Изъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ мы находимъ и въ Испаніи три Собранія такого же типа:

1) Учредительные Кортесы въ революціи 1854 г., созванные Временнымъ Правительствомъ генераловъ О'Доннеля и Эспартеро.

2) Учредительные Кортесы въ революціи 1868 г., созванные коалиціоннымъ Временнымъ Правительствомъ (5 прогрессистовъ, 4 либерала, 1 демократъ).

3) Учредительные Кортесы 1873 года, созванные Временнымъ Правительствомъ, въ лицѣ федералистскаго министерства.

Сверхъ того, стоитъ отмѣтить Учредительныя Собранія 1849 года въ Папской Области (Римъ) и Тосканѣ (Флоренція), созванныя трехчленнымъ Временнымъ Правительствомъ.

Иногда Учредительнымъ Собраніемъ является не спеціально для того выбранная палата, а соединенное собраніе, составленное изъ обѣихъ уже существующихъ палатъ. Такъ образовано было, послѣ взятія революціонными турецкими войсками Константинополя, турецкое Національное Собраніе, которое низложило 13 апрѣля 1910 года султана Абдулъ-Гамида и возвело на тронъ, какъ парламентскаго монарха, Магомета V. И этотъ способъ заимствованъ у французовъ, потому что именно на такое «Національное Собраніе», составленное изъ Палаты Депутатовъ и Сената, возложена функція пересмотра конституціи (и выбора президента республики).

Наконецъ, исторія знаетъ примѣры, когда собранія народныхъ представителей, созванныя королями для обсужденія финансовыхъ вопросовъ, сами объявляли себя Учредительнымъ Собраніемъ. И здѣсь, опять-таки, самыми типичными и извѣстными

являются французскіе «Генеральные Штаты» (1789—1791 г.г.). Менѣе извѣстенъ широкой публикѣ англійскій «Долгій Парламентъ», созванный въ 1640 году королемъ Карломъ I и непрерывно засѣдавшій до 1653 года. Къ этому же типу надо отнести испанскіе Кортесы 1812 г., созванные въ разгарѣ національнаго возстанія противъ завоевателей французовъ для веденія этой борьбы, превратившіе себя сами, въ подражаніе Генеральнымъ Штатамъ, въ Учредительное Собраніе и выработавшіе «конституцію 1812 года», по образцу французской конституціи 1791 г.

Формула такихъ Учредительныхъ Собраній весьма проста:

Палата представителей—Учредительное Собраніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Открытіе Учредительнаго Собранія.

Еще нѣсколько дней великодушія, преданности, терпѣнія, и Національное Собраніе приметъ изъ нашихъ рукъ нарождающуюся республику. **Съ этого дня все будетъ спасено!..**

Изъ прокламаціи Временнаго Правительства 16 марта 1848 г.

а) Занавѣсъ поднимается.

Озираясь съ безпокойствомъ на провинціи, на деревни, погруженныя еще наполовину во тьму, они спрашивали себя, но будутъ-ли ихъ надежды погребены на днѣ избирательныхъ урнъ подъ слишкомъ еще значительнымъ, увы, числомъ шаровъ, принадлежащихъ вліянію соціальнаго положенія, состоянія, интриги, невѣжества, случайности...

Луи Бланъ, Исторія революціи 1848 г.

Избирательная агитація въ полномъ ходу. Широко разлилась она по всей странѣ, проникая въ самые захолустные углы. Все кипитъ и бурлитъ. Страстная борьба кандидатовъ стремится расшевелить косную народную толщу, потянуть ее къ урнѣ и вырвать у нея тотъ, а не другой бюллетень.

Легко себѣ представить, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ дѣятели революціи за ходомъ выборовъ. Вѣдь

это «ва-банкъ». Послѣдняя рѣшительная ставка. Удача—и дѣло революціи, дѣло страны и народа сдано въ надежныя руки. Онѣ подхватятъ великое дѣло переустройства государства и разрѣшатъ всѣ наболѣвшіе вопросы. Полновластный хозяинъ земли, высшій разумъ и воля народа создадутъ демократическую конституцію и условія свободной жизни, необходимыя какъ сами по себѣ, такъ и какъ средство для дальнѣйшаго соціальнаго преобразованія. Но если сорвалось, если надежды обмануты, если крестьянство и мѣщанство не доросли до идеаловъ революціонеровъ, если провинція и деревня пришлютъ во множествѣ подозрительныхъ «республиканцевъ вчерашняго дня», замаскированныхъ черносотенцевъ, дряблыхъ «либераловъ» и третьяго сорта «демократовъ», болтливыхъ, фразистыхъ и никудышныхъ, то какой это страшный ударъ для революціи, и какой это нежданный, какъ бы съ неба свалившійся, даръ фортуны для начинающихъ уже отчаиваться сторонниковъ стараго режима!

И вотъ наступаетъ часъ—и потянулись избиратели къ урнамъ. Падаютъ шары или записки, и каждая изъ нихъ несетъ смерть или возрожденіе...

Чья возьметъ верхъ? Какой получится итогъ?

Слухи бѣгутъ по странѣ, извѣстія мчатся по телеграфу или съ быстротой электрическаго тока. Есть общеизвѣстные популярные лидеры. Много иксовъ, никому невѣдомыхъ, загадочныхъ фигуръ. Надежды, разочарованія, снова надежды...

И вотъ въ назначенный день, въ назначенное мѣсто съѣзжаются облеченные довѣріемъ «учредители» новаго государственнаго порядка.

б) Время и мѣсто созыва Учредительнаго Собранія.

Отсрочка выборовъ! Таковъ крикъ парижскаго народа!

Изъ прокламаціи клубистовъ 15 марта 1848 г.

Революціонный народъ не можетъ дальше терпѣть ни одного дня промедленія до Учредительнаго Собранія!

«Извѣстія Сов. Р. и С. Депутатовъ» 11 авг. 1917 г.

И день и мѣсто назначаются правительствомъ, созывающимъ Учредительное Собраніе, стало быть Временнымъ Правительствомъ или «либеральнымъ» министерствомъ. Однако нерѣдко и то, и

другое являются предметомъ страстной борьбы революціонныхъ и контръ-революціонныхъ силъ. Что выгоднѣе для революціи: ранніе или поздніе выборы? Это должно рѣшаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ зависимости отъ размаха революціи и, главнымъ образомъ, отъ сочувствія ей *деревни*. Въ 1848 году французская буржуазія спѣшила устроить выборы какъ можно скорѣе, разсчитывая на косность и невѣжество крестьянъ, а также на организованность монархическихъ партій, въ противоположность не успѣвшей еще сложиться юной республиканской партіи. Переворотъ произошелъ 24 февраля, а выборы были назначены на 9 апрѣля, менѣе, чѣмъ черезъ $1^1/_2$ мѣсяца, причемъ объявленіе о днѣ выборовъ состоялось въ серединѣ марта. Только благодаря грандіозной манифестаціи, въ которой участвовало полтораста тысячъ народа, съ требованіемъ отсрочки выборовъ до 31 мая, Временное Правительство согласилось отложить ихъ на 23 апрѣля! Выпущенная въ то время прокламація къ парижанамъ, составленная бланкистами, поражаетъ пониманіемъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ и прозорливостью.

Вотъ нѣкоторые отрывки изъ нея:

«Мы требуемъ отсрочки выборовъ въ Учредительное Собраніе. Эти выборы будутъ комедіей. Въ Парижѣ лишь весьма малое количество рабочихъ занесено въ избирательные списки. Урны собрали бы лишь голоса буржуазіи. Въ городахъ классъ трудящихся, пріученный долгими годами гнета и нищеты къ ярму, не принялъ бы никакого участія въ голосованіи или очутился бы подъ вліяніемъ своихъ хозяевъ, какъ слѣпой скотъ. Въ деревняхъ все вліяніе сосредоточено въ рукахъ аристократовъ...

Народъ не знаетъ; нужно, чтобы онъ зналъ! Это не дѣло одного дня или одного мѣсяца. Вѣдь контръ-революція господствовала одна въ теченіе пятнадцати лѣтъ... Нужно, чтобы свѣтъ проникъ въ послѣднюю деревушку республики...

И не говорите, граждане, что наши опасенія напрасны. *Если выборы состоятся, они будутъ реакціонны*. Общій голосъ говоритъ, что роялистическая партія, единственно организованная, благодаря своему долгому господству, рѣшитъ ихъ исходъ интригой, подкупомъ и соціальнымъ вліяніемъ и выйдетъ побѣдительницей ..

Вдумайтесь въ это! *Эта побѣда равносильна гражданской войнѣ!*.. Дайте странѣ возможность родиться для республики! Въ данный моментъ она еще заключена въ удушливую оболочку монархіи. Отсрочка выборовъ!—таковъ крикъ парижскаго народа!»

Ходъ событій полностью оправдалъ предвидѣніе авторовъ этой прокламаціи. Какъ разъ то, чего они боялись, буржуазія постаралась использовать.

Но иногда у контръ-революціи можетъ возникнуть расчетъ прямо противоположнаго характера: не спѣшить съ выборами, а оттянуть ихъ, насколько только возможно. Если деревня жаждетъ земли, если переворотъ возбудилъ въ ней надежды на соціальныя реформы, на улучшеніе экономическаго положенія, если, однимъ словомъ, она на сторонѣ революціи, то буржуазіи выгоднѣе не торопиться съ выборами, а ждать, пока разовьется процессъ разслаиванія и раскалыванія революціонныхъ силъ, пока развернется присущая всякой революціи анархія, пока настроеніе страны пойдетъ на убыль, и въ груди обывателя не пробудится тоска по «твердой власти», по прежней полиціи и бараньемъ рогѣ.

Вотъ какъ злорадствовалъ въ 1848 году Токвиль по поводу провала, который потерпѣли революціонеры:

«Если бы они произвели выборы *непосредственно* послѣ 24 февраля, когда высшіе классы были ошеломлены нанесеннымъ имъ ударомъ, и когда народъ былъ скорѣе удивленъ, чѣмъ недоволенъ, они, быть можетъ, получили бы соотвѣтствовавшее ихъ желаніямъ Собраніе... Но они отдали себя въ руки народа и въ то же время дѣлали все, чтобы оттолкнуть его отъ себя... Подчиняясь примѣрамъ прошлаго, не понимая ихъ, они глупо воображали, что достаточно привлечь толпу къ политической жизни, чтобы привлечь ее къ себѣ, и что достаточно дать права, не давая выгодъ, чтобы заставить любить республику. Они забыли, что, дѣлая крестьянъ избирателями, ихъ *предшественники* упразднили десятину, осудили повинности, уничтожили привилегіи и раздѣлили дворянскія земли между крѣпостными, тогда какъ они сами не могли сдѣлать ничего подобнаго... А между тѣмъ я далекъ отъ мысли, чтобы нельзя было вызвать революціонныя страсти даже въ деревняхъ. Во Франціи всѣ земледѣльцы обладаютъ какой-нибудь частицей земли, и большинство изъ нихъ обременено долгами, а потому *надо было напасть не на собственниковъ, а на кредиторовъ;* надо было обѣщать упраздненіе не собственности, а *долговыхъ обязательствъ*».

Этимъ разсужденіямъ нельзя отказать въ глубинѣ и разумности. Но потому-то именно авторы ихъ... такъ спѣшили съ выборами.

Реакціонный составъ французскаго Національнаго Собранія 1871 года тоже стоялъ въ тѣснѣйшей связи со срокомъ выборовъ. Временное Правительство Національной Обороны, составившееся 4-го сентября 1870 года, назначило декретомъ выборы въ Учредительное Собраніе сначала на 16 октября, затѣмъ на 2 ноября. Но такъ какъ переговоры о перемиріи, которые Жюль Фавръ велъ 18 сентября съ Бисмаркомъ, не привели ни къ чему, то правительство нашло, что избирательная дѣятельность помѣшаетъ оборонѣ. Но изъ Тура было сообщено, что делегація правительства упорствуетъ на созывѣ Собранія въ прежній срокъ 16 октября. Тогда посланъ былъ 7 октября на воздушномъ шарѣ Гамбетта (такъ какъ Парижъ былъ уже обложенъ), и выборы были окончательно отмѣнены. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что *тогда* выборы дали бы ярко республиканскую Палату и дальнѣйшія событія протекали бы совершенно иначе...

* * *

Революція заинтересована далѣе, чтобы Учредительное Собраніе засѣдало въ *столицѣ*, гдѣ совершился переворотъ, гдѣ имѣются революціонно-настроенныя массы, гдѣ Собраніе будетъ въ бо̀льшей безопасности отъ происковъ правыхъ. Къ тому же всѣ техническія соображенія говорятъ за это, ибо въ столицѣ имѣются подходящія залы засѣданія, тутъ же находится весь правительственный аппаратъ, банки, посольства и т. д. Наоборотъ, реакція стремится загнать Собраніе въ мелкій захолустный городокъ, гдѣ отсутствовала бы возбуждающаяся и возбуждающая толпа, гдѣ не встрѣтилось бы затрудненій, при благопріятномъ случаѣ, чтобы арестовать, разогнать, распустить Собраніе и поставить надъ революціей крестъ.

Въ 1789 году министры Людовика XVI, по словамъ Лависса и Рамбо, расходились въ выборѣ города, гдѣ должны были собраться Генеральные Штаты. Указывали на Суассонъ, Туръ, Блуа, Орлеанъ или Камбре, а Неккеръ предлагалъ Версаль, С.-Жермэнъ, соглашаясь, впрочемъ, и на Парижъ. Король положилъ конецъ всѣмъ сомнѣніямъ, найдя, что, «въ виду *охоты*, Версаль—единственный подходящій городъ». Потомъ, когда близость Парижа показалась двору неудобной, было рѣшено перевести Собраніе въ Анжу или Суассонъ. Кончилось все это тѣмъ, что парижане двинулись на Версаль и заставили и дворъ, и Собраніе перебраться въ Парижъ.

И въ 1848 году велась во Франціи сильная агитація за то, чтобы Учредительное Собраніе созвать не въ столицѣ. Особенно за это ратовала реакціонная газета „Пресса“, органъ праваго блока. Только когда выяснилась физіономія Собранія, агитація за переносъ его въ провинцію прекратилась.

Въ 1871 году Національное Собраніе собралось въ Бордо. Это было естественно, потому что Парижъ только что вынесъ осаду и кругомъ стояли пруссаки. Но когда оно въ началѣ марта оставило Бордо, то перебралось не въ Парижъ, который находили слишкомъ накаленнымъ, а въ знакомый уже Версаль. Эту честь пріютить Собраніе оспаривали еще два города: Орлеанъ и Фонтенбло. Комиссія высказалась за послѣдній. Пренія отличались большой горячностью и длились 4 часа. Большинствомъ 427 противъ 154 Парижъ былъ отвергнутъ и почти такимъ же большинствомъ избранъ былъ Версаль.

Прусскій король, какъ только почувствовалъ свою позицію окрѣпшей, перевелъ Палату Соглашенія изъ Берлина въ г. Бранденбургъ. Равнымъ образомъ, австрійскій императоръ перенесъ засѣданія Учредительнаго Рейхстага изъ Вѣны въ маленькій моравскій городъ Кремзиръ.

Наше Учредительное Собраніе съ перваго же момента подверглось такому систематическому давленію со стороны противореволюціонныхъ силъ, какъ ни одно другое. Это выразилось уже въ преднамѣренной медлительности при организаціи подготовительныхъ работъ по выработкѣ положенія о выборахъ. Такъ, обязательство Временнаго Правительства созвать въ возможно скоромъ времени Учредительное Собраніе было опубликовано 4 марта, а только черезъ 3 мѣсяца, 25 мая, открыло свои засѣданія Особое Совѣщаніе по созыву Учредительнаго Собранія. Затѣмъ самые выборы были назначены сперва на 17 сентября, и созывъ на 30 сентября, а потомъ были отложены еще на 2 мѣсяца—на 12 ноября, а созывъ на 28 ноября. Правыя партіи, начиная съ кадетъ, старались всѣми способами оттянуть, елико возможно, созывъ Учредительнаго Собранія, не ожидая отъ него ничего для себя хорошаго. «Какъ совершенно откровенно выразился на кадетскомъ съѣздѣ Милюковъ, — писала 1 августа «Кіевская Мысль»,—партія «народной свободы» мечтаетъ о томъ, что съ теченіемъ времени ей удастся получить побольше голосовъ... Только завѣдомые противники революціи, какими являются кадеты, могутъ отстаивать во имя политическихъ соображеній отсрочку Учре-

дительнаго Собранія; они и въ этомъ вопросѣ ставятъ свои партійныя цѣли выше судебъ страны»...

«Временное Правительство такъ-таки не устояло передъ натискомъ буржуазныхъ круговъ, — печально констатировала 11 августа «Рабочая Газета» фактъ и причину новой отсрочки выборовъ.— Пусть же она будетъ послѣдней! Спасеніе страны — въ скорѣйшемъ созывѣ Учредительнаго Собранія!»...

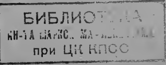
«Со всей категоричностью, — заявляли тогда и «Извѣстія Совѣта Р. и С. Депутатовъ», — должны органы демократіи заявить, что революціонный народъ не можетъ дальше терпѣть ни одного дня промедленія до Учредительнаго Собранія, что онъ не согласенъ предоставить всѣмъ врагамъ революціи еще лишняго срока времени для своей разрушительной и антигосударственной работы»...

А черезъ мѣсяцъ соціалистическія газеты отмѣчали новый взрывъ агитаціи за дальнѣйшую оттяжку созыва.

«Нѣкоторые круги, — писала 14 сентября «Н. Жизнь», — опять замыслили отложеніе созыва Учредительнаго Собранія до заключенія мира или, точнѣе, до греческихъ календъ. Учредительное Собраніе, за которое на словахъ высказываются сейчасъ всѣ, продолжаетъ опредѣленно пугать весьма многихъ. Попытку подсунуть «предпарламентъ», вмѣсто Учредительнаго Собранія, демократія должна рѣшительно отвергнуть!»...

И чтобъ еще беззастѣнчивѣе подчеркнуть свое лицемѣріе — всѣ тѣ группы, которыя оттягивали созывъ Учредительнаго Собранія, т.-е. выступленіе на авансцену всенародной, единственно-авторитетной власти, громче и неустаннѣе всѣхъ кричали объ анархіи, и именно онѣ отвѣчали на всѣ требованія и нетерпѣливыя ожиданія реформъ и радикальныхъ мѣропріятій: ни шагу до Учредительнаго Собранія! Только оно правомочно рѣшать важные вопросы государственной жизни!

Такимъ же образомъ съ перваго дня началась кампанія противъ Петрограда и въ защиту Москвы. Настаивать на меньшемъ городѣ, на какомъ-нибудь захолустьѣ, въ родѣ Пошехонья или «городка Окурова», реакція не дерзала, ибо это не только не имѣло никакихъ шансовъ на осуществленіе, но просто было невозможно технически. Тѣмъ съ большей силой велась агитація за Москву, въ которой контръ-революція видѣла, въ сравненіи съ буйнымъ Петроградомъ, тихую, мирную пристань. Конечно, это былъ совершенно ошибочный расчетъ, потому что не было и

нѣтъ никакихъ основаній считать первопрестольную столицу менѣе революціоннымъ городомъ, чѣмъ Петроградъ [1]).

Чтобы покончить съ этими домогательствами, Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ настоялъ на внесеніи въ майскую декларацію коалиціоннаго Временнаго Правительства пункта не только о скорѣйшемъ созывѣ Учредительнаго Собранія, но и о созывѣ именно въ Петроградѣ. И тѣмъ не менѣе, еще въ октябрѣ возобновлялся вопросъ о переносѣ Собранія въ Москву, а заодно уже «кстати» и о новой отсрочкѣ созыва хотя бы «въ виду отсутствія зала засѣданій» [2]).

в) Встрѣча Учредительнаго Собранія.

Современники и очевидцы тѣхъ событій разсказывали намъ часто, что они никогда не забудутъ тѣхъ дней, и что это самыя прекрасныя и самыя лучшія воспоминанія для нихъ.

В. Блосъ, Исторія германской революціи 1848 г.

«По одежкѣ встрѣчаютъ, по уму провожаютъ». Эта пословица, во всякомъ случаѣ, подчеркиваетъ, что проводы не всегда похожи на встрѣчу и «прощай!» не имѣетъ ничего общаго съ «здравствуй!». Учредительныя Собранія неоднократно имѣли

---

[1]) Именно этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить результатъ анкеты, произведенной корпуснымъ комитетомъ 46 армейскаго корпуса въ іюнѣ мѣсяцѣ. За Петроградъ было подано 5.972 голоса, а за Москву 10.198. Для характеристики настроенія голосовавшихъ слѣдуетъ указать, что за демократическую республику подано изъ нихъ 15.769 человѣкъ, за буржуазную республику 414, за конституціонную монархію 33, за абсолютную монархію—0.

[2]) Для Учредительнаго Собранія въ Петроградѣ перестроенъ и приспособленъ Потемкинскій дворецъ, т.-е. зданіе б. Государственной Думы. Изъ другихъ Учредительныхъ Собраній—Генеральные Штаты засѣдали въ большомъ залѣ Королевскаго дворца въ Версалѣ (Отель-де-Меню), а съ переходомъ въ Парижъ—сперва въ Епископальномъ залѣ, а потомъ въ приспособленномъ манежѣ при Тюльерійскомъ дворцѣ. Тамъ же пребывалъ и Національный Конвентъ до 10 мая 1793 г., послѣ чего перешелъ въ самый Тюльери, названный «Народнымъ дворцомъ». Франкфуртскій Парламентъ засѣдалъ въ церкви Св. Павла; Австрійскій Учредительный Рейхстагъ собирался въ императорскомъ манежѣ; Прусская Палата Соглашенія засѣдала въ Консерваторіи, вслѣдствіе чего реакціонеры презрительно называли Палату Собраніемъ въ домѣ комедіантовъ». Французское Учредительное Собраніе 1848 г. работало въ Бурбонскомъ дворцѣ, а 1871 г.—въ Бордосскомъ большомъ театрѣ и въ Версальскомъ дворцѣ. Англійскія — въ Вестминстерскомъ дворцѣ.

случай провѣрить это на себѣ. . Большей частью день ихъ созыва бывалъ великимъ праздникомъ для страны и для народныхъ массъ. Проницательные революціонеры не всегда бывали настроены оптимистически, но народъ видѣлъ только то, что собрались, наконецъ, его избранники, которые должны осуществить всѣ его надежды. «По одежкѣ встрѣчаютъ»... А какъ пышны одежды на этихъ излюбленныхъ, облеченныхъ довѣріемъ людяхъ, какъ много на нихъ республиканскихъ плащей, революціонныхъ мантій, фригійскихъ колпаковъ и красныхъ розетокъ! Къ тому же Учредительныя Собранія очень часто бывали *первымъ* представительнымъ учрежденіемъ послѣ вѣковъ абсолютизма и жестокаго преслѣдованія даже самаго слова *конституція* и *парламентъ*.

Съ пламенной надеждой и энтузіазмомъ встрѣчали французы свои Генеральные Штаты, которые не собирались 175 лѣтъ, и въ которыхъ они съ перваго же момента почуяли Учредительное Собраніе[1]). Открытіе ихъ было назначено королемъ на 5 мая 1789 года. Этому открытію предшествовала наканунѣ торжественная религіозная церемонія. Король, его семейство, министры и депутаты всѣхъ 3 сословій отправились въ процессіи изъ церкви Богоматери въ церковь Св. Людовика, чтобы отслушать здѣсь напутственную обѣдню. «Торжество, — пишетъ Э. Кинэ, — имѣло характеръ настоящаго праздника. Громадныя толпы народа пришли въ Версаль со всѣхъ сторонъ; погода была превосходная; на великолѣпную обстановку не щадили средствъ. Звуки музыки, добрая и довольная наружность короля... и болѣе всего общія надежды воодушевляли всѣхъ. Но съ прискорбіемъ замѣтили всѣ этикетъ, костюмъ, тѣ же сословныя подраздѣленія, какъ въ собраніи 1614 года. Духовенство въ рясахъ, бѣлыхъ мантіяхъ, четырехугольныхъ шапкахъ или въ фіолетовой одеждѣ и стихаряхъ занимало первое мѣсто. За ними слѣдовало дворянство въ черныхъ кафтанахъ, въ камзолахъ съ суконными обшлагами, шитыми золотомъ, въ кружевныхъ жабо и въ шляпахъ съ бѣлыми

---

[1]) Въ своей знаменитой брошюрѣ: «Что такое 3-ье сословіе?» аббатъ Сійесъ писалъ въ январѣ 1789 г.: «Мнѣ возразятъ, что третье сословіе одно, безъ двухъ другихъ, не можетъ составить Генеральные Штаты. Что-жъ, тѣмъ лучше! Оно образуетъ въ такомъ случаѣ *Національное Собраніе*!». . «Великое слово было произнесено, — замѣчаетъ Эме Шерс. — Съ этого времени Франція знаетъ цѣль, къ которой должны стремиться ея усилія. Ей нужно Національное Собраніе или Учредительное Собраніе».

*

перьями à la Henri IV. Наконецъ, послѣднее мѣсто занимало скромное третье сословіе, все въ черномъ, въ короткихъ плащахъ, въ кисейныхъ жабо и въ шляпахъ безъ перьевъ». Восторженное настроеніе безчисленнаго народа нѣсколько пало, когда онъ увидѣлъ пренебреженіе къ *своимъ* депутатамъ, къ представителямъ третьяго сословія, которое обнаруживалось со стороны двора въ тысячѣ мелкихъ подробностей. Но тѣмъ ярче разгоралась жажда борьбы съ привилегіями аристократіи и стремленіе выйти изъ безправнаго и униженнаго состоянія.

Съ совсѣмъ уже безоблачной восторженностью встрѣчали франкфуртцы въ 1848 году представителей всего Германскаго Союза. Народныя массы положительно опьянѣли отъ обуревавшихъ ихъ чувствъ. Городъ сіялъ въ праздничномъ украшеніи; депутатовъ провели подъ тріумфальными арками и почтили пушечными залпами; улицы, по которымъ они проходили, были усыпаны цвѣтами. Подъ радостные возгласы народа, при грохотѣ пушекъ, парламентъ длинной процессіей направился къ церкви Св. Павла. Народъ расположился вдоль всего пути шпалерами, и изъ публики указывали другъ другу на извѣстнѣйшихъ депутатовъ. Современники и очевидцы, — говоритъ Блосъ, — много лѣтъ спустя разсказывали, что это —самыя прекрасныя, самыя лучшія воспоминанія въ ихъ жизни.

Вообще день созыва Учредительнаго Собранія нерѣдко является по настроенію вторымъ изданіемъ побѣднаго дня революціоннаго переворота, когда люди обнимаются на улицахъ, когда народъ безумствуетъ отъ радости, какъ въ карнавалѣ, когда «въ воздухъ чепчики бросаютъ».

Съ гораздо меньшей степенью энтузіазма, но все-таки торжественно, было встрѣчено въ Парижѣ Учредительное Собраніе 1848 года, физіономія котораго была уже болѣе или менѣе ясна по результатамъ выборовъ. Первое засѣданіе состоялось 4 мая. Парижане, большіе охотники до всякихъ чрезвычайныхъ зрѣлищъ, несмотря на палящій зной, со всѣхъ сторонъ стекались къ Бурбонскому дворцу. Здѣсь во дворѣ къ тому моменту былъ весьма спѣшно сооруженъ большой залъ, въ которомъ Національное Собраніе, въ составѣ 900 представителей, должно было открыть свои засѣданія. Мостъ и площадь Согласія были переполнены густой толпой любопытныхъ и восторженно настроенныхъ людей. Въ $12^1/_2$ ч. пополудни выступило Временное Правительство изъ расположеннаго на Вандомской площади дворца министерства юстиціи,

имѣя впереди генералитетъ и штабъ національной гвардіи, чтобы проложить ему дорогу черезъ толпу. По бокамъ шли офицеры съ обнаженными шашками. Получалось впечатлѣніе,— замѣчаетъ Эритье, — что правителей Франціи ведутъ, какъ обвиняемыхъ, на судъ народныхъ представителей. За правительствомъ слѣдовалъ мэръ съ общиннымъ совѣтомъ Парижа и его предмѣстій. Шествіе замыкали батальоны національной гвардіи. При вступленіи Правительства въ залу засѣданія, загремѣли пушки изъ Дома Инвалидовъ, и депутаты встрѣтили министровъ громкими привѣтствіями, а многотысячная толпа, тѣснымъ кольцомъ окружавшая дворецъ, отвѣчала бурными кликами.

За то совсѣмъ скверно было встрѣчено французское Національное Собраніе 1871 года. «Какая мука! — вспоминалъ впослѣдствіи Лиссагарэ, — и послѣ непріятельскаго вторженія получить «небывалую палату»! Мечтать о возрожденной Франціи, могучимъ полетомъ возносящейся къ свѣту, и чувствовать себя отброшеннымъ на полстолѣтіе назадъ, подъ власть іезуита, грубаго помѣщика и церкви! Сердца многихъ разрывались. Многіе думали эмигрировать. Были поверхностные люди, говорившіе: «Это — палата на часъ, съ однимъ только полномочіемъ рѣшить вопросъ о войнѣ и мирѣ». Но тотъ, кто слѣдилъ за заговоромъ, кто зналъ этихъ закоренѣлыхъ ханжей въ лиловыхъ сутанахъ, понималъ, что такіе люди не отступятся отъ Франціи, не раздавивъ ея».

Между обоими полюсами, между радостно-наивной восторженностью добродушныхъ франкфуртцевъ и безсильно-яростнымъ негодованіемъ парижскихъ рабочихъ — будущихъ коммунаровъ, лежитъ цѣлая гамма оттѣнковъ настроенія, съ которымъ встрѣчались Учредительныя Собранія во всѣхъ странахъ и во всѣ эпохи [1]). Само собою разумѣется, что у элементовъ контръ-революціонныхъ эта гамма шла въ прямо противоположномъ направленіи — отъ тайнаго, тщательно скрываемаго ужаса или яростныхъ воплей и травли до дикихъ взрывовъ злораднаго торжества и распоясавшихся вожделѣній, тѣмъ болѣе бурныхъ, чѣмъ неожиданнѣе оказались результаты выборовъ.

---

[1]) Совсѣмъ безъ всякой торжественности былъ встрѣченъ англійскій Долгій Парламентъ. Король поѣхалъ на простой баркѣ изъ Уайтголля въ Вестминстеръ и тамъ открылъ свой *пятый* парламентъ, о которомъ никому тогда и не снилось, что онъ отрубитъ голову королю, объявитъ республику и будетъ жить, помирать и воскресать въ теченіе *двадцати* лѣтъ.

* * *

Какъ было встрѣчено *наше* Учредительное Собраніе—слишкомъ свѣжо у всѣхъ въ памяти, чтобы это нужно было описывать. Народныя массы, мирно направлявшіяся изъ разныхъ концовъ столицы къ Таврическому дворцу съ красными знаменами и привѣтствіями депутатамъ, *были разстрѣляны* правительственной властью народныхъ комиссаровъ, оставивъ десять убитыхъ и двадцать три раненыхъ. *Такого случая не знаетъ міровая исторія.* Ничего подобнаго не происходило ни разу, когда у власти стояло реакціонное правительство, а Собраніе оказывалось оппозиціоннымъ, какъ то было, напр., 27 апрѣля 1906 года въ томъ же Петербургѣ. Ничего подобнаго не произошло и тогда, когда власть фактически находилась въ рукахъ рѣшительныхъ революціонеровъ, а Собраніе оказывалось гораздо правѣе, какъ то было 21 сентября 1792 года при открытіи жирондистскаго Конвента. Россійской самобытности принадлежитъ честь созданія *единственной* въ своемъ родѣ картины встрѣчи Учредительнаго Собранія, скопировавъ по отношенію къ привѣтствовавшимъ его народнымъ массамъ царскій, черной памяти, отвѣтъ 9 января 1905 года рабочимъ, выступившимъ съ петиціей о созывѣ этого Учредительнаго Собранія.

«Итакъ, 5 января разстрѣливали рабочихъ Петрограда, безоружныхъ, — писалъ съ отчаяніемъ М. Горькій.—Разстрѣливали безъ предупрежденія о томъ, что будутъ стрѣлять, разстрѣливали изъ засадъ, сквозь щели заборовъ, трусливо, какъ настоящіе убійцы... Я спрашиваю «народныхъ» комиссаровъ, среди которыхъ должны-же быть порядочные и разумные люди:

Понимаютъ ли они, что, надѣвая петлю на свои шеи, они неизбѣжно удавятъ всю русскую демократію, погубятъ всѣ завоеванія революціи?

Понимаютъ-ли они это? Или они думаютъ такъ: или мы—власть, или пускай все и всѣ погибаютъ?»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Начало труднаго пути.

Граждане - депутаты! Временное Правительство республики преклоняется въ настоящій моментъ въ вашемъ лицѣ передъ всей націей и приноситъ увѣреніе въ своей преданности высшей власти, которой вы облечены... Въ качествѣ носителей принципа народовластія, вы призваны построить новыя учрежденія во Франціи на демократическихъ началахъ и составить единственно справедливую конституцію, республиканскую конституцію...

Рѣчь Дюпонъ-де-л'Ера при открытіи Учредительнаго Собранія 1848 года.

а) Составъ Учредительныхъ Собраній.

Конвентъ распадался на три группы: Жиронду, Болото и Гору.

Историки Вел. Франц. Революціи.

При всемъ разнообразіи партійнаго, классоваго, національнаго и т. п. состава различныхъ Учредительныхъ Собраній, можно разбить депутатовъ на три группы:

1) Лѣвое крыло — революціонное.

2) Центръ — умѣренно-революціонный.

3) Правое крыло — контръ-революціонное.

Конечно, внутри этихъ основныхъ группъ имѣлись подраздѣленія, напр., центръ иногда разбивался на правый и лѣвый центръ, лѣвая выдѣляла изъ своей среды крайнюю лѣвую, но крупной и самостоятельной роли они не играли. Иногда центръ представлялъ такую малую величину, что Собраніе оказывалось состоящимъ только изъ двухъ группъ — правой и лѣвой. Таковымъ былъ въ нѣкоторые періоды своей продолжительной жизни Долгій

парламентъ (пресвитеріане и индепенденты). Таковымъ былъ во всѣ дни своего короткаго и спокойнаго существованія англійскій Конвентъ (тори и виги). Впрочемъ, въ глазахъ народныхъ массъ во всѣхъ Учредительныхъ Собраніяхъ были только два лагеря: *аристократы* и *патріоты*, т.-е. реакціонеры и революціонеры [1]).

Различны бывали не только названія этихъ 3 основныхъ группъ, не только численныя ихъ соотношенія, но и *температура* ихъ революціонности, а стало быть и контръ-революціонности, въ зависимости отъ высоты стоянія революціи. Такъ, напр., жирондисты въ первые мѣсяцы существованія Конвента только съ большой натяжкой могли бы быть названы контръ-революціонерами. Однако, объективно они скоро оказались таковыми, потому что они не могли поспѣть за потребностями момента и идти на тѣ крайнія средства, которыя оказались неизбѣжными для спасенія революціи отъ насѣдавшей на нее грозной коалиціи внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; не хотѣли посягать на собственность спекулянтовъ, скупщиковъ и мародеровъ и лежали мертвымъ грузомъ на ногахъ неукротимыхъ монтаньяровъ. И очень скоро они дѣйствительно, и объективно и субъективно, оказались контръ-революціонерами, когда подняли департаменты противъ Конвента, разорвали, по образному выраженію Дантона, грудь націи пополамъ, а послѣ переворота 9-го термидора пустились во всѣ тяжкія реакціи...

Такимъ же образомъ и *пресвитеріане* въ Долгомъ Парламентѣ были въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ революціонной партіей, покуда борьба съ королемъ имѣла задачей исключительно отстаиваніе правъ парламента передъ короной. Но когда, въ ходѣ революціи, заявлены были требованія со стороны народныхъ массъ на общее избирательное право, на суверенитетъ, на свободу совѣсти, и показался даже красный призракъ коммунизма (левеллеры-уравнители), они перешли въ ряды контръ-революціи.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ мы привели названія обоихъ крыльевъ и центра въ девяти важнѣйшихъ Учредительныхъ Собраніяхъ:

---

[1]) Въ первомъ періодѣ Долгаго Парламента они назывались: «*кавалеры*» (сторонники короля) и «*круглоголовые*» (сторонники парламента). Круглоголовыми ихъ прозвали потому, что за нихъ стояли мастеровые, стригшіе волосы «подъ скобку».

Годъ.	Страна.	Названіе парламента.	Число депутатовъ.	Названіе и распредѣленіе партій:		
				Правая.	Центръ.	Лѣвая.
1640	Англія.	Долгій Парламентъ.	500	Пресвитеріане.	Индепенденты-джентльмены.	Индепенденты-левеллеры.
1688	»	Конвентъ.	500[1])	Тори.	—	Виги.
1789	Франція.	Учредительное Собраніе.	1200	Роялисты.	Фельяны. (Демократы-конституц.).	Монтаньяры. (Демократы).
1792	»	Національн. Конвентъ.	750	Жирондисты.	«Болото».	Монтаньяры.
1848	»	Учредительное Собраніе.	900	«Партія порядка».	«Чистые республик.».	Демократы и соціалисты.
1848	Германія.	Франкфурт. Парламентъ.	600	Аристократы.	Конституціоналисты.	Демократы.
1848	Пруссія.	Палата Соглашенія.	417	Аристократы.	Конституціоналисты.	Демократы.
1848	Австрія.	Учредительн. Рейхстагъ.	383	Аристократы.	Конституціоналисты.	Демократы.
1871	Франція.	Національное Собраніе.	768	Монархисты.	Умѣр. республиканцы.	Демократы и соціалисты.

Лѣвое крыло Учредительныхъ Собраній, выдѣлявшее изъ себя обыкновенно еще крайнюю лѣвую, бывало всегда революціонно въ томъ смыслѣ, что отстаивало и пыталось осуществлять максимальныя цѣли данной революціи, какъ оно ихъ понимало. Но революціонная энергія его въ различныхъ революціяхъ имѣла весьма различное напряженіе, и французскіе «монтаньяры» 1848 г., по словамъ Маркса, такъ же мало похожи на монтаньяровъ 1793 года, какъ фарсъ на трагедію.

[1]) Въ палатѣ общинъ. Сверхъ того въ палатѣ лордовъ сто членовъ.

Было бы очень любопытно привести хотя бы приблизительныя числа относительно ихъ взаимоотношеній. Но, къ сожалѣнію, это возможно сдѣлать только о немногихъ Собраніяхъ. При ничтожномъ развитіи въ тѣ времена партійной жизни и партійныхъ программъ, точное опредѣленіе физіономіи депутатовъ было вообще невозможно. Кромѣ того, Учредительныя Собранія созывались обычно на зарѣ политической гражданственности, когда партіи и не могли еще быть сколько-нибудь оформлены и дифференцированы. Считаться принадлежащимъ къ партіи казалось многимъ даже зазорнымъ. Самые видные изъ жирондистовъ — Верньо и Бриссо—съ негодованіемъ отвергали обвиненіе въ принадлежности къ партіи. «Насущнѣйшая потребность французской республики— не знать никакихъ партій»,—писалъ въ 1793 г. теоретикъ Жиронды Кондорсе въ своемъ докладѣ Конвенту о конституціи. Депутаты часто не имѣли выдержанной линіи и голосовали по настроенію, такъ что результаты могли получаться случайные. Кромѣ того, *центръ*, какъ бы онъ ни назывался, часто оказывался «болотомъ», т.-е., не представляя ничего яснаго и сплоченнаго, онъ давалъ часть голосовъ то направо, то налѣво, лишая Собраніе всякой стройной, послѣдовательной линіи поведенія. Такъ было, напр., въ австрійскомъ Учредительномъ Рейхстагѣ, где славянскіе крестьяне составляли $^{1}/_{4}$ всѣхъ депутатовъ. Или же, какъ въ Конвентѣ, центръ, смотря по силѣ народнаго возбужденія, поддерживалъ то правое, то лѣвое крыло и этимъ раздѣлялъ дѣятельность Конвента на нѣсколько рѣзко различающихся періодовъ [1]).

Но были Учредительныя Собранія, гдѣ центръ игралъ руководящую роль, благодаря слабости крыльевъ. Таковыми были Генеральные Штаты и Франкфуртскій парламентъ.

Въ Генеральныхъ Штатахъ было не болѣе 3—4 десятковъ демократовъ, такъ что однажды глава центра Мирабо насмѣшливо просилъ «тишины *для тридцати голосовъ!*». Въ Конвентѣ монтаньяровъ было около ста, въ то время какъ жирондистовъ считалось до двухсотъ; главная же масса—около 450 депутатовъ—составляла «равнину» или «болото» или «брюхо».

Во Франкфуртскомъ парламентѣ изъ 600 депутатовъ около двухъ третей—не менѣе 400 человѣкъ—приходились на *конституціоналистовъ*. Это были, по характеристикѣ Блоса, «недаль-

[1]) Про члена Конвента Баррера, сидѣвшаго въ «болотѣ», разсказывали, что онъ нерѣдко приносилъ съ собою *двѣ* заготовленныя рѣчи *за* и *противъ* и, считаясь съ обстоятельствами, читалъ одну или другую.

новидные филистеры, которые, несмотря на несчастнѣйшіе опыты, всегда вѣрили, да и теперь еще вѣрятъ въ возможность созданія здоровой государственной и народной жизни, опирающейся на *бумажную* конституцію, а не на дѣйствительное взаимоотношеніе общественныхъ силъ, не на реальныя условія». Аристократическая правая и демократическая лѣвая заключали въ себѣ приблизительно по сотнѣ членовъ.

Физіономію прусской Палаты Соглашенія можно себѣ выяснить только по нѣсколькимъ показательнымъ голосованіямъ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій пришлось рѣшать основной вопросъ—чѣмъ считаетъ себя Собраніе: суверепнымъ Учредительнымъ Собраніемъ или Палатой *соглашенія съ королемъ* для *совмѣстной* выработки конституціи. Послѣ двухдневныхъ дебатовъ было принято постановленіе большинствомъ 196 противъ 177 во *второмъ* смыслѣ (предложеніе депутата Захаріи).

Черезъ $4^1/_2$ мѣсяца, 12 октября Собраніе приступило къ обсужденію перваго параграфа конституціи, и возникли дебаты по поводу того, исключить-ли, или нѣтъ, въ титулѣ короля сакраментальныя слова «божьей милостью», за что долженъ былъ бы голосовать всякій правовѣрный конституціоналистъ. Голоса раздѣлились слѣдующимъ образомъ:

за исключеніе—217 голосовъ,
противъ исключенія—134 голоса.

Наконецъ, 25 октября, когда войска австрійскаго императора уже бомбардировали мятежную Вѣну, предложеніе Родбертуса и Берга, гласившее: «правительство приглашается спѣшно и энергично оказать давленіе на центральную власть, въ смыслѣ принятія мѣръ для защиты угрожаемой въ Австріи народной свободы, для обезпеченія безопасности вѣнскаго рейхстага и для возстановленія мира», было принято 261 голосомъ противъ 52.

Изъ этихъ трехъ голосованій, приведя эти числа къ общему количеству депутатовъ—около 420 (точнѣе 417), можно сдѣлать расчетъ, что правые, конституціоналисты и демократы находились въ такомъ количественномъ соотношеніи:

70 : 150 : 200 [1]).

[1]) Такимъ образомъ, силы правой съ центромъ и силы лѣвой были почти одинаковы. Марксъ изображаетъ эти взаимоотношенія такимъ образомъ: «Обѣ стороны въ Собраніи были почти равны, и рѣшенія всегда зависѣли отъ неустойчиваго центра, колебанія котораго справа влѣво, и наоборотъ, сперва проваливали министерство Кампгаузена, а затѣмъ—Ауэрсвальда—Ганземана». Наиболѣе балансирующей группой, очевидно, былъ *лѣвый* центръ.

Физіономія австрійскаго Учредительнаго Рейхстага выясняется изъ результата голосованія по вопросу, кто долженъ вознаградить помѣщиковъ за отмѣненныя феодальныя повинности — крестьяне или государство. Голоса раздѣлились почти поровну: 152 голоса за то, чтобы платили крестьяне, 148 за то, чтобы вознаградило государство. Но въ числѣ этихъ 148 голосовали почти всѣ крестьянскіе депутаты, которые только въ этомъ случаѣ и были радикальны, а потомъ шли вмѣстѣ съ правыми. Предложеніе выслушать мадьярскую депутацію, отправленную Кошутомъ въ Вѣну за помощью въ борьбѣ противъ общаго врага, было отклонено 186 голосами противъ 108. Изъ этихъ голосованій можно сдѣлать приблизительный расчетъ, что лѣвое крыло состояло изъ 110—120 человѣкъ, а центръ съ правой около—260.

Французское Учредительное Собраніе 1848 года состояло изъ 900 членовъ. Центръ составлялъ въ немъ большинство и состоялъ изъ такъ-называемыхъ «чистыхъ республиканцевъ», т.-е. приверженцевъ буржуазной республики. Послѣ іюньскихъ дней они господствовали въ Палатѣ, имѣя во главѣ исполнительной власти генерала Кавеньяка, а въ качествѣ президента Палаты—Марра. Оба были «чистыми республиканцами». Лѣвое крыло, состоявшее изъ демократовъ и немногочисленныхъ соціалистовъ, вѣроятно, не превосходило 200, хотя Токвиль въ одномъ мѣстѣ своихъ «Воспоминаній» оцѣниваетъ его въ треть Палаты. Около двухсотъ членовъ принадлежали къ «партіи порядка», т.-е. къ блоку монархистовъ разныхъ толковъ [1]).

Французское Національное Собраніе 1871 года имѣло огромное правое крыло (450 депутатовъ изъ 768) изъ монархистовъ всѣхъ трехъ категорій. Центръ составляли республиканцы. Немногочисленное лѣвое крыло состояло изъ демократовъ и немногихъ соціалистовъ.

* * *

Наше Учредительное Собраніе, открывшееся 5 января 1918 года въ 4 часа пополудни въ далеко не полномъ составѣ,

---

[1]) Въ Законодательномъ Собраніи, смѣнившемъ 31 мая 1849 г. Учредительное, пропорція рѣзко измѣнилась. Изъ 750 депутатовъ на долю «чистыхъ республиканцевъ» приходилось только 50; лѣвое крыло («соціалъ-демократы», т.-е. блокъ демократовъ и соціалистовъ) владѣло болѣе чѣмъ 200 мандатами. Правое крыло (450—500 депутатовъ) состояло изъ монархистовъ разныхъ толковъ.

просуществовало только двѣнадцать часовъ. На этомъ своемъ единственномъ засѣданіи оно раздѣлилось на два непримиримыхъ лагеря по линіи: *за* большевиковъ и *противъ* нихъ, на осуществляющихъ немедленный соціализмъ и на считающихъ такое немедленное осуществленіе вредной авантюрой и утопіей. Выступавшій отъ имени лѣваго сектора большевикъ Бухаринъ объявилъ себя представителемъ «пролетарской коммунистической партіи». Голосованіе кандидатовъ въ предсѣдатели Собранія дало 151 за Спиридонову и 254 за Чернова. При этомъ, украинскіе с.-р. въ голосованіи не участвовали. Такимъ образомъ, лѣвое «коммунистическое» крыло составило одну треть Собранія. Остальные депутаты, включая украинцевъ, составляли обширный *центръ*, такъ какъ незначительное правое кадетское крыло на засѣданіе не явилось.

Этотъ центръ распадался, въ дѣйствительности, на лѣвый и правый центры, но въ первомъ и единственномъ засѣданіи, въ обстановкѣ дикой, кошмарной и неслыханной, дифференціація не могла успѣть обнаружиться. Лѣвый центръ—оставляя въ сторонѣ украинцевъ—состоялъ изъ соціалистовъ-революціонеровъ «Черновцевъ» и немногихъ меньшев.; правый центръ—почти исключительно изъ правыхъ с.-р. «Авксентьевцевъ». Въ общемъ, приходится сказать, что первое Россійское Учредительное Собраніе, разогнанное *слѣва*, вошло въ исторію съ безпримѣрнымъ составомъ:

правое крыло (5 %) — *кадеты*,
центръ (60%) — *соціалисты*,
лѣвое крыло (35%) — *«коммунисты»*.

б) Временная исполнительная власть.

Естественно, что Временное Правительство потеряло всю свою власть, лишь только состоялось первое засѣданіе Національнаго Собранія. Сейчасъ же послѣ отчетовъ членовъ Временнаго Правительства депутаты приступили къ назначенію новой исполнительной власти.

Эритье, Исторія франц. революціи 1848 г.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ всякаго сувереннаго Учредительнаго Собранія является созданіе *исполнительнаго органа*, ибо полномочія Временнаго Правительства кончаются въ тотъ день, когда сконструировалось Собраніе. Этотъ правительственный органъ

опять-таки можетъ быть только временнымъ, такъ какъ организація *постоянной* исполнительной власти составляетъ уже часть *конституціи*, которую еще предстоитъ въ дальнѣйшемъ разработать, обсудить и принять. «Нормальная» *законодательная* власть, на основахъ принятой конституціи, можетъ быть осуществлена лишь по смерти Учредительнаго Собранія, но «нормальная» *исполнительная* власть возможна и дѣйствительно создается еще при жизни Учредительнаго Собранія.

Первый способъ разрѣшенія вопроса, который напрашивается въ такихъ случаяхъ—это просто продолжить полномочія Временнаго Правительства. Но, въ дѣйствительности, такое рѣшеніе почти никогда не осуществлялось. Временное Правительство обыкновенно носитъ коалиціонный характеръ; отдѣльныя личности въ ней успѣвали вызвать противъ себя неудовольствіе, нападки и даже острую ненависть. Учредительное же Собраніе стремилось имѣть исполнительную власть, соотвѣтственно своему большинству, поэтому на сохраненіе прежняго Временнаго Правительства въ полномъ составѣ Собраніе не соглашалось.

Очень интересны разногласія, которыя возникли по этому поводу во французскомъ Учредительномъ Собраніи 1848 года. Были два мнѣнія. Одни предлагали, чтобы Собраніе избрало непосредственно изъ своей среды министровъ, которые были бы передъ нимъ отвѣтственны. Другіе настаивали, чтобы Собраніе избрало нѣчто въ родѣ Директоріи, а именно «исполнительную комиссію» изъ 5 членовъ, а она уже будетъ назначать министровъ, отвѣтственныхъ передъ Собраніемъ. Въ первомъ случаѣ Собраніе не выпускаетъ изъ своихъ рукъ ни одной частицы власти, такъ какъ въ любой моментъ можетъ заставить неугодившаго министра уйти. Во второмъ случаѣ Собраніе передаетъ часть своей власти «исполнительной комиссіи», ибо министры будутъ уходить, а комиссія оставаться, вплоть до установленія постоянной власти. Эта борьба, въ изображеніи Токвиля, имѣла вполнѣ опредѣленную подоплеку. «Никогда,—говоритъ сей прообразъ нашихъ Милюковыхъ и Маклаковыхъ,—никогда партіи не проявляли ярче того педантичнаго лицемѣрія, которое побуждаетъ ихъ свои *интересы* прикрывать *идеями;* таково обычное зрѣлище, но оно было на этотъ разъ болѣе яркимъ, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ потребности момента принуждали каждую партію прикрываться теоріями, которыя были *чужды* или даже противорѣчили ея настоящимъ взглядамъ. Старая *роялистическая* партія утвер-

ждала, что Національное Собраніе должно править само и само избирать министровъ, — это приближало ее къ *демагогическимъ* идеямъ; а *демагоги* утверждали, что слѣдовало вручить исполнительную власть постоянной комиссіи, которая и будетъ править и назначать всѣхъ агентовъ власти — система, которая приближалась къ *монархическимъ* идеямъ. *Вся эта болтовня означала, что одни хотѣли устранить Ледрю-Роллена отъ власти, а другіе предоставить ему участіе въ ней»*. Иными словами, одни хотѣли совершенно устранить отъ власти *демократовъ*, а другіе добивались коалиціонной исполнительной комиссіи, съ участіемъ въ ней лидера демократовъ.

О соціалистахъ, входившихъ до того въ составъ Временнаго Правительства—Луи Бланѣ и Альберѣ, и не заикались. Ихъ часъ пробилъ 4 мая, когда открылось Собраніе.

Прошло второе предложеніе, но исключительно благодаря энергіи и настойчивости, которыя проявилъ Ламартинъ, боявшійся гибельныхъ послѣдствій отъ разрыва одновременно и съ соціалистами, и съ демократами. Комиссія, куда было сдано предложеніе депутата Дорнеса о пятичленномъ исполнительномъ органѣ, отвергла его большинствомъ 14 голосовъ противъ 4 и высказалась за прямое избраніе министровъ. Но въ общемъ собраніи Ламартинъ отстоялъ свой проектъ, выступивъ съ горячей рѣчью, которую закончилъ призывомъ къ Собранію не злоупотреблять своей силой; пусть-де оно послѣдуетъ примѣру Временнаго Правительства и стремится къ единенію всѣхъ гражданъ, хотя бы ему и пришлось пожертвовать кое-чѣмъ ради этого единенія, какъ пришлось это сдѣлать членамъ Временнаго Правительства.

Рѣчь подѣйствовала. Было принято рѣшеніе образовать 5-членную комиссію, и были выбраны указанные кандидаты, съ Ледрю-Ролленомъ въ томъ числѣ. Но насколько неохотно это было сдѣлано, видно изъ того, что постановленіе прошло всего 411 голосами противъ 385, за Ледрю-Роллена было подано всего 458 голосовъ, а самъ Ламартинъ получилъ гораздо меньше голосовъ, чѣмъ трое другихъ не столь популярныхъ до того членовъ бывшаго Временнаго Правительства:

Араго	725	голосовъ.
Гарнье-Пажесъ	705	»
Мари	702	»
Ламартинъ	645	»
Ледрю-Ролленъ	458	»

Постъ предсѣдателя «исполнительной комиссіи» достался Араго, какъ получившему наибольшее число голосовъ.

Впрочемъ, недолго существовало это коалиціонное правительство. Черезъ $1^1/_2$ мѣсяца разразилось іюньское возстаніе, и перепуганное на смерть Собраніе вручило всю исполнительную власть съ диктаторскими полномочіями генералу Кавеньяку, который сохранилъ ее и послѣ благополучнаго усмиренія до того дня 20 декабря, когда вынужденъ былъ ее передать новоизбранному президенту республики Луи Наполеону.

Римское Учредительное Собраніе, провозгласивъ 9 февраля 1849 года республику, вручило исполнительную власть «тріумвирату», т.-е. трехчленной коллегіи. 29 марта онъ былъ, въ цѣляхъ бо̀льшей дѣеспособности, замѣненъ другимъ тріумвиратомъ изъ Мадзини, Заффи и Армеллини, облеченныхъ диктаторской властью. То же самое сдѣлало и Тосканское Учредительное Собраніе.

Французское Національное Собраніе 1871 года, минуя Правительство Національной Обороны, функціонировавшее во Франціи, начиная съ переворота 4 сентября 1870 г., провозгласило «главой исполнительной власти» Тьера, который съ 31 августа 1871 года былъ переименованъ въ президента французской республики и оставался на этомъ посту до 24 мая 1873 года, когда вынужденъ былъ подать въ отставку, не дождавшись истеченія трехлѣтія своихъ полномочій.

Такимъ же образомъ, двумя годами раньше, испанскіе Учредительные Кортесы, впредь до подысканія короля, объявили главой исполнительной власти маршала Серрано.

Иначе поступилъ Долгій Парламентъ послѣ казни короля и провозглашенія республики. Исполнительная власть была вручена особой коллегіи изъ 41 человѣка. Она была избрана парламентомъ на 1 годъ, по истеченіи котораго должны были происходить новые выборы. Полномочія ея—военныя, дипломатическія, полицейскія, судебныя и др.—были такъ велики, что превышали тѣ права, которыми располагалъ когда-либо казненный Карлъ I. Носила она названіе «Совѣта Государства» или Государственнаго Совѣта. Главную роль въ немъ, конечно, игралъ Кромвель.

Наиболѣе замѣчательной является знаменитая организація временной исполнительной власти, созданная французскимъ Конвентомъ. На слѣдующій же день послѣ открытія Конвента, 21 сентября, было принято жирондистское постановленіе, что ни

одинъ изъ членовъ Конвента не долженъ занимать никакой общественной должности. Такимъ образомъ, всемогущій за предшествовавшія недѣли Дантонъ, министръ юстиціи въ *Исполнительномъ Совѣтѣ* [1]), долженъ былъ немедленно сложить съ себя власть, и тамъ остались только жирондисты Роланъ, Лебренъ, Монжъ и Клавьеръ. Затѣмъ Конвентъ учредилъ рядъ исполнительныхъ *комитетовъ*, которые такъ сильно сузили власть «Исполнительнаго Совѣта», что онъ сдѣлался излишнимъ и былъ упраздненъ. Остались одни только «комитеты», которые избирались Конвентомъ и которымъ была передана вся правительственная власть.

Военныя неудачи и, главнымъ образомъ, измѣна жирондистскаго генерала Дюмурье повели къ учрежденію 6 апрѣля 1793 г. новаго комитета: *Комитета Общественнаго Спасенія* изъ 9 членовъ, который поставленъ былъ выше всѣхъ другихъ комитетовъ и получилъ почти диктаторскую власть. Вопреки ходячимъ взглядамъ различныхъ историковъ и конституціоналистовъ, французскій проф. Оларъ считаетъ этотъ Комитетъ настоящимъ *отвѣтственнымъ министерствомъ* Конвента.

«Если отбросить формулы, которыми стараются замаскировать нарушеніе принципа раздѣленія властей, то становится яснымъ, что съ 6 апрѣля по 10 іюля 1793 года во Франціи дѣйствовало подъ названіемъ Комитета Общественнаго Спасенія отвѣтственное министерство... Первый К. О. С. былъ министерствомъ Дантона; второй былъ (или—вѣрнѣе—сталъ) министерствомъ Робеспьера... Создавая въ замаскированной формѣ настоящее отвѣтственное министерство, Конвентъ, въ видѣ уступки инстинкту недовѣрія къ исполнительной власти, принимаетъ мѣры предосторожности противъ проявленія тираніи со стороны Комитета Общественнаго Спасенія; онъ лишаетъ его возможности распоряжаться финансами и устанавливаетъ независимость національной казны отъ Комитета, въ распоряженіе котораго предоставляется лишь сто тысячъ ливровъ на секретные расходы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ декретѣ не говорится о *президентѣ Комитета*; существовало, повидимому, опасеніе, что учрежденіе должности президента чрезмѣрно усилитъ его власть. Комитетъ назначался всего *на одинъ мѣсяцъ*».

Послѣ 9 Термидора и паденія Робеспьера, власть и компетенція Комитета Общественнаго Спасенія были сильно урѣзаны.

[1]) Который игралъ роль Временнаго Правительства въ періодъ отъ 10 августа до 20 сентября, дня созыва Конвента.

На его обязанности лежало лишь рѣшеніе общихъ политическихъ и военныхъ дѣлъ. Кромѣ него и Комитета Общественной Безопасности, завѣдывавшаго полиціей, были образованы еще 14 комитетовъ [1]).

* * *

Наше Учредительное Собраніе могло рѣшить вопросъ о временной исполнительной власти, которымъ ему пришлось бы заняться въ первые же дни, однимъ изъ слѣдующихъ 4 упоминавшихся выше способовъ:

1. Избрать *одно* лицо «главой исполнительной власти» и поручить ему составленіе министерства (Тьеръ въ 1871 году).

2. Избрать *коллегію* изъ 3—5 членовъ (подобно исполнительной комиссіи 1848 года или нашей «директоріи» 1—25 сентября), которая назначитъ министерство.

3. Сохранить полномочія «Совѣтскаго Правительства», какъ отвѣтственнаго министерства.

4. Избрать новое министерство или, по крайней мѣрѣ, одного премьеръ-министра.

Первые два способа безусловно недемократичны. Объ этомъ вопросѣ мы говоримъ ниже довольно подробно въ главѣ VIII; въ связи съ президентской властью: два этажа исполнительной власти являются просто излишними. Третій способъ, который выставило, какъ ультиматумъ, правительство народныхъ комиссаровъ, былъ совершенно непріемлемъ для Собранія, въ которомъ «коммунисты» составляли только треть.

---

[1]) 1) финансовъ, 2) законодательства, 3) народнаго образованія, 4) земледѣлія и искусствъ, 5) торговли и снабженія жизненными припасами, 6) общественныхъ построекъ, 7) почты, 8) военныхъ дѣлъ, флота и колоній, 9) общественной помощи, 10) распредѣленія, 11) протоколовъ и архивовъ, 12) прошеній, 13) корреспонденціи и депешъ, 14) завѣдыванія національнымъ дворцомъ.

в) Общая характеристика работъ Учредительныхъ Собраній.

Предоставляя Учредительному Собранію, какъ верховному хозяину земли русской, окончательное разрѣшеніе всѣхъ великихъ вопрооовъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе русскаго народа...

Изъ деклараціи Временнаго Правительства 25 сентября 1917 г.

Переходя теперь къ работамъ Учредительныхъ Собраній, надо на первомъ планѣ поставить ту, которая посвящена ихъ основной задачѣ, о чемъ напоминаетъ и самое ихъ названіе — *учрежденіе* новаго государственнаго правопорядка. Это учрежденіе заключается въ выработкѣ новыхъ политическихъ и гражданскихъ формъ и въ ихъ закрѣпленіи въ видѣ основныхъ законовъ, коротко говоря, въ созданіи *писанной конституціи*. Съ этой главной функціи мы и начнемъ свой обзоръ.

Но сверхъ того Учредительнымъ Собраніямъ приходилось разрѣшать рядъ другихъ важнѣйшихъ вопросовъ, выдвинутыхъ революціей и имѣющихъ мало отношенія или никакой связи съ учредительской работой.

Вопросъ о *войнѣ* и *мирѣ* приходилось разрѣшать Долгому Парламенту въ Англіи, французскому Конвенту (войны съ коалиціями), французскому Національному Собранію 1871 г. (война съ Пруссіей), французскому Учредительному Собранію 1848 г. (война съ Римской республикой), римскому Учредительному Собранію (нападеніе Франціи, Неаполя и др.), Франкфуртскому парламенту (Шлезвигъ-Гольштинская война) и нѣк. др.

Аграрный и *крестьянскій* вопросъ приходилось обсуждать и разрѣшать французскому Учредительному Собранію 1789 г., австрійскому Учредительному Рейхстагу, прусской Палатѣ Соглашенія и нѣкоторымъ другимъ.

Рабочій вопросъ, главнымъ образомъ, трактовался во Франціи въ 1848 г., но сверхъ того имъ занимались тамъ же въ 1789, 1792 и 1871 годахъ.

Надъ *финансами* приходилось ломать себѣ голову, главнымъ образомъ, во время Конвента, а вообще говоря, всѣмъ Учредительнымъ Собраніямъ.

*

Національный вопросъ служилъ камнемъ преткновенія, преимущественно, въ австрійскомъ Учредительномъ Рейхстагѣ, но онъ озабочивалъ и прусскую Палату Соглашенія, и Франкфуртскій парламентъ, и испанскіе Кортесы.

Наконецъ, всѣмъ почти безъ исключенія Учредительнымъ Собраніямъ приходилось вести борьбу съ контръ-революціей съ одной стороны и съ народными возстаніями съ другой.

Россійскому Учредительному Собранію не только предстоитъ заниматься *всѣми* перечисленными вопросами, но каждый изъ нихъ выступаетъ въ видѣ огромной, чудовищной проблемы. Каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ почти непреодолимыя трудности, чреватъ неразрѣшимыми коллизіями и страстной межклассовой и межнаціональной борьбой. Каждый требуетъ для своего разрѣшенія не только трижды Дантоновской *смѣлости*, но и трижды Соломоновской *мудрости*.

«Учредительному Собранію,—писалъ 15 іюля 1917 г. московскій «Впередъ»,—придется не только вырабатывать основные законы россійской республики... не только рѣшать огромный и важный вопросъ земельный, тяжелый и сложный національный вопросъ и вопросъ объ охранѣ труда. Нѣтъ, съ перваго дня Учредительному Собранію придется распутывать весь тотъ кровавый узелъ, который ему передадутъ въ наслѣдство война и революція. Ему придется разрѣшать всѣ возникающіе конфликты, усмирять возстанія, принимать чрезвычайныя мѣры... Наше Учредительное Собраніе съ первыхъ же дней превратится въ Конвентъ, т.-е. въ такое верховное одновременно законодательное и правительственное собраніе, съ диктаторскими полномочіями, которое возникло во Франціи въ моментъ величайшихъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей, грозившихъ революціи».

Такъ же широко понимаетъ задачи Учредительнаго Собранія и «Новая Жизнь». *Закрѣпленіе завоеваній революціи, ликвидація войны* и *созданіе новой Россійской Демократической Республики*— вотъ какъ формулировала она ихъ 14 сент. 1917 г. «Закрѣпленіе завоеваній революціи предполагаетъ побѣду демократіи надъ всѣми контръ-революціонными силами, которыя стремятся повернуть колесо исторіи вспять; ликвидація войны — это не только вопросъ о мирѣ, но и вопросъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть предприняты для возможно безболѣзненнаго процесса демобилизаціи по заключеніи мира; созданіе Россійской Демократической Республики—это осуществленіе нашей с.-д. программы-

минимумъ не только политической, но и земельной, и рабочей, и финансово-экономической и т. д. и т. д... Учредительное Собраніе для насъ, соціалъ-демократовъ, не только открываетъ новую страницу въ исторіи свободной россійской демократіи, но и должно начать новую эру въ исторіи борьбы за соціализмъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Выработка конституціи.

Когда въ обществѣ происходитъ побѣдоносная революція, то частное право продолжаетъ существовать, но всѣ законы публичнаго права низвержены или имѣютъ лишь временное значеніе и должны быть созданы вновь.

Лассаль, Сущность конституціи.

а) Учредительное Собраніе и конституція. Реальная и писанная конституція.

Писанную конституцію, въ случаѣ надобности можно составить въ трое сутокъ...

Лассаль, Сущность конституціи.

Кто не знакомъ съ превосходнымъ Лассалевскимъ опредѣленіемъ сущности конституціи? Эту сущность составляетъ не *писанный текстъ*, не совокупность болѣе или менѣе удачно формулированныхъ параграфовъ, а *реальное соотношеніе общественныхъ силъ*. Основными общественными силами являются *классы*, политическая мощь которыхъ обусловливается степенью осознанія ими своихъ интересовъ, ихъ ролью въ производствѣ и распредѣленіи продуктовъ и ихъ численностью. Въ конечномъ счетѣ, все это зависитъ отъ состоянія производительныхъ силъ даннаго общества. Однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ реальной конституціи является *правительственная власть*, опирающаяся на вооруженную силу и на опредѣленную группу общественныхъ классовъ.

Революціонный переворотъ производитъ коренную перетасовку общественныхъ силъ. Является новое соотношеніе ихъ, которое, однако, не получаетъ немедленной фиксаціи, а продолжаетъ бурно колебаться то въ одну, то въ другую сторону,

благодаря не прекращающимся попыткамъ контръ-революціонныхъ силъ вернуться къ прежнему состоянію, благодаря выступленію на арену новыхъ революціонныхъ силъ и благодаря откалыванію отъ революціи классовъ и группъ, «правѣющихъ» и переходящихъ сознательно или безсознательно въ лагерь реакціи.

Иными словами, начало революціи создаетъ *новую реальную конституцію*, а продолженіе революціи эту конституцію безпрерывно *колеблетъ и измѣняетъ*.

Въ такихъ-то условіяхъ Учредительное Собраніе должно составить *писанную конституцію*.

«Въ какомъ случаѣ писанная конституція будетъ хороша и устойчива?» — спрашиваетъ Лассаль. И отвѣчаетъ: «Очевидно, лишь въ томъ случаѣ,... если она соотвѣтствуетъ дѣйствительной конституціи... Иначе происходитъ *конфликтъ*, которому ничѣмъ нельзя помочь и при которомъ съ теченіемъ времени писанная конституція, простой листъ бумаги, безусловно должна подчиниться дѣйствительной конституціи»...

Но Учредительное Собраніе, созданное революціей и представляющее отпечатокъ всего общества, «микрокосмъ» его, отнюдь не является только ученымъ аппаратомъ для сочиненія *писанной конституціи*. Какъ воплощеніе воли всего народа, оно, въ своей совокупности, — мощная общественная сила и *можетъ* играть поэтому огромную роль въ измѣненіи *самой реальной конституціи*.

Итакъ, Учредительному Собранію не только предстоитъ задача закрѣпить, зафиксировать на листѣ бумаги, въ видѣ писанной конституціи, ежечасно мѣняющуюся въ процессѣ революціи дѣйствительную конституцію, но оно само своими актами оказываетъ на эту послѣднюю могущественное вліяніе.

Какъ же должно было дѣйствовать прусское Учредительное Собраніе? — спрашиваетъ Лассаль и отвѣчаетъ:

«Нужно было прежде всего взяться за созданіе не писанной, а дѣйствительной конституціи, т.-е. нужно было измѣнить существующія въ странѣ реальныя соотношенія силъ, измѣнить ихъ въ смыслѣ, благопріятномъ для гражданъ...

Составлять писанную конституцію — это было наименьшей трудностью, это, въ случаѣ надобности, можно было сдѣлать въ трое сутокъ...

Преобразовать фактическія соотношенія силъ въ странѣ, вмѣшаться въ дѣятельность исполнительной власти такъ, чтобы

фактически не дать ей возможности въ будущемъ противодѣйствовать волѣ націи, — это было главнымъ, о чемъ слѣдовало позаботиться для приданія устойчивости писанной конституціи.

Но такъ какъ это не было сдѣлано во-время, то Національное Собраніе не успѣло даже составить конституцію, какъ его разогнали непоколебленными орудіями силы исполнительной власти...»

Ни одна изъ мѣръ, необходимыхъ для измѣненія существующихъ въ странѣ фактическихъ соотношеній силъ, для превращенія, напр., войска изъ королевскаго въ народное, не была предпринята въ 1848 году.

«Правда, — указываетъ Лассаль,—было сдѣлано направленное къ этой цѣли предложеніе, представляющее первый шагъ по этому пути; это былъ проектъ Штейна, направленный къ тому, чтобы побудить министерство издать приказъ по арміи, имѣющій цѣлью удалить изъ арміи всѣхъ реакціонныхъ офицеровъ.

Но вы помните, господа: лишь только Національное Собраніе въ Берлинѣ одобрило этотъ проектъ, какъ вся буржуазія и половина страны возопила: «Національное Собраніе должно составлять конституцію, а не понукать министерство, терять время на интерпелляціи и заниматься дѣлами исполнительной власти. Составлять конституцію!» — вопили они, какъ на пожарѣ».

Вѣроятно, то же самое происходило бы и у насъ, если бы въ Учредительное Собраніе проникли въ большомъ числѣ цензовые элементы и они почувствовали бы подъ собою твердую почву. Всякій разъ, когда оно принималось бы за какой-нибудь важный вопросъ, затрагивающій интересы капитала, ставленники его и внутри и внѣ Собранія кричали бы, что Учредительное Собраніе занимается не тѣмъ, что ему надлежитъ дѣлать, что оно должно работать исключительно надъ конституціей, предоставивъ всѣ остальные вопросы будущему «нормальному» законодательному собранію—подобно тому, какъ до созыва Учредительнаго Собранія они неустанно твердили, что только Учредительное Собраніе, а не Временное Правительство властно рѣшать важные вопросы.

Учредительное Собраніе, конечно, должно составлять писанную конституцію; но эта работа должна идти рука объ руку и *вполнѣ параллельно* съ выработкой реальной конституціи. Все, что оно будетъ дѣлать,—а задачи его, какъ мы видѣли, колоссальны,—все это будетъ учредительнымъ конституціоннымъ творчествомъ въ широкомъ Лассалевскомъ смыслѣ. То или иное рѣ-

шеніе и аграрнаго вопроса, и рабочаго, и финансоваго, и прежде всего вопроса о мирѣ — все это составитъ часть реальной конституціи нашей республики.

И какъ въ писанной конституціи одни параграфы не должны идти въ разрѣзъ съ другими и всѣ должны быть охвачены общей объединяющей идеей, такъ и всѣ акты реальной конституціи должны строго соотвѣтствовать одни другому и всѣ вмѣстѣ отнюдь не противорѣчить статьямъ писанной конституціи и вмѣстѣ съ ней клониться къ единой цѣли — созданію прочнаго демократическаго строя.

Напр., если бы Учредительное Собраніе не обезпечило странѣ немедленнаго *мира*, то при той жаждѣ прекращенія войны, которая охватила широчайшія массы народа, и при той всесокрушающей разрухѣ, которую война несетъ въ ужасающей прогрессіи странѣ, разгонъ его большевиками означалъ бы не *временное* схожденіе его со сцены, а полную физическую и моральную смерть Учредительнаго Собранія, и дѣло не дошло бы и до начатія составленія писанной конституціи.

Или при разработкѣ аграрнаго вопроса не надо ни на минуту упускать изъ виду, что то или иное разрѣшеніе вопроса о распредѣленіи земли будетъ сильнѣйшимъ образомъ вліять на реальную конституцію, и допущенныя тутъ ошибки отразятся роковымъ образомъ на прочности и долговѣчности писанной конституціи.

То же самое слѣдуетъ сказать и о разрѣшеніи финансоваго вопроса, распредѣленіи налоговъ, борьбѣ съ экономическимъ кризисомъ, демобилизаціи, дальнѣйшей организаціи арміи, разрѣшенія разнообразныхъ національныхъ вопросовъ и т. д. и т. п.

Пословица говоритъ: не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Учредительныя Собранія сплошь и рядомъ ошибались именно потому, что ничего не дѣлали (кромѣ сочиненія бумажной конституціи). Но если нельзя предъявлять особенно строгихъ требованій къ классовому буржуазному Собранію, преисполненному паническаго страха передъ «анархіей», то исторіей сторицею взыщется съ такого Учредительнаго Собранія, которое располагаетъ огромнымъ соціалистическимъ большинствомъ.

Присмотримся теперь, прежде всего, въ какой обстановкѣ и въ какомъ направленіи разрабатывались различными Учредительными Собраніями писанныя конституціи.

б) Политическая обстановка при выработкѣ писанной конституціи.

Осадное положеніе Парижа играло роль повитухи при Учр. Собраніи во время его республиканскихъ родильныхъ мукъ.

К. Марксъ, 18 брюмера Людовик Наполеона.

«Конституція—вотъ слово, которое достаточно замарано и загажено учеными прислужниками произвола»,—восклицаетъ проф. Рейснеръ...

«Развѣ «конституціей» не называли того издѣвательскаго порядка, когда среди порабощеннаго, истерзаннаго народа создавалось безсильное представительство и «юридически» провозглашались свободы, которыя «фактически» замѣнялись подлымъ сыскомъ и пытками тюремъ!

Можно-ли назвать достойнымъ имени «конституціи» тотъ законъ, который устанавливается «для народа» магнатами власти и капитала по соглашенію съ дворомъ, и украшается въ послѣднихъ своихъ статьяхъ *осаднымъ положеніемъ*, на случай возстанія этого народа?»

Настоящая, *демократическая* конституція—«это, можно сказать, скрижали завѣта, священный нерушимый законъ, стоящій надъ всѣми законами, надъ всякой властью и гражданиномъ до тѣхъ поръ, пока въ особомъ торжественномъ порядкѣ не измѣнитъ его та же высшая учредительная народная власть».

Въ дѣйствительности, очень многія изъ конституцій, создававшихся Учредительными Собраніями, не только принадлежали къ категоріи тѣхъ, которыя украшались «осаднымъ положеніемъ», но и прямо *создавались* въ атмосферѣ осаднаго положенія.

Революціоннымъ Учредительнымъ Собраніямъ не приходится работать въ спокойной кабинетной обстановкѣ, подобно «славному» англійскому Конвенту 1688 г., засѣдавшему къ тому же *при закрытыхъ дверяхъ* [1]), или американскому Учредительному

[1]) Чтобы защитить себя *противъ королевской власти,* Долгій Парламентъ постановилъ въ 1641 году, что «ни одинъ членъ Парламента не имѣетъ права напечатать какую бы то ни было рѣчь или передать съ нея копію безъ разрѣшенія Палаты». Это запрещеніе ревниво соблюдалось и тогда, когда опасность со стороны короля миновала, и преслѣдовало, конечно, совсѣмъ другія задачи—огородить себя отъ общества. Только послѣ долгой борьбы

Конгрессу, работавшему черезъ сто лѣтъ тоже безъ доступа прессы. Члены его даже не хотѣли открыть свои занятія молебномъ, дабы не привлечь народнаго вниманія и не выдать важности предстоявшихъ имъ работъ. Революціонныя Учредительныя Собранія работаютъ въ бурливой, кипящей средѣ, въ тотъ періодъ, когда классовыя и національныя противорѣчія, разбуженныя и обостренныя революціей, достигаютъ опасныхъ размѣровъ, когда конфликты и столкновенія учащаются съ каждымъ днемъ и разряжаются кровопусканіями. Во время революціи событія текутъ со страшной быстротой. Недѣля—это мѣсяцъ; мѣсяцъ длится, какъ годъ. «Шесть столѣтій прожили мы въ теченіе шести лѣтъ!»—сказалъ въ своемъ докладѣ Конвенту Буасси д'Англа въ 1795 году. Одинъ мигъ—и ясное небо покрывается грозными тучами.

Особенно тяжела была атмосфера, въ которой создавалась конституція французскимъ Учредительнымъ Собраніемъ 1848 г. Послѣ нападенія на Собраніе 15 мая и послѣ кровавыхъ іюньскихъ дней воцарился режимъ диктатуры и осаднаго положенія. Романъ-памфлетъ того времени описываетъ положеніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Стали жить въ болѣе спокойной атмосферѣ, клубы безмолвствовали, прессу едва было слышно; не было больше ни группъ, ни пѣсенъ на перекресткахъ. Военный режимъ приносилъ свои плоды. Въ этотъ-то моментъ и въ этихъ условіяхъ надо было дѣлать самое важное дѣло Учр. Собранія—вырабатывать конституцію французской республики» [1]).

А Марксъ въ «18 брюмера» характеризуетъ эти условія въ такихъ энергичныхъ выраженіяхъ:

«Осадное положеніе Парижа играло роль повитухи при Учр. Собраніи во время его республиканскихъ родильныхъ мукъ. Хотя впослѣдствіи конституція была уничтожена при помощи штыковъ, но не слѣдуетъ забывать, что штыки же, и при томъ обращенные противъ народа, были ея защитой еще въ утробѣ матери, и при ихъ же посредствѣ она была выведена на свѣтъ. Предки «чистыхъ республиканцевъ» прошлись по всей Европѣ со своимъ

съ парламентомъ, отвоевали себѣ газеты право доводить до свѣдѣнія публики о результатахъ парламентскихъ засѣданій. Это произошло лишь въ 1771 году, причемъ репортеры могли составлять отчеты исключительно *на память;* дѣлать замѣтки во время дебатовъ имъ запрещалось. Полная парламентская гласность нашла себѣ въ Англіи мѣсто лишь съ 1853 года!

[1]) Ренаръ, Республика 1848 г.

символомъ, трехцвѣтнымъ знаменемъ. Что же касается ихъ самихъ, то они сдѣлали другое открытіе, тоже обошедшее всю Европу, но каждый разъ съ новою и все большею любовью возвращавшееся во Францію и утвердившееся въ половинѣ ея департаментовъ, а именно *осадное положеніе*,—прекрасное открытіе, которое періодически примѣнялось и во всѣхъ послѣдующихъ кризисахъ французской революціи»...

Такимъ же образомъ французское Нац. Собраніе 1871 г. сочиняло свои органическіе законы на грудѣ костей десятковъ тысячъ разстрѣлянныхъ и замученныхъ коммунаровъ, а Учредительное Собраніе 1789 г. дописывало послѣдніе параграфы при залпахъ разстрѣла народа на Марсовомъ полѣ. Такимъ же образомъ и нашему Учред. Собранію пришлось открыться въ атмосферѣ настоящаго осаднаго положенія—и, послѣ разгона, подготовляться къ будущей творческой работѣ среди гражданской войны.

в) Продолжительность выработки конституціи.

Всякое положеніе, которое было высказано или, вѣрнѣе, прошепелявлено въ этомъ (Франкфуртскомъ) Собраніи, было уже давно безконечное число разъ и безконечно лучше напечатано.

К. Марксъ, Революція и контръ-революція въ Германіи.

Время, которое требовалось на обсужденіе и принятіе конституціи, колебалось въ весьма большихъ размѣрахъ. Рекордъ быстроты побилъ Національный Конвентъ, продѣлавшій всю процедуру принятія «Конституціи I года» въ *нѣсколько дней*. Дольше всѣхъ возились съ ней во Франціи въ 1871—1875 годахъ.

Учредительное Собраніе 1789 г. работало надъ конституціей 2 года. Франкфуртскій парламентъ тоже не очень торопился—онъ обсуждалъ ее 10 мѣсяцевъ (съ 27 мая 1848 г. по 8 марта 1849 г.). Швейцарскій Учредительный Сеймъ 1815 года («Долгій Сеймъ») работалъ надъ выработкой федеральной конституціи 17 мѣсяцевъ. Конституція Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ вырабатывалась 5 мѣсяцевъ. Французское Учредит. Собраніе 1848 года и бельгійскій Учред. Конгрессъ изготовили свои конституціи въ 2 мѣсяца. Англійскій Конвентъ 1688 года ограничился принятіемъ Деклараціи правъ («билль о правахъ») [1].

[1]) Англійской писанной конституціи вообще не существуетъ. «Въ 1793 году,—пишетъ Бутми,—монтаньяръ Конвента Геро де Сешель спрашивалъ въ Національной Библіотекѣ экземпляръ законовъ Миноса (миѳическаго Критскаго царя). Совершенно такую же ошибку сдѣлалъ бы тотъ,

г) Судьба конституцій.

Ни одно знамя, побывавшее въ сотнѣ сраженій, такъ не искромсано и продырявлено, какъ наша конституція.

Ф. Лассаль, Сущность конституціи.

Habent sua fata libelli—имѣютъ свои судьбы книги; имѣютъ ихъ и конституціи. Опытъ показалъ, что ни качество, ни прочность конституціи не стоятъ ни въ какой связи съ продолжительностью ея обсужденія. Ни разу не получила примѣненія конституція I года, принятая Конвентомъ въ нѣсколько дней, ни конституція Франкфуртскаго парламента, высиживавшаяся глубокомысленными профессорами почти годъ. Французская конституція 1791 года просуществовала менѣе половины того времени, которое ушло на ея изготовленіе. Соотношеніе силъ во время революціи мѣняется съ кинематографической быстротой. «То сей, то оный на бокъ гнется». Поэтому-то такъ быстро старѣютъ и терпятъ крушеніе конституціи въ революціонную эпоху. Конституція 1791 г. погибла, потому что черезъ годъ она,—со своими специфическими атрибутами—королевской властью, правомъ вето, раздѣленіемъ гражданъ на активныхъ и пассивныхъ,—никоимъ образомъ не соотвѣтствовала тому соотношенію силъ, которое создала въ 1792 году новая побѣда народа и низверженіе Людовика XVI съ трона. Наоборотъ, «конституція I года»—результатъ дальнѣйшаго развитія этого соотношенія силъ, будучи, вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ, «временно» отсрочена реализаціей, оказалась похороненной навѣки, ибо черезъ годъ, съ побѣдой термидоровцевъ, соотношеніе силъ измѣнилось въ обратную сторону, и новая конституція (III года) вернула очень многое изъ конституціи 1791 года, представляя лишь буржуазно-республиканскую ея модификацію (видоизмѣненіе).

«Извѣстно-ли вамъ,—пишетъ Эд. Лабуле,—на какой срокъ было запрещено Учредительнымъ Собраніемъ прикасаться къ конституціи 1791 года, просуществовавшей въ дѣйствительности

кто сталъ бы искать текстъ англійской конституціи... Существуютъ многіе тексты, написанные въ разныя эпохи и не собранные ни въ какомъ единомъ кодексѣ. И даже эти многіе тексты не исчерпываютъ всего конституціоннаго матеріала».

только три мѣсяца? Ее не дозволено было трогать ранѣе 20—30 лѣтъ. Въ теченіе этого періода времени Франція пережила *пять* конституцій и девять правительствъ»...

Совершенно неожиданную долговѣчность получила конституція, созданная французскимъ Національнымъ Собраніемъ 1871 г. Республика, вышедшая изъ нѣдръ монархическаго Собранія, только потому, что господа роялисты не могли столковаться между собою относительно претендента на тронъ... И Собраніе долго-долго оттягивало завершеніе своихъ трудовъ, въ надеждѣ на то, что закулисные переговоры съ графомъ Шамборомъ благополучно разрѣшатся. Заставъ во Франціи къ моменту своего созыва республику, оно предпочло умолчать о формѣ правленія и, согласно «Бордосскому соглашенію», рѣшило заниматься только неотложными дѣлами, предоставляя будущему конституціонные вопросы. Но видя изъ происходившихъ время отъ времени частичныхъ выборовъ, что настроеніе страны явно лѣвѣетъ, оно вынуждено было шагъ за шагомъ класть кирпичи республиканскаго зданія, правда насквозь пропитанные монархическимъ запахомъ. Такъ, 10 марта 1871 года былъ выработанъ законъ о генеральныхъ совѣтахъ, дѣйствующій въ общихъ чертахъ и понынѣ, въ 1872 году—законъ о Государственномъ Совѣтѣ, въ 1873 г.—законъ о семилѣтнемъ срокѣ для главы исполнительной власти, въ 1875 г. — о сенатѣ и т. п. Нѣкоторыя важнѣйшія постановленія проходили только большинствомъ одного или нѣсколькихъ голосовъ. Наконецъ, въ декабрѣ 1875 года Собраніе сочло себя вынужденнымъ разойтись, оставивъ на президентскомъ посту яраго монархиста и клерикала въ лицѣ генерала Макъ-Магона, съ опредѣленной миссіей устроить при первомъ удобномъ случаѣ реставрацію. Реставрація не удалась, Макъ-Магонъ вынужденъ былъ уйти въ январѣ 1879 года. Конституція 1875 года уцѣлѣла.

Собственно говоря,—замѣчаетъ Сеньобосъ,—не существуетъ «конституціи 1875 года», аналогичной другимъ французскимъ конституціямъ (1791, 1793, 1795, 1800 и 1848 г.г.). Ею называютъ нѣсколько разрозненныхъ актовъ, изданныхъ въ 1873 и 1875 годахъ. Въ этомъ отношеніи она до извѣстной степени напоминаетъ англійскую.

Нѣкоторыя либеральныя или демократическія конституціи, павшія жертвой государственнаго переворота или реставраціи, воскресали черезъ нѣкоторое время, какъ фениксъ изъ пепла,

во всей своей неприкосновенной красотѣ послѣ того, какъ въ теченіе ряда лѣтъ служили революціоннымъ лозунгомъ. Такъ ожила черезъ 8 лѣтъ въ Испаніи «конституція 1812 года» и черезъ 33 года, подобно спящей царевнѣ, конституція 1876 года въ Турціи. Чаще возстанавливались *реакціонныя* конституціи, въ результатѣ успѣшнаго coup d'état. Первая конституція французскаго Конвента, «конституція I года», долго служила лозунгомъ демократическихъ круговъ, но такъ-таки не дождалась своего воскреснаго дня, равно какъ польская «конституція 3-го мая» (1791 г.).

Иногда конституціи, живыя или мертвыя, дѣлались предметомъ культа. Въ 1820 году текстъ ея вывѣшивался въ каждомъ испанскомъ городѣ; его носили въ процессіяхъ, какъ Св. Дары, и воздавали тѣ же почести. Про конституцію, созданную Франкфуртскимъ парламентомъ, создана была легенда, будто подлинный оригиналъ ея и теперь еще хранится гдѣ-то въ Швейцаріи, причемъ всѣ знающіе мѣсто, гдѣ она спрятана, якобы обязались взаимнымъ честнымъ словомъ не открывать тайны. «Какъ будто въ настоящій моментъ,— иронически замѣчаетъ Блосъ, — кому-нибудь могло бы придти въ голову посягнуть на этотъ документъ, уже въ 1849 году не имѣвшій никакого значенія»...

д) Элементы конституціи.

Конституціонные законы распадаются на двѣ части: одни регулируютъ организацію и функціи **законодательнаго корпуса**; другіе опредѣляютъ организацію **остальныхъ активныхъ** учрежденій.

Сійесъ, Что такое третье сословіе 1789 г.

Каждая писанная конституція представляетъ довольно значительный уставъ, состоящій изъ множества отдѣловъ, статей и параграфовъ. Такъ, «конституція I года», созданная Конвентомъ, состояла изъ 159 параграфовъ, а III года—изъ 377; конституція, вышедшая изъ рукъ Франкфуртскаго парламента, состояла изъ 197 параграфовъ, не считая избирательнаго закона въ рейхстагъ; турецкая конституція состоитъ изъ 121 статьи и т. д. Каждый изъ этихъ параграфовъ былъ предметомъ обсужденія Учредительнаго Собранія, вызывалъ разногласія и пренія.

Здѣсь мы можемъ заняться только нѣсколькими самыми существенными вопросами, что называется, кардинальными, первостепенными. Таковыми мы считаемъ:

1. Какой строй нужно установить въ странѣ: монархическій или республиканскій?

2. Если республику, то какова она должна быть: буржуазная или демократическая? единая и нераздѣльная, или федеративная; или единая, но съ широкой автономіей отдѣльныхъ частей?

3. Если устанавливается республика, то нуженъ-ли президентъ, или можно и надо обходиться безъ него?

4. Должна-ли быть только одна палата народныхъ представителей, или необходимо установить ихъ двѣ?

5. Если должна быть одна палата, то каковъ долженъ быть избирательный законъ для выборовъ въ нее? Какъ продолжительны должны быть ея полномочія? И каковы должны быть ея взаимоотношенія съ исполнительной властью?

6. Какія необходимы свободы и въ какомъ объемѣ? И какъ должны онѣ быть закрѣплены и обезпечены?

7. И, наконецъ, каковъ долженъ быть порядокъ дальнѣйшаго естественнаго измѣненія и улучшенія конституціи?

Всѣми этими вопросами и нѣкоторыми другими, стоящими съ ними въ тѣсной связи, мы займемся въ ближайшихъ главахъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Монархія или республика?

Королевская и вообще единоличная власть въ этомъ государствѣ, какъ показалъ опытъ, безполезна, тягостна и опасна для свободы, правовъ и интересовъ народа и должна быть упразднена.

Постановленіе Долгаго Парламента 7 февраля 1649 г.

а) Кому нужна монархія?

Богатымъ, знатнымъ и адвокатамъ, но отнюдь не настоящему народу!

Изъ памфлета левеллера эпохи Вел. Англійской революціи.

Во времена англійскаго короля Іакова I, въ промежуткѣ между двумя революціями, утверждалось съ большой важностью (кавалеръ Фильмеръ возвелъ это положеніе въ цѣлую систему),

что «Верховное Существо покровительствуетъ съ особенною милостью наслѣдственнымъ монархіямъ предпочтительно передъ всякой другой формой правленія». Такимъ же образомъ, черезъ полтораста лѣтъ, германскій философъ Гегель, замѣнивъ Верховное Существо Міровымъ Духомъ, объявилъ въ своей философіи права конституціонную монархію высшей и совершеннѣйшей формой правленія. Такого же мнѣнія держалась до недавняго времени вся буржуазія, да и теперь, какъ правило, она остается при томъ же убѣжденіи. На республику она соглашается только въ силу крайней необходимости и смотритъ на нее въ такихъ случаяхъ, какъ на временное неизбѣжное зло, чтобы затѣмъ при первомъ же удобномъ случаѣ замѣнить ее снова монархіей. Самую республику она стремится обезвредить, елико только возможно, сдѣлать ее «республикой безъ республиканцевъ» (Макъ-Магонъ въ 1873 году), или «республикой, представляющей собою соединенную низость двухъ монархій подъ имперіалистической этикеткой» (Марксъ, «18 брюмера»), или «республикой съ республиканской головой на монархическомъ туловищѣ» (Одиллонъ Барро), или, что въ сущности одно и то же, республикой съ королемъ-президентомъ во главѣ.

Тайна непреодолимой любви буржуазіи къ монархіи давно уже раскрыта проницательными наблюдателями. «Кому нуженъ у насъ король?—вопрошалъ въ памфлетѣ анонимный авторъ левеллеръ въ эпоху Великой Англійской революціи и отвѣчалъ:—богатымъ, знатнымъ и адвокатамъ, но отнюдь не настоящему народу». «Среднее сословіе,—пишетъ К. К. Арсеньевъ, — вступивъ (въ 1789 году) въ борьбу съ дворянствомъ и духовенствомъ, не хотѣло усложнять своего положенія открытымъ разрывомъ съ короной... Оно желало ограниченія монархической власти, а не ниспроверженія ея. Оно сознавало, что скоро будетъ *нуждаться въ ней, какъ въ орудіи противъ народа*». Ибо,—пояснялъ жирондистъ Бриссо 26 іюля 1792 года:—«люди приписываютъ слову *король* магическую силу, способную охранять ихъ *собственность*».

Насколько буржуазія дорожила монархіей и чуралась республики [1]), видно изъ того, какъ настойчиво она искала себѣ

---

[1]) Теперь, когда она убѣдилась на многократныхъ примѣрахъ, что республика еще не означаетъ гибели собственности, и что господствовать она можетъ при республикѣ не хуже, а даже полнѣе, чѣмъ при монархіи, она уже не испытываетъ такого паническаго ужаса передъ этой формой правленія.

новаго короля всякій разъ, какъ тронъ дѣлался вакантнымъ, хотя бы отысканіе новаго властителя представляло непреодолимыя трудности. Въ 1830 году Бельгія путемъ революціи отложилась отъ Нидерландовъ, съ которыми была скована Вѣнскимъ договоромъ 1815 года. Былъ созванъ Учредительный Конгрессъ. 28 января 1831 г. онъ приступилъ къ избранію короля. И вотъ какъ резюмировалъ положеніе дѣла депутатъ Лебо: «Передъ нами,—началъ онъ,—*три* комбинаціи: принцъ Оранскій, герцогъ Немурскій и герцогъ Лейхтенбергскій [1]). Принцъ Оранскій означаетъ *гражданскую войну* и *національную гибель*. Принятіе кандидатуры герцога Немурскаго равносильно объявленію *немедленной войны всей Европѣ*. Герцогъ Лейхтенбергскій можетъ вызвать *войну съ Франціей*»... Совсѣмъ, какъ въ древней русской сказкѣ: направо поѣдешь—коня потеряешь, налѣво поѣдешь—самъ погибнешь, прямо поѣдешь—и себя и коня погубишь. Въ результатѣ, путемъ хитроумныхъ дипломатическихъ соображеній, Лебо совѣтовалъ *изъ всѣхъ золъ выбрать наименьшее* и остановиться на сынѣ Богарнэ. О томъ, что можно вовсе избавиться отъ зла, отказавшись отъ короля, и что, провозгласивъ республику, освобождаешься отъ всѣхъ опасностей столкновеній съ иностранными дворами,—объ этомъ онъ умолчалъ, конечно, потому, что республику считалъ хуже войны съ Европой, хуже національной гибели, хуже мора. Республиканцевъ въ Конгрессѣ оказалось всего 13 противъ 174, высказавшихся за конституціонную наслѣдственную монархію, такъ что республиканецъ Поттеръ воскликнулъ, что не стоило проливать кровь для такого результата. Въ концѣ концовъ, послѣ весьма долгихъ перипетій, посреди которыхъ на Лондонской конференціи серьезно подымался вопросъ о *раздѣлѣ Бельгіи* между Англіей, Франціей, Пруссіей и Голландіей—выборъ палъ на кандидата Англіи—Леопольдѣ, сынѣ герцога Саксенъ-Кобургскаго, который и былъ избранъ королемъ бельгійцевъ 4 іюня 1831 года.

[1]) Принцъ Оранскій былъ сынъ голландскаго короля, отъ котораго Бельгія только что отложилась.

Герцогъ Немурскій—второй сынъ Луи-Филиппа, свѣжеиспеченнаго, милостью іюльской революціи, короля французовъ. Противъ его кандидатуры рѣшительнѣйшимъ образомъ высказались европейскія державы съ Англіей во главѣ, опасаясь усиленія Франціи и поглощенія ею Бельгіи.

Герцогъ Лейхтенбергскій—сынъ Евгенія Богарнэ, пасынокъ Наполеона I. О его кандидатурѣ слышать не хотѣлъ, по понятной причинѣ, Луи-Филиппъ.

«Черезъ $1^1/_2$ мѣсяца, 21 іюля,—пишетъ С. Г. Лозинскій,—вся Бельгія праздновала великое торжество: въ этотъ день она пріобрѣла въ лицѣ полу-*нѣмца*, полу-*англичанина*, имѣвшаго жениться на дочери *французскаго* короля, своего «національнаго» короля, и радость народа была неописуема».

Гораздо трагичнѣе окончились поиски *испанскаго* короля послѣ военной революціи 1868 года, свергшей съ престола королеву Изабеллу. Коалиціонное Временное Правительство, съ генералами Примомъ и Серрано во главѣ, созвало Учредительные Кортесы на основѣ всеобщаго избирательнаго права. 214 голосами противъ 71 они высказались за монархію. За республику стояли, главнымъ образомъ, демократы провинцій Каталоніи, Арагоніи и Валенціи. Но когда дошло дѣло до кандидата въ короли, то монархическое большинство раскололось. Либеральный союзъ предлагалъ испанца—герцога Монпансье, женатаго на Луизѣ, сестрѣ эксъ-королевы Изабеллы. Прогрессисты и демократы предпочитали иностраннаго принца. Отъ ихъ имени маршалъ Примъ искалъ въ теченіе цѣлаго года будущаго короля для Испаніи. Онъ предлагалъ корону сыну Португальскаго короля, затѣмъ сыну Итальянскаго короля, а когда, наконецъ, обратился къ принцу Гогенцоллерну Зигмарингенскому, то на этой почвѣ Наполеонъ III объявилъ Пруссіи войну, которая кончилась разгромомъ Франціи.

Какъ извѣстно, нашелся, въ концѣ концовъ, охотникъ въ лицѣ герцога Амедея Аостскаго, второго сына Итальянскаго короля, польстившагося-таки на колючую испанскую корону, ту самую, которая нѣсколько раньше послужила пунктомъ помѣшательства несчастнаго гоголевскаго Поприщина изъ «Записокъ сумасшедшаго». Но болѣе 3 лѣтъ онъ не могъ удержаться на тронѣ и вынужденъ былъ покинуть Испанію.

Только тогда возобладало, наконецъ, республиканское настроеніе, и новые Учредительные Кортесы большинствомъ 255 противъ 32 провозгласило республику. Но она пала жертвой государственнаго переворота со стороны генераловъ, устроившихъ реставрацію Бурбоновъ, въ лицѣ подросшаго сына Изабеллы—Альфонса.

Если бельгійскій Учредительный Конгрессъ, въ своемъ затрудненіи сдѣлать выборъ между претендентами, напоминалъ собою, шиворотъ на выворотъ, Буриданова осла, стоявшаго въ нерѣшительности между вязанками сѣна, одинаково вкусными (въ дан-

номъ случаѣ, одинаково гибельными), если испанскіе Учредительные Кортесы своими траги-комическими поисками короля уподоблялись купеческой свахѣ, тщетно ищущей какого-нибудь женишка для засидѣвшейся невѣсты, то Учредительный англійскій Конвентъ 1688 г. попалъ въ не менѣе забавное положеніе. Какъ мы уже упоминали, онъ состоялъ изъ двухъ палатъ, засѣдавшихъ *отдѣльно*. И въ то время, какъ нижняя палата объявила, «вслѣдствіе бѣгства Іакова II», тронъ вакантнымъ, господа лорды большинствомъ 55 противъ 41 признали этотъ тронъ невакантнымъ, иными словами, заявили, что признаютъ, по-прежнему, королемъ Іакова II. Пришлось образовать согласительную конференцію изъ комиссаровъ обѣихъ палатъ, которая, въ концѣ концовъ, стала на точку зрѣнія нижней палаты. Оставалось теперь найти короля. Эта задача казалась совсѣмъ простой. Единственнымъ и притомъ вполнѣ «законнымъ» претендентомъ былъ Вильгельмъ, принцъ Оранскій, какъ мужъ Маріи, дочери экс-короля Іакова, тѣмъ болѣе, что онъ же совершилъ революцію, высадившись, по зову виговъ, съ 15-тысячнымъ войскомъ, и онъ же созвалъ Конвентъ. Но лорды хотѣли признать его только регентомъ; другіе хотѣли возвести на престолъ Марію, а его считать лишь «принцемъ-мужемъ». Вильгельмъ, однако, былъ сдѣланъ не изъ того тѣста, какъ полтораста лѣтъ спустя Альбертъ, «принцъ-супругъ» королевы Викторіи. Онъ категорически заявилъ, что не согласенъ ни быть регентомъ, ни *быть привязаннымъ къ переднику хотя бы наилучшей изъ женъ*. И пришлось Конвенту возвести на престолъ сразу обоихъ и жену и мужа, и Марію и Вильгельма. И были тогда въ Англіи, какъ въ древней Спартѣ, *два* короля, одинъ съ передникомъ, другой безъ него.

На нашихъ глазахъ искала себѣ короля Норвегія. 7 іюня 1905 года норвежскій парламентъ («стортингъ») принялъ единогласно революціонное постановленіе о расторженіи связи со Швеціей и назначило Временное Правительство. Народный референдумъ далъ 321.000 за отторженіе и всего 161 противъ. Швеція не посмѣла примѣнить силу и вынуждена была признать фактъ.

Норвегія могла объявить себя республикой. Это было такъ естественно. За республику стояли соціалъ-демократы и радикалы. Но умѣренныя партіи, т.-е. буржуазія, предпочитали короля. На этотъ разъ было выставлено вотъ какое «соображеніе». Республика, говорили они, можетъ уединить Норвегію въ ряду европейскихъ государствъ. Случится несчастіе,—война со Шве-

*

цией или съ кѣмъ-нибудь другимъ, и Норвегія-республика останется одна; никто ее не поддержитъ. Напротивъ, король, избранный изъ какихъ-либо европейскихъ принцевъ, приведетъ съ собою уже готовые родственные и дружескіе союзы съ очень многими монархами Европы [1]). Этотъ «доводъ» показался настолько убѣдительнымъ, что и парламентъ и народъ въ своемъ большинствѣ приняли монархію, хотя примѣръ Швейцарской республики долженъ былъ бы показать, что и безъ «родственныхъ связей» можетъ спокойно существовать маленькое государство (черезъ нѣсколько лѣтъ Португалія не побоялась объявить себя республикой, имѣя за спиной монархическую Испанію). Да и какое содѣйствіе могли оказать родственныя связи избраннаго въ короли Карла,—принца изъ крошечной Даніи. Все это было лицемѣріемъ, прикрывавшимъ обычное непреодолимое пристрастіе буржуазіи къ королямъ и царямъ.

Удовольствуемся этими примѣрами, ибо при желаніи ихъ можно привести сколько угодно. Когда-то Саулъ отправился искать своихъ ословъ и, вмѣсто нихъ, нашелъ царскій тронъ. Но еще не было случая, чтобы ослы, ища царя, не отыскали своего Саула...

б) Провозглашеніе республики.

Взгляни: вѣнцами шевеля
Несется грозъ послѣднихъ стая—
«Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая».

Эмиль Кроткій («*Н. Жизнь*», *30 іюня 1917 г.*).

Для того, чтобы вмѣсто монархіи была провозглашена республика, нужно, чтобы революціонная борьба захватила широкія народныя массы, чтобы въ процессѣ этой борьбы идея монархизма дѣлалась все болѣе ненавистной, а республиканскія теченія пріобрѣтали подавляющее вліяніе, чтобы такимъ образомъ создалось республиканское Учредительное Собраніе, или чтобы народъ грознымъ давленіемъ на своихъ представителей заставилъ ихъ волей-неволей провозгласить республику. Безъ этихъ условій зажиточные слои всегда предпочтутъ удовольствоваться: 1) требованіемъ отъ прежняго короля или царя дарованія или при-

[1]) См. В. В. Водовозовъ, «Учредительное Собраніе», стр. 35.

знанія новой конституціи, либо 2) замѣной короля его ближайшимъ наслѣдникомъ, либо 3) возведеніемъ на престолъ новой династіи. Республика—это уже четвертая, крайняя ступень.

Именно такимъ образомъ, въ процессѣ продолжительной войны Долгаго Парламента съ королемъ Карломъ I, Парламентъ вынужденъ былъ, подъ сильнѣйшимъ давленіемъ своей революціонной арміи, объявить короля низложеннымъ и провозгласить республику, причемъ со стороны войска потребовалось героическое средство—«очищеніе парламента», т.-е. изгнаніе всей правой его половины. 23 декабря 1648 года остатокъ, или «охвостье», парламента учредилъ комиссію для обсужденія вопроса какъ поступить съ королемъ. 27 января 1649 года судилище изъ 135 человѣкъ, назначенныхъ парламентомъ, приговорило его къ смерти, 30 января онъ былъ казненъ, а 7 февраля парламентъ объявилъ, что «королевская и вообще единоличная власть должна быть отмѣнена, такъ какъ опытъ показалъ, что она безполезна, тягостна и опасна для свободы, правовъ и интересовъ народа». И послѣ этого—только черезъ 3 мѣсяца, 19 мая 1649 года, парламентъ провозгласилъ Англію республикой.

Аналогичнымъ образомъ совершилось объявленіе первой республики во Франціи, но оно предшествовало казни короля. Въ процессѣ борьбы революціонной Франціи съ Людовикомъ XVI, который не переставалъ стремиться къ тому, чтобы вернуть, съ помощью иноземцевъ, утраченную абсолютную власть, народъ взялъ приступомъ 10 августа 1792 г. Тюльерійскій дворецъ и заключилъ короля съ семьей въ тюрьму. Былъ созванъ Національный Конвентъ, и въ первомъ же засѣданіи 21 сентября монтаньяръ Колло-д'Эрбуа внесъ предложеніе немедленно отмѣнить королевскую власть. Оно было единогласно принято послѣ того, какъ епископъ Грегуаръ пресѣкъ дебаты своимъ знаменитымъ изреченіемъ: «Исторія королей — это книга страданій народовъ».

Гораздо труднѣе было рѣшить вопросъ, что дѣлать съ низложеннымъ королемъ. На этой почвѣ борьба между жирондистами и монтаньярами приняла весьма острый характеръ. 3 декабря Конвентъ постановилъ, что его надо судить съ соблюденіемъ всѣхъ процессуальныхъ формъ и что судить его долженъ самъ Конвентъ въ полномъ составѣ. 17 января 1793 г. былъ вынесенъ смертный приговоръ, и 21 января эксъ-король былъ гильотинированъ.

Эта казнь была послѣдней организованной расправой всего народа, въ лицѣ его представителей, съ ненавистными «божьими» помазанниками. Въ дальнѣйшемъ — послѣдніе спѣшили заблаговременно улепетнуть изъ взбунтовавшейся страны, въ чемъ имъ обычно препятствій и не ставилось. Если же они этого не успѣвали дѣлать, то ихъ объявляли плѣнниками, и они доживали свой вѣкъ въ заточеніи. Только мексиканскій «императоръ» Максимиліанъ, братъ Францъ-Іосифа и ставленникъ Наполеона III, захваченный въ плѣнъ, по приказанію Соединенныхъ Штатовъ, былъ разстрѣлянъ инсургентами 19 іюня 1867 года. За послѣдніе годы изгнанію подверглись эксъ-монархи: португальскій король, персидскій шахъ и опереточный «албанскій король» принцъ Видъ, а заключенію внутри собственной страны — турецкій султанъ, китайскій богдыханъ и россійскій императоръ... Воистину, должность монарха становится изъ году въ годъ, согласно формулѣ Долгаго Парламента, все болѣе «безполезна, тягостна и опасна»... для нихъ самихъ.

Въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ республика провозглашалась *впервые* Учредительнымъ Собраніемъ. Такимъ же образомъ возникли С.-Американская республика, Бразильская и Китайская. Въ Китаѣ Національное Собраніе, созванное въ концѣ 1911 г. южанами въ Нанкинѣ, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ взятія этого города, провозгласило республику еще въ разгарѣ борьбы съ богдыханомъ и сразу же выбрало президента (Сун-Ят-Сена, скоро уступившаго мѣсто Юаньшикаю).

Но бывали случаи, что республика объявлялась, немедленно за переворотомъ, самимъ Временнымъ Правительствомъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ упоеннаго побѣдой народа. Такъ было, напр., во Франціи въ 1848 г.

Вотъ какъ описываетъ этотъ моментъ Ж. Ренаръ:

«Едва организовавшись, Времен. Правит. уже колеблется самоопредѣлиться, связать себя безповоротно. Республиканское *по существу*, будетъ-ли оно *называться* республиканскимъ? Осмѣлится-ли оно опередить желаніе *всей націи* въ такомъ важномъ вопросѣ? Очевидцы этихъ смутныхъ часовъ единогласно отмѣчаютъ сомнѣнія и виляніи Мари, Гарнье-Пажеса и даже самого Ламартина, но цѣлый день изъ среды вооруженныхъ группъ, которыми кишитъ Гревская площадь, раздаются требованія покончить скорѣе съ этимъ вопросомъ. Распайль даетъ правительству двухъ-часовой срокъ, чтобы вынести рѣшеніе.

Лагранжъ и повстанцы, водворившись въ Ратушѣ, наблюдаютъ и торопятъ хозяевъ положенія. Ламартинъ предлагаетъ длинную и тяжеловѣсную формулу. Въ нее вносятъ поправки, упрощаютъ ее. Передовые требуютъ рѣшительной формулы: *«Временное Правительство провозглашаетъ Республику»*. Умѣренные находятъ редакцію рѣзкой и предлагаютъ болѣе робкую: «Временное Правительство *желаетъ* республики». Побѣждаетъ средняя компромиссная редакція Кремье: «Временное Правительство желаетъ республики, но только съ утвержденія народа, который будетъ немедленно опрошенъ».

Тотчасъ же рабочіе расписываютъ углемъ громадными буквами на широкой полосѣ бѣлаго холста слѣдующія слова: «Во Франціи провозглашена Республика единая и нераздѣльная». Они вскарабкиваются на выступъ окна и при свѣтѣ факеловъ развертываютъ плакатъ. Могучіе возгласы оглашаютъ воздухъ, но за ними слѣдуетъ крикъ отчаянія. Одинъ изъ рабочихъ только что упалъ на площадь, и его уносятъ совершенно окровавленнаго. Древніе увидали бы въ этомъ предзнаменованіе. Увы! Республика 1848 года, возбудивъ порывъ энтузіазма, должна была пасть сама въ крови рабочаго».

Какъ же отнеслась *вся нація* къ этому предвосхищенію ея воли парижскимъ народомъ? Черезъ два съ лишнимъ мѣсяца (4 мая) сошлось впервые Учредительное Собраніе 1848 года, собраніе реакціонеровъ всевозможныхъ оттѣнковъ, гдѣ засѣдали іезуиты, орлеанисты, легитимисты, «чистые» республиканцы, немногочисленные демократы и нѣсколько коммунистовъ. И что же!

«Слышите-ли вы громъ возгласовъ? Это Учредительное Собраніе на своемъ первомъ засѣданіи кричитъ *семнадцать* разъ подъ-рядъ: «Да здравствуетъ Республика!» и повторяетъ возгласъ въ 18-ый разъ передъ народомъ на подъѣздѣ Бурбонскаго дворца. Эритье полагаетъ, что при всей ненависти и страхѣ, которые Собраніе питало къ республикѣ, этотъ возгласъ въ его устахъ не былъ абсолютно лживымъ, такъ какъ оно было увѣрено, что классовыя привилегіи его останутся неприкосновенными. Это было главное — а потому можно было до поры до времени мириться съ республикой. Либеральный монархистъ Дювержье-де-Оранъ откровенно признался Луи-Блану: «Мы, конечно, не хотимъ республики, но разъ она провозглашена, то мы безъ обиняковъ признаемъ новый режимъ». Онъ не добавилъ только, что они постараются сдѣлать ее такой, чтобы она стала для нихъ вполнѣ пріемлемой... до замѣны ея монархіей.

Третья французская республика, подобно второй, провозглашена была непосредственно народомъ въ день переворота. Лишь только вѣсть о Седанской катастрофѣ, гдѣ Наполеонъ попалъ въ плѣнъ со всей арміей, докатилась до Парижа, огромная толпа народа съ криками: «Низверженіе! Да здравствуетъ республика!» ворвалась въ Законодательный Корпусъ. Депутаты, только что собиравшіеся голосовать вопросъ объ учрежденіи регентства — директоріи изъ 5 лицъ (пока подрастетъ сынъ Наполеона), вынуждены были объявить тутъ же династію низложенной. Подъ предводительствомъ Гамбетты, народъ двинулся къ Ратушѣ, и тамъ была съ величайшимъ энтузіазмомъ провозглашена республика.

О томъ, какъ относилось къ республиканскому образу правленія Національное Собраніе, сошедшееся 12 февраля 1871 года въ г. Бордо, мы уже говорили въ предыдущей главѣ. Это была одна изъ самыхъ монархическихъ и клерикальныхъ палатъ, какія только видѣла Франція въ XIX столѣтіи, и съ перваго же дня думала только о возстановленіи монархіи. Если это не удалось въ первые же мѣсяцы, то исключительно потому, что орлеанисты съ легитимистами, какъ мы уже говорили раньше, не могли между собою столковаться относительно будущаго короля, а претендентъ легитимистовъ графъ Шамборъ («Генрихъ V») былъ непреклоненъ въ своихъ легитимныхъ принципахъ и разрушилъ всякую возможность признанія его орлеанистами. А нѣсколько лѣтъ спустя было уже слишкомъ поздно. Страна, освободившаяся понемногу отъ дикой ненависти къ коммунарамъ и привыкшая мало-по-малу обходиться безъ королей и императоровъ, полѣвѣла; палата депутатовъ стала въ большинствѣ своемъ буржуазно-республиканской. Реставрація стала невозможной. Это и выразилъ 24 мая 1873 года президентъ Тьеръ, въ своей лебединой рѣчи (послѣ которой монархисты выразили ему недовѣріе и заставили подать въ отставку): «Длить до безконечности временное положеніе невозможно. *Такъ какъ нельзя усѣсться втроемъ на одинъ тронъ*,—то остается республика... Теперь для васъ, для меня *практически* монархія абсолютно невозможна. Слѣдовательно, *приходится* признать республику, но *она должна быть консервативной*». Но насколько близко было тогда возстановленіе монархіи, видно изъ того, что вопросъ о реставраціи считался уже рѣшеннымъ и въ палатѣ и въ Европѣ; приготовленія къ пріѣзду короля уже были въ полномъ ходу; самъ «Генрихъ V» прі-

ѣхалъ въ Версаль. Всѣ чиновники и мэры были давно уже замѣнены монархистами. Бюсты республики были удалены изъ всѣхъ казенныхъ учрежденій и мэрій; во всѣхъ офиціальныхъ актахъ тщательно избѣгалось слово *республика*. 30 января 1875 года Собраніе отвергло большинствомъ 30 голосовъ формулу лѣвой: «правительство *республики* состоитъ изъ двухъ палатъ и президента».

Такъ какъ все-же необходимо было, въ концѣ концовъ, придти къ какому-нибудь заключенію, то удалось переманить налѣво небольшую группу умѣренныхъ орлеанистовъ и *большинствомъ одного голоса* (353 противъ 352) прошла поправка Валлона, которая, давая главѣ исполнительной власти уже не временно, а постоянно титулъ *президента республики*, признавала *косвенно* республиканскую форму правленія во Франціи.

Такимъ образомъ, третья республика проскочила, что называется, «фуксомъ» и въ своемъ родѣ «единогласно».

Наша россійская республика отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что она формально провозглашена *впервые* не при переворотѣ (27 февраля — 3 марта) и не на Учредительномъ Собраніи, а въ промежуточный моментъ. Перваго сентября 1917 года, черезъ полгода послѣ начала революціи и за 3 мѣсяца до предполагаемаго дня созыва Учредительнаго Собранія, фактическій диктаторъ земли русской, министръ-предсѣдатель А. Керенскій, обнародовалъ за своей подписью и подписью министра-юстиціи Заруднаго историческій актъ, которымъ одновременно провозглашалась республика и оповѣщалось объ образованіи директоріи изъ пяти лицъ. Вотъ первая половина этого документа, помѣченнаго первымъ днемъ сентября и появившагося въ газетахъ 4 — 5 сентября:

«Отъ Временнаго Правительства.

Мятежъ генерала Корнилова подавленъ, но велика смута, внесенная имъ въ ряды арміи и страны, велика опасность, угрожающая судьбѣ Родины и ея свободѣ. Считая нужнымъ положить предѣлъ внѣшней неопредѣленности государственнаго строя и памятуя единодушное и восторженное признаніе республиканской идеи, которое сказалось на московскомъ государственномъ совѣщаніи, Временное Правительство объявляетъ, что государственный порядокъ, которымъ управляется *россійское государство, есть порядокъ республиканскій, и провозглашаетъ Россійскую Республику*. Срочная необходимость принятія немедленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ для возстановленія потрясеннаго

государственнаго порядка побудила Временное Правительство передать полноту всей власти по управленію *пяти* лицамъ изъ его состава во главѣ съ министромъ-предсѣдателемъ»...

Послѣ появленія этого акта ужъ не могло быть никакихъ сомнѣній, если они до того въ комъ-нибудь гнѣздились, что Учредительное Собраніе отвергнетъ монархическій принципъ и признаетъ или вѣрнѣе подтвердитъ Россійскую Республику.

Какова же будетъ эта республика?

в) Различныя формы республики.

Повѣрьте разъ навсегда: вопросъ уже не въ томъ — быть-ли монархіи или республикѣ? Вопросъ въ томъ—*какой* быть республикѣ?

Рѣчь Дювержье-де-Орана въ апрѣлѣ 1848 г.

А. Оларъ въ своей «Политической исторіи французской революціи» раздѣляетъ исторію первой республики на 3 періода:

1) 1792—1795 г.г. (I—III годы республики)—*демократическая*[1]) республика.

2) 1795—1799 г.г. (III—VIII годы республики)—*буржуазная* республика.

3) 1799—1804 г.г. (VIII—XIII годы республики)—*плебисцитарная* республика.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что жирондистовъ обвиняли въ стремленіи превратить Францію, по образцу недавно образовавшихся Соединенныхъ Штатовъ Америки, въ *федеральную* республику, въ противовѣсъ чему Конвентъ провозгласилъ республику *единую и нераздѣльную*.

Этотъ же лозунгъ единой и нераздѣльной былъ, какъ мы только что видѣли, повторенъ рабочими на своемъ плакатѣ въ первый же моментъ провозглашенія 2-й республики (24 февраля 1848 г.). Но еще до того, во время битвы, буржуа, по словамъ Ренара, слышали возгласъ, который они не понимали и который въ теченіе послѣдовавшихъ мѣсяцевъ многократно повторялся: «Да здравствуетъ демократическая и *соціальная* республика!».

Всѣ эти термины слышали и мы у себя въ теченіе того полугодія, которое прошло отъ переворота до офиціальнаго объ-

[1]) Нѣкоторые историки называютъ ее *якобинской* республикой.

явленія россійской республики. Лозунгъ «демократическая республика» былъ выставленъ въ первый же моментъ и былъ принятъ восторженно демократіей и молчаливо кадетами и кадетствующими, хотя эти послѣднія группы изъ того обстоятельства, что революція наша является «буржуазной», т.-е. сохраняетъ *экономическія основы* буржуазнаго капиталистическаго общества (правильнѣе называть нашу революцію *демократической*) стремятся вывести, что и республика должна быть *буржуазной*. Это, конечно, грубый обманъ, такъ какъ буржуазная революція, исключительно въ зависимости отъ своего размаха, можетъ дать то демократическую, то буржуазную, то плебисцитарную республику, то монархію всевозможныхъ видовъ. «Соціальной» республикой мыслятъ ее тѣ, кто, подобно Ленину, Троцкому или Зиновьеву, самую нашу революцію представляетъ соціалистической или ведущей, въ непрерывномъ своемъ развитіи, непосредственно къ соціализму. Третій съѣздъ Совѣтовъ, открывшійся 10-го января, провозгласилъ поэтому Россію *«соціалистической* республикой» и притомъ «республикой *Совѣтовъ*». «Единой и нераздѣльной» провозглашаютъ ее всѣ тѣ правые элементы, которые высказываются противъ всякихъ федерацій и почти противъ всякихъ автономій. «Федеративная республика» является лозунгомъ многихъ національныхъ и нѣкоторыхъ соціалистическихъ партій и декларирована 5-го января 1918 года на первомъ засѣданіи Учредительнаго Собранія.

И даже терминъ «плебисцитарной республики» тоже выплылъ какъ-то на страницахъ нѣкоторыхъ газетъ въ связи съ бонапартистской авантюрой генерала Корнилова. Наконецъ, слѣдовало бы ввести терминъ «*лже*демократической республики», т.-е. такой республики, которая, имѣя въ извѣстномъ отношеніи *видимость* демократической, на самомъ дѣлѣ является буржуазной.

Не будемъ здѣсь касаться вопроса о нераздѣльной и федеративной республикѣ... Впереди же будетъ также рѣчь о «соціальной республикѣ» и о «соціалистической Республикѣ Совѣтовъ».

На остальныхъ остановимся вкратцѣ.

«Изъ всѣхъ режимовъ,—иронически говаривалъ бонапартистъ Гранье-де-Кассаньякъ,—самый счастливый, безспорно, республиканскій. Какому бы другому режиму забыли и простили, если бы онъ на самой зарѣ своей жизни вздумалъ разстрѣлять и сослать на каторгу 30.000 человѣкъ? А третья республика сдѣлала это— и ей простили».

Кассаньякъ, конечно, злился и потому говорилъ двойную неправду. Рабочій классъ никогда не прощалъ и не забывалъ кроваваго усмиренія Коммуны, но, съ одной стороны, онъ отлично помнилъ и то, что столь любезная сердцу Кассаньяка вторая имперія на зарѣ своей жизни разстрѣляла и сослала на каторгу не меньшее число людей, а, во-вторыхъ, тотъ режимъ, который учинилъ кровавую расправу надъ коммунарами, и который воплощался въ реакціонной *монархической* палатѣ, во главѣ исполнительной власти вчерашнемъ *орлеанистѣ* Тьерѣ и въ арміи чиновниковъ и офицеровъ, набранныхъ *сплошь* изъ монархистовъ, никоимъ образомъ не могъ быть названъ республикой. Это была дѣйствительно «республика безъ республиканцевъ». Поэтому не совсѣмъ неправъ былъ старикъ Ледрю-Ролленъ, когда въ 1873 г., въ отвѣтъ на упреки органа Гамбетты, что онъ собирается погубить третью республику, какъ погубилъ въ свое время вторую, отвѣтилъ, что хоть и мало существовала республика подъ его управленіемъ (два мѣсяца), но зато она ужъ была республикой, а третья республика только даромъ носитъ это названіе.

Но онъ не добавилъ, что и его республика на четвертомъ мѣсяцѣ своей жизни провоцировала и учинила іюньскую бойню, ничѣмъ не уступавшую усмиренію Коммуны.

Нынѣшняя *третья* французская республика является, въ полномъ смыслѣ слова, *буржуазной* республикой, несмотря на то, что она построена на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Вотъ тѣ *важнѣйшія* установленія, которыя дѣлаютъ ее таковой:

1. Кромѣ палаты представителей, выбирающейся на основѣ всеобщаго, но далеко не демократическаго избирательнаго права, имѣется *верхняя* вполнѣ антидемократическая палата—сенатъ.

2. Имѣется президентъ республики, съ довольно значительной компетенціей, съ солиднымъ цивильнымъ листомъ, избираемый на *семь* лѣтъ.

3. Глубоко централистская организація администраціи.

4. Антидемократическая организація арміи и полиціи, суда и самоуправленія.

5. Существованіе аристократическихъ титуловъ.

Заслуживающую это названіе *демократическую* республику мы изъ европейскихъ странъ найдемъ только въ Швейцаріи, несмотря на существованіе тамъ второй палаты. Соединенные Штаты относятся къ разряду лже-демократическихъ республикъ, вслѣдствіе огромной роли, которую тамъ играетъ президентъ, и

вслѣдствіе наличности сената. Это — республика крупнаго капитала, республика трестовъ, протекціонизма и имперіализма.

«Плебисцитарная» республика существовала во Франціи дважды: въ 1799—1804 г.г. и въ 1852 году. Это специфическая *Наполеоновская* республика, являющаяся просто переходомъ къ Наполеоновской «плебисцитарной имперіи», т.-е. военной цезаристской имперіи, украшенной непеpіодическими плебисцитами.

г) Продолжительность жизни республикъ, созданныхъ революціей.

Не сонъ-ли это? — спросилъ тронутый Кремье послѣ рѣчи, сказанной имъ адвокатамъ въ первые дни республики.—Да, гражданинъ министръ, это былъ сонъ, въ томъ-то вся и бѣда... Мнѣ все кажется, что король уѣхалъ на время...

Герценъ—1 сентября 1848 г.

Жизнь республикъ, созданныхъ революціями и національными возстаніями, находилась въ самой тѣсной связи съ судьбою самой революціи или возстанія. Въ приведенной табличкѣ указаны въ хронологическомъ порядкѣ продолжительность существованія наиболѣе извѣстныхъ республикъ, возникшихъ вслѣдствіе *внутренней революціи*, начиная съ англійской республики.

	РЕСПУБЛИКИ.	Когда существовали.	Какъ пали.	Чѣмъ замѣнены.	Продолжительность жизни.
1	Англійская . .	1649—1660	Государств. переворотъ.	Реставрація.	12 лѣтъ †
2	Первая Французская	1792—1804	Государств. переворотъ.	Имперія.	12 » †
3	Вторая Французская	1848—1851	Государ. переворотъ.	»	4 года †
4	Римская. . . .	1848—1849	Иностр. вмѣшат.	Реставрація.	½ » †
5	Тосканская . .	1848—1849	Иностр. вмѣшат.	»	½ » †
6	Третья Французская	1870—	—	—	48 лѣтъ —

	РЕСПУБЛИКИ.	Когда существовали.	Какъ пали.	Чѣмъ замѣнены.	Продолжительность жизни.
7	Испанская . . .	1873—1874	Государ. переворотъ.	Реставрація.	2 года †
8	Бразильская . .	1890—	—	—	28 лѣтъ —
9	Португальская.	1910—	—	—	8 » —
10	Китайская . . .	1911—	—	—	7 » —
11	Россійская. . .	1917—	—	—	2 года —

Изъ этой таблички видно, что продолжительность жизни павшихъ республикъ колебалась отъ полугодія до 12 лѣтъ, составляя въ среднемъ 5 лѣтъ. За исключеніемъ двухъ маленькихъ итальянскихъ республикъ 1848 г., задавленныхъ французами и австрійцами, остальныя пали жертвой внутреннихъ государственныхъ переворотовъ. Болѣе интересный выводъ заключается въ томъ, что начиная съ 1870 года — всѣ республики (кромѣ лишь испанской) становятся живучими и дожили до нынѣшняго дня. Средняя жизнь этихъ уцѣлѣвшихъ 4 республикъ (наша новорожденная республика сюда не включена) уже теперь составляетъ 22 года. Это служитъ для насъ хорошимъ предзнаменованіемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Одна или двѣ палаты?

> Революціи начинаются съ одной палатой, а оканчиваются съ двумя.
>
> *Миньe, Исторія франц. революціи.*

а) Происхожденіе двухпалатной системы.

> Двухпалатная система представляетъ собою какъ бы результатъ *счастливой* случайности.
>
> *Проф. А. Эсменъ, Общія основанія конституц. права.*

Послѣ того, какъ установили основную форму государственной жизни—монархію или республику, Учредительное Собраніе

должно въ одну изъ первыхъ очередей вырѣшить вопросъ: быть-ли одной палатѣ представителей или двумъ. Извѣстно, откуда явилось это столь распространенное и въ то же время столь странное раздѣленіе законодательнаго учрежденія на два этажа или на двѣ палаты. За исключеніемъ Греціи, Сербіи, Болгаріи и нѣсколькихъ мелкихъ государствъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи, нѣтъ такого европейскаго государства, которое довольствовалось бы одной палатой. То же мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ бо̀льшей части англійскихъ самоуправляющихся колоній, за исключеніемъ Манитобы, Онтаріо и Британской Колумбіи. Даже черная республика Гаити имѣетъ своихъ сенаторовъ.

Первоисточникомъ этой любви къ дуализму, къ двойственности въ одной и той же области, гдѣ одно и то же дѣло дѣлаютъ самостоятельно и параллельно два различныхъ учрежденія, и худшее изъ нихъ сплошь и рядомъ уничтожаетъ плоды трудо̀въ лучшей коллегіи, какъ тощія коровы пожирали жирныхъ—является Англія со своими двумя палатами—общинъ и лордовъ. Тамъ это создалось чисто историческимъ путемъ въ видѣ двухъ послѣдовательныхъ напластованій, и въ глазахъ извѣстнаго французскаго буржуазнаго конституціоналиста Эсмена «представляетъ собою какъ бы результатъ *счастливой* случайности».

Когда крупные англійскіе землевладѣльцы или бароны или, какъ они назывались еще, «великіе вассалы короны» добились въ тринадцатомъ вѣкѣ отъ короля Іоанна Безземельнаго «великой хартіи вольностей», то завоевали, между прочимъ, и право участія въ управленіи страной, для чего время отъ времени съѣзжались ко двору и составляли государственный совѣтъ при королѣ. Такіе періодическіе съѣзды архіепископовъ, епископовъ и наслѣдственно-призываемыхъ бароновъ разрѣшали вопросъ объ обложеніи податями, судили своихъ членовъ и обсуждали нѣкоторые мелкіе вопросы. Это и былъ зародышъ «палаты лордовъ».

Но потомъ потребовали права участія въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ и другія менѣе вліятельныя группы: мелкіе вассалы (рыцарство), низшее духовенство и города. Ихъ тоже стали созывать на періодическія совѣщанія въ лицѣ ихъ *представителей* (по 2 рыцаря отъ графства [1]) и по 2 депутата отъ

[1]) Графствомъ назывался въ Средней Европѣ округъ или участокъ, во главѣ котораго стоялъ «графъ», мѣстный судья; затѣмъ получило значеніе мелкаго независимаго княжества, владѣльцы котораго назывались графами. Въ Англіи графство стало обозначать провинцію (губернію).

нѣкоторыхъ городовъ), но вмѣсто того, чтобы слить ихъ съ «палатой лордовъ» въ одно собраніе (это вообще противорѣчило всему сословному духу средневѣковья), изъ нихъ составили отдѣльную палату, которую стали называть, «палатой общинъ» или «нижней палатой», потому что она засѣдала въ нижнемъ этажѣ, а лорды въ верхнемъ. Этотъ чисто историческій *фактъ*—постепеннаго достиженія политическаго вліянія различными общественными группами—былъ потомъ возведенъ глубокомысленными учеными въ конституціонную догму, былъ облѣпленъ кучей доводовъ и соображеній и сталъ предметомъ подражанія почти для всѣхъ государствъ [1]). Конечно, и Россія не составила исключенія, когда въ 1905 году Николай II облагодѣтельствовалъ ее сперва Булыгинской, а потомъ Виттевской конституціей. «Необходимость двухъ палатъ стала теперь самоочевидной истиной политической науки», — заявляетъ Брайсъ. «Необходимость этого раздѣленія представляется въ новѣйшемъ конституціонномъ правѣ почти аксіомой»,— вторитъ ему Эсменъ. Немногочисленные случаи однопалатной системы трактуются имъ, какъ «аномалія», т.-е. какъ уродство.

Вторая или «верхняя» палата всегда составляется иначе, чѣмъ «нижняя», причемъ для этого пускаются въ ходъ всѣ антидемократическіе способы, какіе можно только выдумать. Туда попадаютъ богатые земельные аристократы, которые пользуются этимъ правомъ наслѣдственно, какъ цари, такъ какъ послѣ ихъ смерти оно переходитъ къ ихъ старшимъ сыновьямъ; или богатѣйшіе люди страны, или чиновники по назначенію короля, или люди съ весьма высокимъ имущественнымъ цензомъ, или люди, достигшіе пожилого возраста, или представители губернскихъ земскихъ собраній, университетовъ и т. д. и т. д. Это—классовый аппаратъ верхнихъ слоевъ государства для того, чтобы, и при наличности болѣе или менѣе народной, выборной нижней палаты, не выпускать изъ своихъ рукъ власть и направлять государственный корабль сообразно ихъ аппетитамъ и вожделѣніямъ.

---

[1]) Потому вполнѣ правильно разсуждалъ въ Учредительномъ Собраніи въ сентябрѣ 1789 года депутатъ Рабо Сенъ-Этьенъ: «Мнѣ кажется, что верхняя палата, какъ отдѣльная палата, не есть учрежденіе спеціально *придуманное*, какъ средство, чтобы задерживать опасныя стремленія народнаго собранія. Я допускаю на минуту, что она имѣетъ такое значеніе, и что результатъ *вынужденнаго обстоятельствами* равновѣсія превратился потомъ въ результатъ предусмотрительнаго благоразумія, но *первоначально это вовсе не имѣлось въ виду*»...

Буржуазные ученые, конечно, стараются скрывать или прикрывать классовый смыслъ второй палаты и подыскиваютъ другіе болѣе «приличные» мотивы.

«Раздѣленіе законодательной власти,—пишетъ англійскій либералъ Ольстонъ,—имѣетъ важное значеніе. Цѣль здѣсь—*помѣшать слишкомъ поспѣшному образу дѣйствій.* Оно предоставляетъ время для новаго разсмотрѣнія законопроектовъ, поручая это разсмотрѣніе другой коллегіи. Послѣдняя составляется обыкновенно изъ людей, которые менѣе склонны къ *поспѣшному* образу дѣйствій (потому-ли, что они старше, *богаче* или болѣе опытны) и менѣе считаются съ народными страстями (потому что ихъ положеніе сравнительно *устойчивѣе)*».

Это «объясненіе» настолько прозрачно, что совсѣмъ почти не утаиваетъ истиннаго предназначенія верхней палаты, подобно платьямъ, которыя носили богатыя дамы во время Директоріи въ сумерки революціи, и которыя «ничего не скрывали». Самыя названія, которыя носитъ верхняя палата во многихъ странахъ, вполнѣ обнаженно выдаютъ ея назначеніе: «Палата *лордовъ*» въ Англіи, «Палата *магнатовъ*» въ Венгріи, «Палата *господъ*» въ Пруссіи. Замысловатѣе другое объясненіе. Такъ какъ буржуазный мыслитель иначе не можетъ себѣ представить организацію государственнаго управленія, какъ въ формѣ постоянной борьбы законодательной и исполнительной власти, то въ лицѣ верхней палаты усматривается органъ, который разрѣшалъ бы эти неизбѣжные, по мнѣнію либеральныхъ ученыхъ, конфликты. «*Единая* власть неизбѣжно кончитъ тѣмъ, что все поглотитъ, — такъ доказывалъ въ своемъ докладѣ Учредительному Собранію Лалли-Толлендаль 31 августа 1789 г. — *Двѣ* будутъ бороться до тѣхъ поръ, пока одна не сокрушитъ другую. Но *три* будутъ поддерживаться въ полномъ равновѣсіи, если онѣ комбинированы такимъ образомъ, что когда двѣ будутъ бороться между собою, третья... присоединится къ притѣсняемой противъ притѣснительницы и водворитъ между ними миръ». Что при такой идилліи создаются безконечные конфликты въ самой законодательной машинѣ, которая пыхтитъ, шипитъ, но не двигается съ мѣста, не только не огорчаетъ, но даже радуетъ нашихъ ученыхъ «конституціоналистовъ». Ибо весь смыслъ второй палаты, составленной изъ «болѣе богатыхъ» и «не считающихся съ народными страстями» (т.-е. интересами) людей, въ томъ и заключается, чтобы парализовать дѣятельность нижней палаты, какъ въ законодательной области,

такъ и въ случаѣ столкновенія съ исполнительной. «Въ концѣ концовъ, — пишетъ Эсменъ, — народу важно не то, чтобы имѣть *много* законовъ, но чтобы имѣть *хорошіе* законы... Для важныхъ реформъ нѣтъ ничего опаснѣе, какъ быть сорванными, прежде чѣмъ онѣ созрѣли... Задержка въ проведеніи реформъ, вызываемая наличностью двухъ палатъ, чаще всего оказывается въ высшей степени благодѣтельной для нихъ»... «Лучше имѣть однимъ хорошимъ закономъ меньше,—доказывалъ въ своемъ докладѣ Конвенту въ 1795 году Буасси д'Англа, при обсужденіи «конституціи III года»,—чѣмъ однимъ дурнымъ закономъ больше». Однимъ словомъ, поспѣшишь, людей насмѣшишь, и тише ѣдешь, дальше будешь...

Англійскій проф. Джэнксъ пытался недавно найти новое «оправданіе» существованія второй палаты — спеціально въ примѣненіи къ Викторіи, одному изъ штатовъ Австраліи. Признавая вполнѣ откровенно, что всѣ ухищренія избирательнаго права въ верхнюю палату («Законодательный Совѣтъ») «на практикѣ обезпечиваютъ то, что онъ будетъ состоять изъ богатыхъ людей, которые, вполнѣ естественно, смотрятъ на вещи съ *капиталистической* точки зрѣнія», онъ утверждалъ, что «противоположныя черты, характеризующія нижнюю палату («Законодательное Собраніе»), дѣлаютъ изъ него, также вполнѣ естественно, выразителя интересовъ *труда*... А такъ какъ очевидно необходимо, чтобы каждая изъ двухъ великихъ партій была надлежащимъ образомъ представлена въ управленіи страной, то настоящее положеніе вещей, въ извѣстной мѣрѣ, *удовлетворительно*». Но даже для Австраліи, по признанію самого Эсмена, «картина, нарисованная Джэнксомъ, оказалась невѣрной»: нижняя палата не имѣетъ рабочаго большинства. Что же сказать о нижней палатѣ у французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, австрійцевъ и т. д. и т. д., гдѣ представители труда буквально тонутъ въ подавляющемъ большинствѣ изъ депутатовъ отъ капитала и землевладѣнія?!

б) О двухъ палатахъ въ Великой Англійской революціи.

Палата лордовъ безполезна и опасна...
Постановленіе Долгаго Парламента 6 февраля 1649 г.

Вотъ что писалъ тогда о палатѣ лордовъ глава левеллеровъ-уравнителей Джонъ Лильборнъ (1649 г.): «Всякая законодательная

власть, по самой природѣ своей, произвольна, и было бы величайшимъ рабствомъ предоставлять свободное распоряженіе ею кому-нибудь *на всю жизнь*, въ виду извращеній и коварства, къ которымъ способны человѣческія сердца, даже сердца лучшихъ людей. Но притязанія лордовъ состоятъ не только въ томъ, чтобы всю жизнь обладать властью, но еще и въ томъ, чтобы *передавать ее по наслѣдству своимъ сыновьямъ*, хотя бы они были негодяями или глупцами, а это уже является злѣйшимъ порабощеніемъ». Агитація противъ лордовъ имѣла успѣхъ. Черезъ три года, когда революція достигла зенита, вожди арміи вмѣстѣ съ парламентомъ распустили палату лордовъ. Парламентъ объявилъ ее 6 февраля 1649 года «безполезной и опасной» и постановилъ ее упразднить. Единственный разъ за все время существованія англійскаго государства парламентъ сталъ *однопалатнымъ*, если не считать, разумѣется, того первоначальнаго періода, когда не существовала еще палата общинъ.

Но продолжалось это только 10 лѣтъ, ибо реставрація возстановила и права лордовъ. А «славная» революція 1688 года меньше всего думала о посягательствѣ на *такія* основы.

в) О двухъ палатахъ послѣ возстанія американскихъ колоній.

Если республика держится въ Соединенныхъ Штатахъ, то это лишь благодаря сенату.
Эд. Лабулэ, Исторія Соедин. Штатовъ.

Когда ровно черезъ столѣтіе послѣ революціи 1688 г., отдѣлившіяся отъ Англіи 13 колоній Сѣв. Америки вырабатывали на своемъ Учредительномъ Конгрессѣ въ Филадельфіи свою федеральную конституцію, то онѣ позаимствовали у своей бывшей метрополіи, въ числѣ многаго другого, и систему двухъ палатъ. Но тутъ было придумано другое, болѣе осмысленное основаніе. Тринадцать колоній сильно отличались другъ отъ друга и размѣромъ территоріи, и количествомъ населенія, и природными богатствами. Крупные штаты не могли столковаться съ мелкими относительно характера представительства въ парламентѣ. Первые требовали, чтобы число депутатовъ отъ каждаго штата было пропорціонально, т.-е. соотвѣтствовало *количеству населенія*. Малые штаты понимали, что при такихъ условіяхъ ихъ делегаты потонутъ въ общей массѣ депутатовъ, и ихъ интересы не будутъ

достаточно защищаться, онп потребовали поэтому, чтобы всѣ штаты посылали въ парламентъ *одинаковое* число представителей, не считаясь съ населеніемъ. Какъ же было поступить? Тутъ были замѣшаны весьма серьезные и противоположные классовые интересы плантаторовъ малонаселенныхъ южныхъ штатовъ и купечества болѣе людныхъ промышленныхъ сѣверныхъ колоній.

Ничего лучшаго не придумали, какъ создать *двѣ* палаты: одну по принципу народонаселенія, другую — съ равнымъ представительствомъ (по 2 депутата) отъ каждаго штата. Первая называется палатой представителей, вторая сенатомъ, а обѣ вмѣстѣ конгрессомъ. Равному представительству въ сенатѣ мелкіе штаты придавали такое значеніе, что настояли на внесеніи въ конституцію оговорки о *непреложности* этого положенія и о невозможности измѣнить его даже въ порядкѣ исправленія конституціи.

Что здѣсь, однако, былъ и другой умыселъ, обычный умыселъ при измышленіи верхней палаты, видно вотъ изъ чего. Во-первыхъ, сенаторы выбираются въ каждомъ штатѣ не непосредственно народомъ, а посылаются законодательнымъ собраніемъ этого штата, стало быть они попадаютъ въ сенатъ на основѣ двухстепенныхъ, косвенныхъ выборовъ. Затѣмъ они выбираются на весьма длинный срокъ (6 лѣтъ), не должны быть моложе 30 лѣтъ, должны быть постоянными жителями своего штата. Все это придаетъ сенату старый знакомый букетъ цензоваго классоваго учрежденія, остріе котораго направлено совсѣмъ въ другую сторону — противъ рабочаго класса. И этому-то учрежденію предоставлено гораздо болѣе правъ, чѣмъ нижней палатѣ, такъ какъ совмѣстно съ президентомъ оно принимаетъ участіе и въ управленіи. Но самое лучшее доказательство, что верхнюю палату американцы переняли съ опредѣленной цѣлью, видно изъ того, что она была организована въ *каждомъ отдѣльномъ штатѣ*, гдѣ ужъ, конечно, не было для того никакихъ «федеративныхъ» основаній.

Какъ англійская палата лордовъ стала исходнымъ пунктомъ для созданія второй палаты во всѣхъ государствахъ, такъ американскій сенатъ послужилъ образцомъ для всѣхъ другихъ демократическихъ *федерацій* — Швейцаріи, Австраліи, Канады, Бразиліи и др., и именно въ немъ буржуазные конституціоналисты искали и находили объясненіе прочности с.-американскаго политическаго строя. Ибо въ началѣ «измѣняя своему прошедшему и увлекаясь иллюзіей, которую раздѣлялъ и Франклинъ,—

пишетъ Эд. Лабулэ въ своей «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ»,— Америка вручила все управленіе въ руки *одной палаты;* этого было достаточно, чтобы впасть тотчасъ въ анархію и дрожать отъ страха возмущенія въ ту самую минуту, когда миръ дѣлалъ ее владычицей своихъ судебъ». Но, къ счастью, нѣсколько патріотовъ догадались въ 1787 году созвать Конвентъ, а въ немъ изобрѣсти сенатъ, и всю анархію, какъ рукой сняло. «Если республика держится въ Соединенныхъ Штатахъ,—продолжаетъ Лабулэ, — то это лишь благодаря сенату; безъ него ужъ давно произошла бы борьба на смерть между президентомъ и палатой представителей». Что столь опаснаго для республики президента выдумали въ томъ же Конвентѣ, и что безъ такого яда не потребовалось бы противоядія, — Лабулэ и въ голову не приходитъ.

г) О двухъ палатахъ въ Великой Французской революціи.

> Король обѣщалъ дать конституцію съ тремя палатами.
>
> *Засѣданіе Генер. Штатовъ 28 іюня 1789 г.*

> Меня убиваетъ не Робеспьеръ, а отсутствіе второй палаты.
>
> *Предсмертныя слова жирондиста Бюзо въ 1793 году.*

Совсѣмъ иначе отнеслось къ вопросу о второй палатѣ французское Учредительное Собраніе 1789 г. Отрицательныя стороны палаты лордовъ были всѣмъ извѣстны. Американскій сенатъ только что былъ созданъ и не успѣлъ еще себя показать, кромѣ того онъ вызывался, по крайней мѣрѣ такъ казалось, чисто мѣстными условіями — федеративнымъ строемъ, — ко Франціи непримѣнимыми. Учредительное Собраніе, далѣе, съ большимъ трудомъ, послѣ отчаянной борьбы, разрушило свое собственное «трехпалатное» строеніе, ибо оно вѣдь было созвано какъ трехсословные Генеральные Штаты, а король такъ и предлагалъ конституцію «съ тремя палатами». Наконецъ, оно вѣдь предоставило королю право отсрочивающаго «вето», т.-е. пріостановки своихъ постановленій на цѣлыхъ четыре года. При такихъ условіяхъ — верхняя палата была совершенно излишней даже съ точки зрѣнія буржуазнаго собранія, тѣмъ болѣе, что оно лишило избирательнаго права всѣхъ «пассивныхъ» гражданъ, т.-е. рабочихъ.

Вопросъ все-таки обсуждался и вызвалъ горячія пренія, продолжавшіяся съ 31 августа до 10 сентября 1789 г. Защитники второй палаты, главнымъ образомъ, оперировали тѣмъ доводомъ, что она даетъ одинъ изъ способовъ разрѣшенія конфликтовъ между законодательной и исполнительной властью. Они только забыли прибавить, что въ дѣйствительности всѣ конфликты съ королемъ разрѣшалъ *народъ*, бросаясь самоотверженно и на Бастилію, и на Версаль, и на Тюльери. Но большинство Учредительнаго Собранія склонилось на сторону тѣхъ радикальныхъ элементовъ, воспитанныхъ на ученіяхъ Мабли и физіократовъ, которые напоминали о единствѣ и недѣлимости суверенитета, принадлежащаго націи и представляемаго Законодательнымъ Собраніемъ. Никакая иная палата не можетъ и не должна ограничивать той, которая воплощаетъ волю народа.

Система «противовѣса» была отвергнута. Большинствомъ 490 голосовъ противъ 89 была принята одна палата.

«Это рѣшеніе Собранія,—писалъ историкъ французской революціи Минье,—сдѣлалась впослѣдствіи предметомъ многихъ упрековъ. Защитники «пэрства» приписывали всѣ несчастія революціи отсутствію верхней палаты, какъ будто возможно было какому бы то ни было учрежденію остановить ходъ революціи. Не конституція дала ей тотъ характеръ, который она приняла, а сила обстоятельствъ, созданныхъ борьбой партій. Что стала бы дѣлать верхняя палата, поставленная между дворомъ и націей? Объявивъ себя за дворъ, она не могла-бы подкрѣпить его, и отмѣна ея самой стала бы неизбѣжной. Въ подобныя времена событія идутъ быстро, и все, что задерживаетъ ихъ, излишне. Въ Англіи палата лордовъ была закрыта во время революціоннаго кризиса, хотя она и была покорна. *Для всякой системы есть свое время: революціи начинаются съ одной палатой, а оканчиваются съ двумя*».

Въ формѣ остроумнаго афоризма, Минье повторяетъ здѣсь соображенія праваго депутата Учредительнаго Собранія 1789 г. *Мунье*, который тоже проводилъ рѣзкую грань между Собраніями революціоннаго періода и палатами нормальнаго времени. «Настоящее Собраніе,—доказывалъ съ трибуны Мунье,—имѣющее своимъ назначеніемъ утвержденіе организаціи власти и воздвиженіе зданія свободы, *должно было быть образовано изъ одного корпуса*, дабы оно обладало большей силой и быстротой; но эта самая степень силы, если бы она *въ конституціи была сохранена*, кончила бы тѣмъ, что все бы разрушила»... Теорія

Мунье-Минье, стало быть, сводится къ тому, что всякая революціонная учредительная матушка, хотя должна быть и бываетъ единственной дочкой революціи, обязана все-таки родить и, на самомъ дѣлѣ, рожаетъ законодательныя двойни. А если бы, въ видѣ «аномаліи», она разрѣшилась однимъ лишь дѣтищемъ, то внучки ужъ обязательно рождены будутъ близнецами. Такъ оно въ дѣйствительности и бывало, если исключить двухпалатный англійскій Конвентъ 1689 года.

Само собою разумѣется, что Національный Конвентъ, собравшійся въ 1792 году, при выработкѣ «конституціи I года» республики, не украсилъ верхнимъ этажемъ своего зданія, о которомъ Тьеръ выразился, что оно создано «въ моментъ демократическаго неистовства». Онъ, который боролся съ «федерализмомъ» жирондистовъ и провозгласилъ французскую республику «единой и нераздѣльной», ужъ конечно не могъ увлекаться американскимъ сенатомъ.

Но при выработкѣ своей второй конституціи — «конституціи III года», Конвентъ былъ уже не тотъ. Это было послѣ «9 термидора», послѣ гибели монтаньяровъ и возвращенія жирондистовъ, когда революція катилась подъ гору. И вотъ впервые появилась во Франціи двухпалатная система. Были созданы «Совѣтъ Пятисотъ» и «Совѣтъ Старѣйшинъ» (изъ 250 членовъ). Членами первой палаты могли быть люди не моложе 30 лѣтъ, а второй не моложе 40 лѣтъ, при томъ отнюдь не холостые. Совѣтъ Старѣйшинъ могъ отмѣнять цѣликомъ всѣ постановленія Совѣта Пятисотъ, въ чемъ безсмыслица двухпалатной системы— замѣчаетъ Блосъ—была доведена до крайней своей степени[1]).

Впрочемъ, Наполеонъ, воплотивъ въ жизнь, послѣ государственнаго переворота 18-го брюмера, конституціонныя идеи

---

[1]) Мы выше приводили разсужденія докладчика Буасси д'Англа на тему, что лучше однимъ хорошимъ закономъ меньше, чѣмъ дурнымъ больше. Онъ же въ этомъ докладѣ такъ опредѣлялъ взаимоотношенія обоихъ Совѣтовъ: «Совѣтъ Пятисотъ будетъ *мыслью* и, такъ сказать, *воображеніемъ* республики; Совѣтъ Старѣйшинъ будетъ ея *разумомъ*». Эта напыщенная фразеологія должна была означать, что первый Совѣтъ будетъ *сочинять* законы (мысль, воображеніе!), а второй будетъ ихъ *принимать* или цѣликомъ *отвергать* (разумъ!). «Мы хотѣли гарантировать Совѣтъ Старѣйшинъ,—пояснялъ онъ,— отъ опаснаго искушенія вступить въ соперничество съ Совѣтомъ Пятисотъ на почвѣ иниціативы и изготовленія законовъ».. Иными словами, первый Совѣтъ низводился до степени законосовѣщательнаго департамента при второмъ Совѣтѣ.

Сіейса и опубликовавъ свою новую «конституцію VIII года» (1800 г.), показалъ, что игра въ палаты не знаетъ никакихъ предѣловъ нелѣпости. Онъ раздробилъ законодательную власть между *четырьмя* учрежденіями: 1) государственнымъ совѣтомъ, 2) законодательнымъ корпусомъ, 3) трибунатомъ и 4) сенатомъ!! Государственный совѣтъ *сочинялъ* законопроекты, трибунатъ высказывалъ о нихъ свое *мнѣніе*, законодательный корпусъ *голосовалъ*: да или нѣтъ, а сенатъ налагалъ послѣ этого свое *вето*. *«Такъ въ ненастные дни занимались они... дѣломъ»*...

д) О двухъ палатахъ во Франціи въ 1848 году.

Общественное мнѣніе рѣшительно высказывалось въ пользу единой палаты, и не только въ Парижѣ, но почти во всѣхъ департаментахъ.

Токвиль, Воспоминанія.

Черезъ полстолѣтіе вопросъ о второй палатѣ снова былъ поставленъ въ Учредительномъ Собраніи. Депутаты Дювержье-де-Оранъ, Одиллонъ Барро и Токвиль ссылались на Англію, Америку и Швейцарію. Они выдвигали уже знакомые намъ доводы, что двѣ палаты могли служить въ качествѣ взаимнаго противовѣса и взаимной узды и устранить возможность безразсудныхъ поступковъ и необдуманныхъ порывовъ, тогда какъ при *одной* палатѣ есть рискъ, что она превратится или въ самую безотвѣтственную, самую гнетущую диктатуру, диктатуру коллектива, или что она станетъ въ острый конфликтъ съ исполнительной властью, которая одна будетъ стоять противъ нея.

Противъ этой аргументаціи стояла традиція Великой Французской Революціи, такъ какъ ни Учредительному Собранію, ни Законодательному, ни Конвенту (въ первомъ періодѣ его существованія) не было извѣстно такое разрѣшеніе вопроса. «При исключительныхъ обстоятельствахъ—возражалъ Ламартинъ—диктатура націи необходима, и она не можетъ быть осуществлена ни однимъ человѣкомъ, ни двумя палатами, которыя съѣдятъ другъ друга». Многіе среди передовыхъ республиканцевъ—замѣчаетъ Ренаръ—разсчитывали на то, что единой палатѣ будетъ легко декретировать соціальный переворотъ. Самъ Прудонъ требовалъ, чтобы французскій народъ передалъ всю полноту своей власти единому Собранію такого рода. Наконецъ, не знали, какъ составить вторую палату; боялись, что возродится «палата пэровъ»,

созданная въ 1815 году реставраціей, или консервативный сенатъ, который будетъ служить тормозомъ на пути демократіи.

Итакъ, было рѣшено и принято, что палата будетъ одна и что, такимъ образомъ, у законодательной власти будетъ только одна голова.

е) О двухъ палатахъ во Франціи въ 1871 году.

Существованіе сената ведетъ къ безконечному затягиванію важнѣйшихъ реформъ...

Ренодель — Засѣданіе пал. депут. 27 іюля 1917 г.

Учредительное Собраніе 1871 года уже не боялось, что возродится «палата пэровъ». Оно стремилось къ тому, что разъ приходится, волей-неволей, сохранять республику, то надо сдѣлать все, чтобы она походила какъ можно меньше на демократію. Поэтому она сочинила вторую палату—«сенатъ», члены котораго частью были назначены самимъ Собраніемъ, частью избирались губернскими (департаментскими) избирательными коллегіями. Въ засѣданіи 28 февраля 1872 года Гамбетта выступилъ рѣзко противъ этого проекта. «Мы особенно энергично отвергаемъ насажденіе второй палаты,—говорилъ онъ,—и не допускаемъ, чтобы сдѣлано было малѣйшее посягательство на всеобщее голосованіе... Подъ предлогомъ оказать сопротивленіе закону числа, т.-е. верховенству націи, стараются организовать узду, и, въ дѣйствительности, создаютъ постоянную причину столкновеній, поводъ для вѣчнаго возбужденія въ странѣ... Нижняя палата будетъ республиканской, какъ исходящая отъ всеобщаго голосованія, а верхняя—монархической... Вамъ предлагаютъ организовать постоянную случайность, вѣчное безсиліе!» Тѣмъ не менѣе, онъ потомъ со своими сторонниками голосовалъ за сенатъ—лишь бы «спасти республику»[1]). Это—вполнѣ искусственное, вполнѣ безполезное и достаточно вредное учрежденіе,

---

[1]) Изъ выставлявшихся возраженій любопытно указаніе депутата Накэ 28 января 1875 г.: «Лучшимъ доказательствомъ того, что раздѣленія законодательной власти на двѣ палаты недостаточно для предупрежденія революціи и государственныхъ переворотовъ, служитъ то, что 18 брюмера государственный переворотъ совершился противъ законодательной власти, раздѣленной между двумя собраніями и, если я не ошибаюсь, одно изъ этихъ собраній въ сильной степени помогло Бонапарту произвести переворотъ противъ другого».

которое даже выше цитированный Ольстонъ характеризуетъ, какъ неудачное. «Французскій сенатъ,—говоритъ онъ,—не выполняетъ никакой специальной функціи классоваго (sic!) или провинціальнаго представительства. У него нѣтъ внушающихъ уваженіе традицій, какъ у палаты лордовъ (?!), или того права на существованіе, какое имѣетъ американскій сенатъ. Нечего удивляться, поэтому, что онъ постоянно катился по наклонной плоскости въ смыслѣ утраты значенія, пока не превратился въ *тѣнь* того, что изъ него хотѣли сдѣлать, и нынѣ онъ не обладаетъ достоинствомъ и еще менѣе политическимъ вліяніемъ».

Насчетъ утраты Сенатомъ политическаго вліянія еще можно поспорить. «Авторитетные европейскіе государствовѣды,—пишетъ Тарле,—согласны между собою въ томъ, что французскій сенатъ имѣетъ гораздо больше фактической власти надъ нижней палатой, чѣмъ въ Англіи... Онъ можетъ сколько-угодно разъ отвергать законопроекты, прошедшіе черезъ палату депутатовъ». Мало, очень мало можно насчитать за *первой* французской палатой прогрессивныхъ актовъ въ области соціальнаго законодательства, реформы налоговъ, улучшенія государственнаго строя и т. п. Но *всякая* такая попытка обязательно натыкалась на упорное противодѣйствіе со стороны сената и сплошь и рядомъ погибала безслѣдно. Чтобы не ходить далеко, возьмемъ примѣръ изъ области, о которой намъ придется говорить въ слѣдующей же главѣ. Когда палата депутатовъ въ 1912 году, послѣ весьма продолжительныхъ преній, приняла значительнымъ большинствомъ (339 голосовъ противъ 217) пропорціональную систему выборовъ, то въ сенатѣ она была отвергнута. Черезъ два года, въ 1914 году, палата снова одобрила эту реформу большинствомъ 338 противъ 201. Но сенатъ вторично провалилъ ее. А затѣмъ началась война, и вопросъ лежитъ подъ сукномъ и будетъ, конечно, долго тамъ покоиться.

Любопытно, что совсѣмъ недавно, несмотря на войну, парализующую всѣ начинанія и преобразованія, соціалисты подняли вопросъ объ уничтоженіи сената. 27-го іюля 1917 года Ренодель выступилъ въ палатѣ съ требованіемъ, отъ имени соціалистовъ, созыва «Національнаго Собранія» для пересмотра конституціи и, въ первую голову, для упраздненія двухпалатной системы. Она ведетъ къ безконечному затягиванію важнѣйшихъ реформъ. Многіе законопроекты погребаются въ папкахъ и шкафахъ сенатскихъ комиссій. Правительство принуждено дѣлать всѣ свои заявленія

дважды, сначала въ палатѣ, потомъ въ сенатѣ; министры мечутся изъ Бурбонскаго дворца въ Люксембургскій, растрачивая драгоцѣнное время. Двойное изданіе парламентскихъ документовъ поглощаетъ цѣлыя пирамиды бумаги и т. д. и т. п.

Разумѣется, изъ этого предложенія ничего не вышло и не выйдетъ. Если бы даже, какимъ-нибудь чудомъ, палата согласилась на созывъ «Національнаго Собранія», то сенатъ отклонилъ бы его, и все осталось бы по прежнему [1]).

ж) О двухъ палатахъ въ Россійскомъ Учредительномъ Собраніи.

> Законодательный корпусъ, раздѣленный на двѣ вѣтви,—это телѣжка, влекомая одной лошадью спереди и одной сзади — въ прямо противоположныя стороны.
>
> *Франклинъ въ 1787 г.*

Нашей третьеіюньской Думѣ страсть какъ хотѣлось, если не замѣнить собою Учредительное Собраніе, то хоть играть по отношенію къ нему роль верхней палаты. Но, увы, этотъ номеръ не имѣлъ никакихъ шансовъ пройти.

Въ самомъ Учредительномъ Собраніи правая, начиная съ кадетовъ, а можетъ и еще кого-нибудь лѣвѣе, будетъ настаивать на облагодѣтельствованіи Россіи добавочной законодательной головой, «какъ у всѣхъ людей».

Будутъ повторять доводы Токвиля, Барро, Тьера, будутъ ссылаться на примѣры великихъ демократій — Соединенныхъ Штатовъ и Швейцаріи. Кому охота выпустить изъ рукъ такой великолѣпный классовый аппаратъ застоя и регресса? Но, ко-

---

[1]) Когда вспыхиваетъ революція, о верхней палатѣ обычно забываютъ, какъ будто ея и не было. Многіе-ли помнили у насъ 27 февраля—3 марта 1917 г. про существованіе Государственнаго Совѣта? Когда разразилась сентябрьская революція въ Парижѣ (4 сентября 1870 г.), сенатъ собрался въ этотъ день на засѣданіе. Усѣлись и провозгласили храбро: «Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ императрица! Да здравствуетъ императорскій принцъ!». Затѣмъ сенаторъ Барошъ печально сказалъ: «Если бы мы могли надѣяться, что та народная масса, которая вторглась въ законодательный корпусъ, явится и къ намъ, я бы сказалъ, что каждый изъ насъ долженъ, сидя въ своемъ креслѣ, ожидать мятежниковъ. Но, къ несчастью, у насъ нѣтъ основаній льстить себя такой надеждой. Революція можетъ вспыхнуть во всемъ Парижѣ, но къ намъ она не заглянетъ». И въ самомъ дѣлѣ,—замѣчаетъ иронически Л. Грегуаръ «Исторія Франціи въ XIX столѣтіи», т. IV),—сенатъ былъ совсѣмъ забытъ!

нечно, эти попытки будутъ отражены самымъ энергичнымъ образомъ.

Въ истинно-демократическомъ государствѣ нѣтъ и не должно быть взаимной грызни законодательной и исполнительной власти. Тамъ исполнительная власть *подчиняется* законодательной, которая въ свою очередь является воплощеніемъ воли народа и ее осуществляетъ. Стало быть, отпадаетъ всякая ссылка на роль второй палаты, какъ на разрѣшительницу конфликтовъ между народнымъ представительствомъ и правительствомъ.

Чтобы, съ другой стороны, избѣжать «поспѣшныхъ», непродуманныхъ или случайныхъ постановленій со стороны народной палаты, вполнѣ достаточно, чтобы каждый законопроектъ прошелъ въ 3 чтеніяхъ, съ извѣстнымъ промежуткомъ времени между ними. Затѣмъ для очень *важныхъ* вопросовъ можетъ быть еще установленъ путь одобренія народомъ, какъ въ Швейцаріи (референдумъ).

Наконецъ, для измѣненія *основныхъ* законовъ, для внесенія поправокъ въ самую конституцію, долженъ быть созданъ путь еще болѣе обезпечивающій...

Чтобы палата не превратилась въ «самую безотвѣтственную диктатуру коллектива», какъ боялись въ 1848 году, вполнѣ достаточно, чтобы срокъ ея полномочій былъ непродолжительный, напр., два года, съ правомъ «отзыва» (перевыборовъ) депутатовъ, и чтобы все государство было перестроено на демократическихъ началахъ, съ демократическимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, съ референдумомъ, законодательной иниціативой народа, съ независимымъ свободнымъ судомъ и т. д.

Второй палаты будутъ требовать, какъ необходимой связи въ федеративной республикѣ, причемъ будутъ ссылаться на Соединенные Штаты, Швейцарію, Канаду, Австралію и т. п. Россійскія условія, конечно, имѣютъ мало общаго съ этими, исторически сложившимися федераціями. Какъ бы однако вопросъ ни былъ вырѣшенъ, для связыванія отдѣльныхъ частей вовсе не требуется непремѣнно особой верхней палаты, которая всегда будетъ составлена антидемократически и поэтому всегда будетъ лежать мертвымъ грузомъ на плечахъ народныхъ представителей.

Верхняя палата—усыпальница законодательнаго почина, кладбище прогрессивныхъ начинаній, могила народныхъ надеждъ. Нижняя палата, если она демократически составлена, всегда

можетъ сказать верхней, перефразируя слова калифа Омара: «Если ты дѣлаешь то же дѣло, что и я, то ты—*излишня*. Если ты дѣлаешь противоположное, то ты—*вредна*. Въ обоихъ случаяхъ—ты *не нужна*!».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Учредительное Собраніе и избирательный законъ.

Что раньше: курица или яйцо?
Изъ средневѣковой схоластики.

Что раньше: Учредительное Собраніе или избирательный законъ?

а) Общее правило.

Пусть только попробуютъ посягнуть на всеобщее избирательное право!
Ледрю-Ролленъ въ 1849 г.

Итакъ, у насъ будетъ, надо полагать, *одна* законодательная палата. Какъ же она будетъ избираться? Кто изъ жителей Россійской республики будетъ имѣть право подачи голоса при выборахъ («активное право») и быть избираемымъ въ депутаты («пассивное право»)? Кто будетъ лишенъ этихъ правъ? Учредительное Собраніе должно будетъ и этотъ конституціонный вопросъ вырѣшить въ одну изъ первыхъ очередей.

Всякое Учредительное Собраніе есть выборное собраніе народныхъ представителей. Оно уже само выбрано на основаніи какого-то избирательнаго закона. Притомъ этотъ законъ составленъ былъ благодаря революціи и въ разгаръ революціи, значитъ для своего времени долженъ представлять нѣкоторый шагъ впередъ. Учредительному Собранію, поэтому, не приходится тутъ браться за совершенно неразработанный вопросъ, открывать впервые Америку. Ему приходится лишь пересмотрѣть свою собственную основу, чтобы внести въ нее тѣ или иныя измѣненія.

Общее правило, которое можно вывести изъ изученія дѣятельности Учредительныхъ Собраній въ этомъ отношеніи, заключается

въ слѣдующемъ: *ни одно Учредительное Собраніе, каково бы оно ни было, не ухудшаетъ того избирательнаго закона, на основаніи котораго оно было созвано.* Исключенія изъ этого правила очень рѣдки и объясняются особыми обстоятельствами. Въ то же время оно сравнительно рѣдко вноситъ и существенныя улучшенія. Развитіе и усовершенствованіе избирательнаго права, т.-е. привлеченіе къ управленію государственнымъ кораблемъ новыхъ, до того презираемыхъ и безправныхъ, слоевъ населенія, является обычно результатомъ революціоннаго *переворота*, прямымъ послѣдствіемъ активной борьбы народныхъ массъ, а не даромъ Учредительнаго Собранія.

Причина, почему Учредительныя Собранія рѣдко улучшаютъ свою собственную базу, вполнѣ понятна. Они всегда были классовыми собраніями. Нѣсколько труднѣе постигнуть, почему они, несмотря на свой классовый, нерѣдко крайне классовый характеръ, не посягали на эту свою базу. Но надо помнить, что имъ приходилось создавать конституцію въ атмосферѣ революціи, среди продолжающихся уличныхъ бурь и битвъ. Поэтому сдѣлать покушеніе на фундаментъ революціонныхъ завоеваній оно не дерзаетъ, какъ бы реакціонно оно ни было. Кромѣ того, если благодаря этому избирательному закону, или *несмотря* на такой избирательный законъ, создалось реакціонное Собраніе, то у него не является особаго побужденія портить его. Такой стимулъ возникаетъ обычно позднѣе, когда, благодаря измѣнившемуся настроенію народа или другимъ обстоятельствамъ, избирательный законъ обнаруживаетъ передъ перепуганной буржуазіей скрытые въ немъ когти. Если же Учредительное Собраніе вышло прогрессивнымъ или демократическимъ, то оно будетъ не ухудшать, а скорѣе улучшать избирательный законъ.

б) Избирательное право во время Великой Англійской революціи.

> Даровать всѣмъ людямъ избирательное право, это равносильно тому, чтобы признать за ними право свободнаго распоряженія чужимъ имуществомъ и чужой землей.
>
> *Айртонъ—Засѣданіе Долгаго Парламента.*

Въ разгарѣ Великой Англійской революціи, когда была провозглашена республика, и въ Долгомъ Парламентѣ начались пренія объ измѣненіи избирательнаго закона, былъ впервые

выдвинутъ тамъ принципъ всеобщаго избирательнаго права [1]). Депутатъ *Пэтти* выступалъ въ качествѣ его сторонника, а яростнымъ противникомъ его являлся депутатъ *Айртонъ*, зять Кромвеля, защищавшій цензовое избирательное право.

«Я придерживаюсь того мнѣнія,—говорилъ Айртонъ,—что участвовать въ дѣлахъ управленія, въ выборахъ лицъ, составляющихъ законы, можетъ только тотъ, кто связанъ прочными интересами съ той или иною частью государства. Только лица, владѣющія *земельной собственностью*, и могутъ быть представителями народа въ парламентѣ. По той же причинѣ только эти лица и должны пользоваться избирательнымъ правомъ. Безсмысленно доказывать естественное право каждаго участвовать въ голосованіи и избраніи. Рождаясь на свѣтъ, люди располагаютъ лишь правомъ на воздухъ и на то пространство, въ границахъ котораго они вращаются. Даровать всѣмъ людямъ избирательное право, это равносильно тому, чтобъ признать за ними право *свободнаго распоряженія чужимъ имуществомъ и чужой землей*. Если неимущимъ людямъ будетъ предоставленъ голосъ, это неизбѣжно поведетъ *къ уничтоженію всякой собственности, всякаго истиннаго права*».

Въ отвѣтъ на эти столь знакомыя, глубокомысленныя разсужденія, которыя въ настоящее время вызываютъ лишь улыбку, левеллеръ Пэтти ссылался на то, что *«всѣ люди равны*, потому что у всѣхъ одинаковая природа. Если они не могутъ сами сообща управлять государствомъ и выбираютъ для этого особыхъ представителей, то это происходитъ только потому, что ихъ многочисленность не даетъ имъ возможности каждый разъ собираться для подачи голоса. Парламентъ и администрація учреждены людьми для охраны ихъ интересовъ, для установленія въ обществѣ порядка и спокойствія, а не для нарушенія послѣд-

[1]) Самый Долгій Парламентъ былъ созванъ въ 1640 году, какъ обычное законодательное собраніе (палата общинъ), по обычному избирательному способу: по 2 депутата отъ каждаго графства, причемъ вотировали только земельные собственники, но не арендаторы, получавшіе не меньше 40 шиллинговъ въ годъ дохода, и по 2 депутата отъ нѣкоторыхъ городовъ и мѣстечекъ, причемъ для выборовъ собирались только самые зажиточные граждане. Общее число земельныхъ собственниковъ достигало въ 1685 году 160.000 и съ каждымъ годомъ уменьшалось. Избирателей же среди нихъ было еще меньше.

нихъ. Вслѣдствіе этого я не могу понять, почему всеобщее избирательное право можетъ угрожать существованію собственности».

На Айртона эти соображенія, однако, не подѣйствовали. Онъ возразилъ еще грознѣе, еще категоричнѣе:

«Всякаго человѣка, который не связанъ, благодаря земельной собственности, прочными и постоянными узами съ государствомъ, *надо считать чужеземцемъ*. Неимущіе должны или подчиниться требованіямъ законовъ, или *оставить страну!*»

Пэтти пытался отстоять хоть интересы *арендаторовъ*, предки которыхъ въ теченіе ряда поколѣній живутъ на томъ же участкѣ, и которые платятъ помѣщику ежегодно не меньше 100 фунтовъ стерлинговъ. Но Айртонъ продолжалъ упорно твердить, что всякая уступка въ пользу арендаторовъ неминуемо приведетъ къ всеобщему уравненію и гибели частной собственности.

«Въ этихъ преніяхъ,—замѣчаетъ Максимъ Ковалевскій,—мы находимъ въ зачаточномъ видѣ всѣ тѣ доводы, которые приводились впослѣдствіи, съ одной стороны, въ защиту необходимости даровать лишь земельнымъ собственникамъ избирательныя права, а съ другой—въ защиту непримиримости подобнаго порядка съ принципомъ равенства всѣхъ гражданъ» [1].

Какъ извѣстно, Долгій Парламентъ былъ разогнанъ Кромвелемъ въ 1653 году, такъ и не измѣнивъ системы выборовъ; послѣ ряда перипетій, на которыхъ останавливаться не стоитъ, все осталось по прежнему.

А тотъ избирательный законъ, который выработалъ такъ-называемый Малый Парламентъ, *произвольно* составленный Кромвелемъ изъ назначенныхъ имъ людей, былъ даже шагомъ назадъ, такъ какъ вводилъ цѣлый рядъ ограниченій и активнаго и пассивнаго права [2].

---

[1]) Къ исторіи всеобщаго избир. права. Актовая рѣчь, произнесенная въ Новомъ Университетѣ въ Брюсселѣ. Отсюда взяты выше приведенныя цитаты.

[2]) И конституція великой с.-американской демократіи не лишена была цензоваго элемента. «Въ конституціяхъ всѣхъ 13 американскихъ штатовъ говорилось или подразумѣвалось, что человѣкъ можетъ быть свободнымъ и, слѣдовательно, достойнымъ осуществлять права гражданина только при нѣкоторомъ достаткѣ». (Оларъ, Полит. исторія франц. революціи).

в) Избирательный законъ во время Великой Французской революціи.

Нами допущены управлять *наилучшіе*... За немногими исключеніями это тѣ, которые, обладая *собственностью*, привязаны къ странѣ...

Докладъ Буасси д'Англа Конвенту въ 1795 г.

Учредительное Собраніе 1789 года не могло цѣликомъ скопировать тотъ королевскій регламентъ отъ 24 января 1789 г., на основаніи котораго оно само было выбрано въ видѣ Генеральныхъ Штатовъ, ибо онъ былъ составленъ по сословному принципу, и каждое изъ трехъ сословій избирало въ отдѣльныхъ куріяхъ и различнымъ образомъ; дворянство и духовенство послало по 300 депутатовъ, «третье сословіе» 600. Но сдѣлавшись фактически, революціоннымъ путемъ, Собраніемъ третьяго сословія, оно почти повторило всѣ пункты той части королевскаго регламента, которая относилась къ выборамъ въ это сословіе. Чтобы быть «активнымъ» гражданиномъ, т.-е. пользоваться политическимъ избирательнымъ правомъ, надо было, при возрастѣ въ 25 лѣтъ, проживать въ городѣ или кантонѣ въ теченіе времени, установленнаго закономъ; не быть въ зависимомъ положеніи, т.-е. наемнымъ слугой; уплачивать прямой налогъ, въ размѣрѣ не меньше трехдневной заработной платы; быть внесеннымъ въ списки національной гвардіи, и принести гражданскую присягу. «Это сильно походитъ,—говоритъ Эсменъ,—на избирательное право, функціонировавшее при выборахъ въ Генеральные Штаты». Былъ сохраненъ, хотя нѣсколько пониженъ, цензъ, и всѣ рабочіе и бѣднѣйшіе граждане исключались изъ списковъ; въ общемъ 2 милліона или *треть* всего числа взрослыхъ мужчинъ старше 25 лѣтъ превращались въ безправныхъ «пассивныхъ» гражданъ. А для того, чтобы имѣть право быть избраннымъ, установили цензъ въ 50 франковъ прямого налога.

«Отказъ въ политическомъ равноправіи,—замѣчаетъ Жоресъ въ своей «Соціалист. исторіи»,—былъ свободнымъ, сознательнымъ актомъ буржуазіи. Сумѣла же она отвергнуть двухпалатную систему или абсолютное veto!»

Не надо думать, что парижская бѣднота и ея защитники отнеслись спокойно къ этому попранію ея правъ. Въ самой палатѣ всеобщее избирательное право горячо отстаивали Робес-

пьеръ, Грегуаръ и еще 3 оратора «Горы». А внѣ парламента революціонныя газеты жестоко клеймили эгоизмъ буржуазіи, придумавшей «трехдневную заработную плату» для избирателей и «марку серебра» или 50 фр. для избираемыхъ.

«Въ столицѣ всѣ голоса противъ декрета о *маркѣ серебра*,— писалъ Камиллъ Демулэнъ въ своей газетѣ «Революціи Франціи и Брабанта».—Скоро то же самое будетъ и въ провинціяхъ. Франція только что обращена въ аристократическое правительство; это—самая большая побѣда изъ всѣхъ, одержанныхъ дурными гражданами въ Нац. Собраніи. Чтобы заставить понять всю нелѣпость этого декрета, достаточно сказать, что Жанъ-Жакъ Руссо, Корнель и Мабли не имѣли бы права быть избранными... А что касается васъ,—о, презрѣнные жрецы! о, безсмысленные бонзы!—развѣ вы не видите, что вашъ Богъ не имѣлъ бы права быть избраннымъ? Вы причислили къ отверженникамъ общества того Іисуса Христа, котораго вы провозглашаете Богомъ съ церковныхъ кафедръ и съ трибуны! И вы хотите, чтобы я уважалъ васъ, священниковъ того Бога-пролетарія, который не былъ бы даже активнымъ гражданиномъ! Имѣйте же уваженіе къ бѣдности, которую Онъ облагородилъ!»

Революція сдѣлала затѣмъ бѣшеный скачекъ вверхъ и смела 10 августа 1792 года монархію, а съ нею и цензовое Законодательное Собраніе. Новое Учредительное Собраніе—Конвентъ—было созвано уже на основѣ всеобщаго и равнаго (но косвеннаго) избирательнаго права. Въ свою очередь, при выработкѣ своей конституціи 1793 года, Конвентъ не только сохранилъ всеобщность выборовъ, но сдѣлалъ ихъ прямыми и низвелъ минимальный возрастъ избирателей съ 25 до 21 года.

Но мы уже говорили, что Конвентъ за три года своей бурной, полной треволненій, жизни мѣнялъ нѣсколько разъ свою физіономію. Сдѣлавшись послѣ переворота 9 термидора жирондистскимъ и реакціоннымъ, онъ создалъ новую конституцію (III года), гдѣ снова возстановилъ и цензъ, и косвенность выборовъ, и высокій возрастъ, и многое другое.

г) Избирательный законъ въ Бельгійскомъ Учредительномъ Собраніи 1831 г.

Всякое уменьшеніе ценза непремѣнно дастъ аристократическіе выборы, такъ какъ невѣжественная масса будетъ вотировать за тѣхъ, подъ властью которыхъ она находится.

Дебаты въ Бельгійскомъ Конгрессѣ 1831 г.

Цензъ былъ сохраненъ также и Бельгійскимъ Національнымъ Конгрессомъ, созваннымъ послѣ революціи 1830 года. Само оно было созвано по такому избирательному закону: вотировать имѣли право бельгійцы, которые достигли возраста 25 лѣтъ и платили прямого налога, смотря по мѣстности, отъ 150 до 13 флориновъ (флоринъ—2 франка 12 сантимовъ). Сверхъ того не были лишены голоса всѣ кончившіе высшее учебное заведеніе, хотя бы они и не владѣли цензомъ. Общее число избирателей было только 44 тысячи!

Такимъ путемъ созванное Собраніе могло лишь повторить свою собственную избирательную основу, установивъ цензъ въ 100—20 флориновъ прямого налога. Либералъ Дефакъ мотивировалъ необходимость ценза слѣдующимъ убѣдительнымъ аргументомъ: «Нація въ цѣломъ *не можетъ* непосредственно принимать участіе въ выборахъ, потому что—какъ ни прекрасно, какъ ни соблазнительно было бы зрѣлище всего народа, участвующаго въ выборахъ—мы знаемъ, къ несчастью, что это *невозможно*». Не можетъ, потому что... невозможно!

На требованіе демократическаго аббата Фоэра не лишать избирательнаго права хоть лицъ съ высшимъ образованіемъ, которые принимали уже участіе въ выборахъ Собранія, депутатъ Леонъ отвѣтилъ: «Ученый принадлежитъ цивилизаціи, всѣмъ націямъ, а не той, которую онъ просвѣщаетъ въ данный моментъ своими знаніями; если онъ не платитъ 20 флориновъ налога, если онъ не имѣетъ корней въ почвѣ, я заключу изъ этого, что въ благоденствіи Бельгіи онъ заинтересованъ не болѣе, чѣмъ въ благоденствіи Франціи или какой-либо другой страны». На требованіе уменьшить цензъ, было отвѣчено, что чѣмъ ниже цензъ, тѣмъ легче подкупить избирателя.—«Я не понимаю,—возразилъ вполнѣ резонно тотъ же аббатъ Фоэръ,—какъ можетъ депутатъ Лебо бояться подкупа голосовъ при пониженномъ цензѣ; по-моему, чѣмъ больше будетъ избирателей, тѣмъ труднѣе будетъ ихъ подкупить»...

*

д) Избирательный законъ во Франціи въ 1848 году.

Никогда не наступитъ день всеобщаго избирательнаго права, никогда не наступитъ тотъ день, когда всѣ человѣческія созданія, кто бы они ни были, будутъ призваны пользоваться политическими правами!

Гизо—Засѣданіе палаты 26 марта 1847 г.

Всеобщее избирательное право, провозглашенное 5 марта 1848 г. Временнымъ Правительствомъ, включенное въ «конституцію 1848 г.» и организованное избирательнымъ закономъ 15 марта 1849 г.—съ тѣхъ поръ окончательно вошло въ наши учрежденія.

Эсменъ, Общ. основанія конст. права.

Всѣ Учредительныя Собранія 1848 года были созваны на основѣ всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права, а французское и прямого. Вполнѣ естественно, что и избирательные законы, ими созданные, соотвѣтствовали этой формулѣ. Именно съ той эпохи вошла въ плоть и кровь демократіи «четырехчленная» формула или короче «четыреххвостка». Франкфуртскій парламентъ принялъ ее цѣликомъ, и черезъ 20 лѣтъ Бисмаркъ внесъ ее безъ измѣненій въ Учредительный Рейхстагъ.

Во Французскомъ Учредительномъ Собраніи четырехчленная формула прошла безъ возраженій. Реакціонная правая молчала, затаивъ свои замыслы до лучшихъ временъ. Предчувствуя грядущія покушенія, депутатъ Детуръ потребовалъ, чтобы всеобщее избирательное право было объявлено правомъ неотъемлемымъ, предсуществующимъ, которое никакое Собраніе не могло бы ни уничтожить, ни измѣнить, ни ограничить, подобно тому, какъ американцы обезпечили себѣ такимъ образомъ равенство представительства отъ каждаго изъ штатовъ въ федеральномъ сенатѣ. Но предложеніе его встрѣтило яростное сопротивленіе и было отвергнуто...

Французское Учредительное Собраніе 1871 г. было созвано по избирательному закону 1848 года и оно приняло его, хотя и неохотно, для выборовъ въ палату депутатовъ третьей республики.

Турецкая палата была созвана послѣ революціи 1908 года по цензовому избирательному закону 1876 года, когда провозглашена была первая турецкая конституція. Превративши себя въ Учредительное Собраніе послѣ низложенія Абдулъ-Гамида, она сохранила тотъ же избирательный законъ.

е) Избирательный законъ въ Россійскомъ Учредительномъ Собраніи.

...По долгу совѣсти, я долженъ сказать, что тотъ избирательный законъ, который дней черезъ 10 увидитъ свѣтъ, представляется наиболѣе демократическимъ и наиболѣе послѣдовательно проведеннымъ, съ точки зрѣнія соціалиста, закономъ, какого не знаетъ еще ни одно государство Европы, а можетъ быть и всего міра...

Докладъ Л. Брамсона Всероссійскому Съѣзду Совѣтовъ 20 іюня 1917 г.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что Россійское Учредительное Собраніе, при выработкѣ конституціи республики, оставитъ безъ измѣненій — если не считать нѣкоторыхъ техническихъ улучшеній — тотъ избирательный законъ, на основѣ котораго оно созывается и который является самымъ совершеннымъ, самымъ безупречнымъ, самымъ демокраческимъ закономъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Если оставить въ сторонѣ многочисленныя детали, то основные принципы его сводятся къ слѣдующему:

1. Всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право.
2. Распространеніе его на женщинъ.
3. Минимальный возрастъ — 20 лѣтъ.
4. Распространеніе на всю армію.
5. Пропорціональные выборы.
6. Устраненіе отъ выборовъ лицъ, принадлежащихъ къ царствовавшей фамиліи.

Изъ этихъ особенностей мы остановимся только на послѣднихъ двухъ.

ж) Пропорціональные выборы.

Идея пропорціональныхъ выборовъ постепенно достигаетъ большого успѣха, *вполнѣ заслуженно*— говорятъ одни, *словно зараза*—говорятъ другіе...

А. Эсменъ, Общ. основанія констит. права.

Въ Особомъ Совѣщаніи по выработкѣ закона объ Учредительномъ Собраніи, открывшемся въ Петроградѣ 25 мая 1917 г., предложеніе сдѣлать выборы *пропорціональными* вызвало горячія возраженія, главнымъ образомъ, со стороны трудовика В. В. Водовозова. Обычно выборы производятся «мажоритарно» [1]: за

[1]) Отъ французскаго слова *мажоритэ,* означающаго *большинство.*

кого въ данномъ избирательномъ округѣ выскажется большинство, тотъ и идетъ депутатомъ. Меньшинство остается не представленнымъ. Пропорціональные же выборы заключаются въ томъ, что депутаты распредѣляются *пропорціонально*, т.-е. соотвѣтственно, сообразно, поданнымъ голосамъ; если, напр., одна партія—соціалъ - демократы собрала *половину* всѣхъ голосовъ, то ей достается половина всѣхъ депутатскихъ мѣстъ; если соціалисты-революціонеры получила *треть* голосовъ, то отъ нихъ идетъ $^1/_3$ депутатовъ и т. д.

Первый способъ—старый и весьма распространенный. Всѣ большія государства знаютъ только эту систему. Второй способъ введенъ недавно (большей частью послѣ 1905 года) и практикуется только въ немногихъ маленькихъ государствахъ: въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи (но не при общихъ выборахъ въ Федеральное Собраніе), въ Бельгіи, Вюртембергѣ, Даніи, Болгаріи, Финляндіи. Уже это одно давало основаніе сторонникамъ «мажоритарности» утверждать, что пропорціональная система годится только для государствъ съ небольшой территоріей, съ малочисленнымъ населеніемъ, для выборовъ въ городскія думы, но не для такой огромной страны, какъ Россія.

Въ Совѣщаніи побѣдили однако значительнымъ большинствомъ сторонники пропорціональности, и она вошла въ утвержденный избирательный законъ. Весьма возможно, что въ Учредительномъ Собраніи споры по этому вопросу разгорятся съ новой силой. Поэтому мы сгруппируемъ здѣсь доводы обѣихъ сторонъ и, для большей доступности, представимъ ихъ въ видѣ бесѣды, спора, діалога между «мажористомъ» и «пропорціонистомъ». Возраженія мажориста мы будемъ, по возможности, передавать цитатами изъ статей В. В. Водовозова, которыя напечатаны былъ въ газетѣ «День» 24—31 мая 1917 г. Многіе изъ контръ-аргументовъ мы опять-таки передадимъ буквально словами І. Яшунскаго (статьи въ той же газетѣ) и М. Добраницкаго (изъ статей въ «Новой Жизни», напечатанныхъ приблизительно въ то же время).

* * *

Пропорціонистъ. Мажоритарная система не даетъ вѣрнаго отраженія въ палатѣ настроенія и интересовъ страны. Представьте себѣ партію, которая *въ каждомъ* избирательномъ округѣ находится въ весьма значительномъ меньшинствѣ (напр., собираетъ двѣ пятыхъ голосовъ). Она нигдѣ не проведетъ своего кандидата

и вовсе не будетъ представлена въ парламентѣ, хотя *въ совокупности* она собрала огромное количество голосовъ. Напримѣръ, при выборахъ въ германскій рейхстагъ 1890 года, въ Баденскомъ великомъ княжествѣ партія националъ-либераловъ собрала 82 тысячи голосовъ изъ общаго числа 258 тысячъ, а не получила ни одного депутатскаго мѣста [1]). Или Дюди приводитъ такую статистику выборовъ во Французскій парламентъ (І. Яшунскій):

	1893 г.	1898 г.	1902 г.
Число голосовъ у побѣдителей. .	4.513 тыс.	4.906 т.	5.159 т.
» » » побѣжденныхъ.	5.930 »	5.633 »	5.818 »
У побѣжденныхъ *больше* на . .	1.417 тыс.	727 т.	659 т.

Побѣдители, стало быть, всякій разъ представляли мнѣнія и интересы *меньшинства* страны.

Мажористъ. Этотъ недостатокъ слишкомъ преувеличивается. Въ каждомъ избирательномъ округѣ «меньшинство при мажоритарной системѣ дѣйствительно не представлено, но меньшинство въ одномъ округѣ оказывается большинствомъ въ другомъ, и потому всякая политическая партія, которая имѣетъ какой-либо вѣсъ въ странѣ, всегда въ ней представлена» (В. В. Водовозовъ).

Пропорціонистъ. Допустимъ, что представлена, но не соотвѣтственно числу своихъ сторонниковъ!

Мажористъ. Но и пропорціональная система далеко не всегда достигаетъ своей прямой цѣли — полной пропорціональности. «Такъ, напр., въ Бельгіи на выборахъ 1902 и 1904 г.г., обновившихъ Бельгійскую палату депутатовъ, оппозиція получила 49,3% всѣхъ поданныхъ голосовъ и провела 73 депутата, а правящая клерикальная партія собрала 50,7% поданныхъ голосовъ и провела 93 депутата».

Пропорціонистъ. Въ данномъ случаѣ нѣкоторое несоотвѣтствіе безусловно имѣется, но не такое уже грубое; вызвано оно было, вѣроятно, случайностью или несовершенствомъ примѣнявшейся системы пропорціональныхъ выборовъ. Идеалъ ея—строгая пропорціональность, что при мажоритарныхъ выборахъ можетъ быть только въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Мажористъ. Огромное значеніе при выборахъ имѣетъ простота ихъ, понятность и доступность. «Россія слишкомъ велика; поэтому избирательные округа, даже при мажоритарныхъ выбо-

---

[1]) М. Добраницкій, «Новая Жизнь» 2 іюня 1917 г.

рахъ, будетъ значительнѣе, чѣмъ этого можно было бы желать въ интересахъ простоты и правильности выборовъ. При пропорціональныхъ выборахъ, округъ долженъ быть не меньше губерніи, а это сильно затрудняетъ производство выборовъ».

Пропорціонистъ. Дѣйствительно избирательный округъ почти всегда равняется губерніи. Но это не только не затрудняетъ организацію выборовъ, а значительно облегчаетъ. Самая трудная операція—выкраиваніе искусственныхъ избирательныхъ округовъ съ равнымъ количествомъ населенія—здѣсь отпадаетъ. При отсутствіи точной статистики, при необходимости дѣлить уѣзды и города на части, задача эта представляется при нашихъ условіяхъ—очень трудной *технически* и очень опасной *политически*, потому что здѣсь дается просторъ «избирательной географіи», прирѣзыванію деревенскихъ участковъ къ городамъ для ослабленія пролетарскаго большинства, искусственному расщепленію національно-единыхъ округовъ. Жалобъ и протестовъ было бы огромное количество.

Мажористъ. «Всякая неправильность или злоупотребленіе, допущенныя въ какомъ-либо отдѣльномъ участкѣ, требуютъ отмѣвы выборовъ по цѣлой губерніи, и есть опасность, что слишкомъ большое число избраній будетъ оспариваться. Придется либо кассировать выборы въ большей части Россіи, либо мириться съ несомнѣнными злоупотребленіями и грубыми ошибками».

Пропорціонистъ. Чѣмъ меньше избирательныхъ округовъ (а ихъ будетъ при пропорціональной системѣ 60—70 вмѣсто 800 [1]), тѣмъ меньше подсчетовъ, значитъ и меньше поводовъ для кассаціи. Самое наблюденіе партій за ходомъ выборовъ тоже облегчается при меньшемъ количествѣ округовъ. Что касается чисто мѣстныхъ злоупотребленій, выражающихся въ давленіи на избирателей, въ фальсификаціи списковъ, въ подмѣнѣ бюллетеней, то они совершенно одинаково и возможны и избѣжимы при обѣихъ системахъ. Но при мажоритарной системѣ они дѣйствительно влекутъ неизбѣжность кассаціи выборовъ, потому что только благодаря этимъ злоупотребленіямъ, можетъ быть, и прошелъ тотъ, а не другой кандидатъ ничтожнымъ большинствомъ. Вообще, разъ депутатъ избранъ незначительнымъ перевѣсомъ голосовъ, враждебная сторона обязательно опротестуетъ выборы.

---

[1]) Общее число членовъ Учред. Собранія, безъ оккупированныхъ непріятелемъ областей, опредѣлено въ 730.

Иначе обстоитъ дѣло при пропорціональныхъ выборахъ. Въ губернскомъ городѣ, гдѣ производится общій подсчетъ, получается въ итогѣ полумилліонное число поданныхъ списковъ. Тамъ даже тысячи оспариваемыхъ бюллетеней не вліяютъ на распредѣленіе мандатовъ. Если доказаны злоупотребленія и ошибки, то они могутъ поставить подъ сомнѣніе правильность, самое большее 1—2 мѣстъ изъ средняго общаго числа 10—15 [1]). Поэтому весь выбранный составъ съ полнымъ правомъ можетъ оставаться на посту до новыхъ выборовъ, которые или подтвердятъ прежній результатъ или внесутъ ничтожное измѣненіе. Общій характеръ Учредительнаго Собранія не нарушится. Мелкими ошибками по этой причинѣ можно вообще пренебречь.

Мажористъ. «Пропорціональные выборы, при настоящихъ условіяхъ, лишаютъ народныя массы того вліянія на выборы, которое онѣ могутъ имѣть при другой системѣ выборовъ, увеличиваютъ дробность политическихъ партій, обращая ихъ въ клики или котеріи и чрезмѣрно усиливаютъ вліяніе партійныхъ комитетовъ, содѣйствуя созданію особенной партійной бюрократіи».

Пропорціонистъ. Вѣрно то, что при пропорціональныхъ выборахъ избиратель имѣетъ дѣло не столько съ конкретными людьми, сколько съ партійными программами. Но это не недостатокъ, а достоинство. Ибо тѣмъ больше воспитываются массы политически, чѣмъ больше отпадаютъ интересы чисто мѣстные—своей колокольни. Куда ни попадаетъ избиратель, въ какой захолустный уголъ своей *губерніи* онъ ни пріѣдетъ, вездѣ встрѣчаетъ тѣ же списки, тѣ же разспросы, тѣ же сомнѣнія и ту же рѣшимость. Народъ научается мыслить партійно и разбираться въ программахъ. Что касается усиленія вліянія партійныхъ комитетовъ, то никто вѣдь не мѣшаетъ каждой сотнѣ избирателей составить свой списокъ и вербовать для него сторонниковъ по всей губерніи. Тутъ они могутъ питать надежду провести своего кандидата, между тѣмъ какъ при мажоритарной системѣ—безъ партій не соберешь необходимаго большинства голосовъ. Правда, что, такимъ образомъ, партіи и группы могутъ дробиться, но «если это, быть можетъ, и вѣрно для небольшихъ странъ, то въ Россіи, съ ея по необходимости огромными избирательными округами, этой опасности не существуетъ» (I. Яшунскій).

[1]) Самый большой избирательный участокъ (Закавказскій) посылаетъ 36 депутатовъ. Нѣкоторые малонаселенные округа посылаютъ только по два и даже по одному депутату (напр., Камчатскій).

Мажористъ. «При пропорціональныхъ выборахъ депутатъ не имѣетъ отпечатка своего географическаго происхожденія, который, при разноплеменномъ составѣ и стоящемъ на очереди территоріальномъ размежеваніи Россіи, особенно важенъ... Чрезвычайно важно, чтобы членъ Учр. Собранія отъ Ахалкалакскаго или Горійскаго уѣздовъ Тифлисской губерніи... имѣлъ право отъ имени избравшаго его населенія заявить со всей рѣшительностью, что оно желаетъ или не желаетъ присоединенія этихъ уѣздовъ къ Грузіи или Арменіи»...

Пропорціонистъ. Среди десятка, скажемъ, депутатовъ отъ Тифлисской губ. [1]) будетъ, вѣроятно, и житель Горійскаго уѣзда. Во всякомъ случаѣ *губернія* будетъ хорошо представлена. Вопросъ о присоединеніи того или иного уѣзда къ Грузіи или Арменіи все равно не будетъ рѣшаться на основаніи заявленія одного лица, а для этого есть другіе пути: анкеты, плебисциты, статистика и т. п. Наоборотъ, именно съ точки зрѣнія національной проблемы «нельзя забывать, что Россія—государство многоплеменное, что партіи національностей по природѣ своей обречены оставаться въ меньшинствѣ и что всякая выборная система, подавляющая права меньшинства, будетъ принята малыми національностями, какъ прямое покушеніе на ихъ интересы. Въ средѣ почти всѣхъ не-русскихъ національностей нынѣ происходятъ сложные процессы, съ одной стороны единенія, для защиты и отстаиванія общенаціональныхъ интересовъ, и съ другой стороны, соціальной дифференціаціи. Мажоритарный выборный законъ неминуемо врѣжется въ естественное теченіе этихъ процессовъ, а это опять-таки не желательно: законъ долженъ предоставить полную свободу группироваться либо по національнымъ, либо по соціальнымъ признакамъ» (Яшунскій).

Мажористъ. «Непонятная для народа система распредѣленія депутатовъ пропорціонально числу поданныхъ голосовъ и кажущаяся случайность исхода выборовъ должна вызвать недовѣріе къ нимъ».

Пропорціонистъ. Избиратель знаетъ только, какъ онъ *самъ* голосовалъ. А когда онъ потомъ читаетъ или слышитъ, какъ распредѣлились голоса и какъ соотвѣтственно этому произошла разверстка депутатовъ, то это настолько просто, понятно и *справедливо*, что никакого недовѣрія быть не можетъ.

---

[1]) Тифлисскаго избирательнаго округа не установлено. Есть *Закавказскій*, посылающій 36 депутатовъ.

Мажористъ. «Отсутствіе перебаллотировки и дополнительныхъ выборовъ ослабляетъ вліяніе народныхъ массъ на ходъ политической жизни. Ведется новая избирательная борьба и избирателю, вчера стоявшему за кадета, за трудовика, за меньшевика, нужно объяснить, что... одинъ изъ нихъ при настоящемъ положеніи дѣлъ долженъ считаться *меньшимъ зломъ*».

Пропорціонистъ. «Вотъ именно меньшимъ зломъ. Перебаллотировки дѣйствуютъ развращающимъ образомъ на сознаніе избирателей; тутъ происходитъ торговля, противоестественные блоки. При пропорціональной системѣ перебаллотировки не требуются, и не приходится кривить душой. Партіи могутъ выступать вполнѣ самостоятельно, не опасаясь разбивки голосовъ. Могутъ соединяться въ блоки; могутъ, наконецъ, дѣлать и то и другое *одновременно* путемъ соединенія списковъ».

Мажористъ. Пропорціональная система не знаетъ также и *дополнительныхъ выборовъ*, когда умираетъ или слагаетъ съ себя званіе депутатъ. Вакансію занимаетъ очередной кандидатъ въ томъ же спискѣ, избранный, можетъ быть, два года тому назадъ, при совершенно иномъ настроеніи страны; возможно, что за это время онъ разошелся или охладѣлъ къ своей партіи... А между тѣмъ дополнительные выборы даютъ возможность правительству опредѣлить происшедшее измѣненіе въ настроеніи страны.

Пропорціонистъ. Если полномочія палаты ограничиваются, какъ требуетъ демократія, 2 годами, а не длятся 7 лѣтъ, какъ въ Англіи, или 5 лѣтъ, какъ въ Германіи, то исчезаетъ большинство приведенныхъ соображеній. А если ближайшій кандидатъ по списку ухитрится въ одинъ годъ «охладѣть», то партія можетъ заставить его отказаться въ пользу слѣдующаго по очереди (да онъ и самъ откажется). Зато въ палатѣ никогда не будетъ некомплекта депутатовъ, ибо замѣщеніе вакансій—автоматическое.

Мажористъ. Но пропорціональная система очень сложна, т.-е. не она сама, а сложно вычисленіе распредѣленія депутатскихъ мѣстъ. Напр., въ Финляндіи оно продолжается нѣсколько недѣль.

Пропорціонистъ. Это потому, что тамъ очень сложная пропорціональная система, съ правомъ внесенія измѣненій въ списки и т. п. Но и тамъ сложность чувствуютъ только *счетчики*, а не избиратели. Если же взять систему со «связанными списками» и съ расчетомъ по Донту, какъ это сдѣлано у насъ, то подача

бюллетеня еще проще, чѣмъ при мажоритарной системѣ, а результатъ можно вывести уже черезъ $^1/_4$ часа послѣ подсчета списковъ...

* * *

Послѣ такого діалога чашка вѣсовъ явно склоняется на сторону пропорціональныхъ выборовъ. Неудивительно, что они одержали у насъ блистательную побѣду и вошли въ избирательный законъ. Вездѣ при выборахъ въ городскія думы они протекали вполнѣ гладко, не вызывая никакихъ затрудненій и никакого недовѣрія. То же самое происходило, безъ всякаго сомнѣнія, и при выборахъ въ Учредительное Собраніе, которое, можно быть увѣреннымъ, сохранитъ ихъ и введетъ въ конституцію. Потребуются однако новыя улучшенія и, на первомъ планѣ, *соединеніе остатковъ по всей странѣ*. Нѣкоторыя партіи провели очень мало депутатовъ, потому что въ каждой губерніи они собирали голосовъ меньше избирательнаго частнаго, т.-е. ниже 50—60 тысячъ. Между тѣмъ сумма этихъ зря пропащихъ (вѣрнѣе, доставшихся сильнымъ партіямъ) голосовъ по всей Россіи достигаетъ почтенныхъ размѣровъ и, по разверсткѣ, имъ соотвѣтствовали бы нѣсколько депутатовъ. Такъ, еврейскій «Бундъ» не получилъ ни одного мандата, а меньшевики провели депутатовъ почти только на Кавказѣ.

з) Избирательное право членовъ царствовавшихъ династій.

Члены царствовавшаго въ Россіи Дома не могутъ ни избирать, ни быть избираемыми въ Учредительное Собраніе.

Положеніе о выборахъ. Раздѣлъ 1, главы II, ст. 10.

Этотъ вопросъ представляется частнымъ и мелкимъ; между тѣмъ онъ имѣетъ большое политическое значеніе. Онъ озабочиваетъ уже Временное Правительство, когда оно вырабатываетъ избирательный законъ для созыва Учредительнаго Собранія. Но какъ бы Временное Правительство его ни разрѣшило, Собранію надлежитъ либо подтвердить рѣшеніе, либо отмѣнить.

Съ точки зрѣнія демократической, нельзя лишать гражданскихъ правъ людей только потому, что они являются болѣе или менѣе близкими родственниками сверженнаго государя. Но...

salus respublicae suprema lex — благоденствіе республики высшій законъ! Предоставить имъ избирательное право—*опасно*.

Центръ тяжести тутъ, конечно, не въ активномъ правѣ, а въ пассивномъ, не въ правѣ вотировать, которое республикѣ, конечно, ничѣмъ не грозитъ, а въ правѣ быть избраннымъ въ депутаты. Легко представить себѣ такой случай. Среди членовъ бывшей царской фамиліи, имѣется нѣкто способный, образованный, краснорѣчивый и честолюбивый. Его нетрудно провести въ депутаты въ какомъ-нибудь монархическомъ районѣ. Впрочемъ, онъ можетъ надѣть на себя и личину убѣжденнаго республиканца и демократа. Въ палатѣ онъ пользуется, прежде всего, депутатской неприкосновенностью. Онъ держитъ себя умно и тактично. Нѣсколько удачныхъ выступленій пріобрѣтаютъ ему популярность. Къ нему примазываются всѣ сторонники монархіи. Стоитъ въ дальнѣйшемъ наступить какимъ-либо внѣшнимъ и внутреннимъ затрудненіямъ—и передъ нами претендентъ на тронъ.

Всегда при этомъ вспоминается огромная ошибка, допущенная Учредительнымъ Собраніемъ 1848 г., которая обошлась Франціи страшно дорого, и послѣдствія которой ощущаются теперь всѣмъ міромъ. Ибо не будь допущенъ Луи-Наполеонъ къ выборамъ, онъ не могъ бы стать президентомъ республики, не могъ бы совершить государственный переворотъ и стать императоромъ. Онъ не объявилъ бы, изъ династическихъ интересовъ, войны Пруссіи, не навлекъ бы на «наполеоновскую» или, выражаясь современнымъ языкомъ, «сухомлиновскую» Францію военный разгромъ и потери Эльзасъ-Лотарингіи, которая привела къ идеѣ реванша, къ двойственному союзу, къ двумъ вооруженнымъ лагерямъ и къ нынѣшней войнѣ. *Это не значитъ, конечно, что всего этого не было бы*, если бы не произошло государственнаго переворота 2 декабря 1851 года; этого мы отнюдь не хотимъ сказать. Но фактъ тотъ, что вся цѣпь этихъ событій тянется отъ мартовскаго декрета французскаго Временнаго Правительства, по которому избирательныхъ правъ лишались только члены старшей и младшей линіи Бурбоновъ, но не потомки Наполеона, и отъ того іюньскаго засѣданія Учредительнаго Собранія, въ которомъ было отклонено предложеніе кассировать выборы Луи-Наполеона, только что выбраннаго въ депутаты сразу 4 департаментами.

Пренія носили страшно бурный характеръ. Вопросъ обсуждался нѣсколько дней. Народъ толпился вокругъ зданія Парламента, который былъ окруженъ войсками. Голоса разбились до-

вольно странно. Ламартинъ, который такъ часто губилъ здравое дѣло своимъ дѣланнымъ паѳосомъ поэта, на этотъ разъ страстно боролся противъ допущенія Луи-Наполеона въ депутаты (злые языки говорили, что онъ мѣтилъ самъ въ президенты республики и видѣлъ въ Луи-Наполеонѣ опаснаго конкурента). А соціалистъ Луи Бланъ, съ донъ-кихотскимъ благородствомъ, отстаивалъ его права и доказывалъ его безвредность. Главная опасность всегда въ такихъ случаяхъ въ томъ, что люди не вѣрятъ въ опасность.

Ламартинъ, какъ членъ правительства, внесъ отъ имени Исполнительной Комиссіи законопроектъ: «Исполнительная Комиссія заявляетъ, что, опираясь на 3-ю статью закона 1816 г., она будетъ примѣнять къ Луи-Бонапарту законъ 1832 г. до тѣхъ поръ, пока Національное Собраніе не приметъ по этому поводу какое-либо другое рѣшеніе». Депутатъ Бюше отстаивалъ цѣлесообразность этого акта. Ничего нельзя было бы имѣть,—говорилъ онъ,—противъ избранія гражданина Луи-Бонапарта, но надо быть рѣшительно противъ выборовъ *претендента*, который уже два раза вступалъ съ оружіемъ въ рукахъ на французскую территорію, желая осуществить свое право на французскій престолъ,—который до сихъ поръ еще опредѣленно не призналъ республики, и котораго приверженцы и понынѣ привѣтствуютъ криками: «Да здравствуетъ императоръ!».

Ледрю-Ролленъ также весьма энергично предупреждалъ объ опасности, доказывая, какъ членъ правительства, съ фактами въ рукахъ, существованіе бонапартистскаго заговора.

Но всѣ усилія пропали даромъ. Было не мало такихъ, которымъ эта перспектива только улыбалась. Остальные были слѣпы и глухи, считая Луи-Наполеона вполнѣ безопаснымъ ничтожествомъ: у страха-де глаза велики. А генералы Кавеньякъ и Бедо грозно успокаивали. «Каждый, кто только осмѣлится посягнуть на свободу страны, будетъ пригвожденъ къ позорному столбу!»—заявилъ громовымъ голосомъ первый. «Въ тотъ день, когда онъ попытается завлечь армію въ преступное предпріятіе, она сама отдастъ его въ руки правосудія!»—клялся второй.

Предложеніе Ламартина было отвергнуто. Передъ претендентомъ была широко распахнута дверь.

А огромныя толпы народа нетерпѣливо дожидались снаружи результата. Среди нихъ таинственными личностями распространялась легенда про бывшаго Гамскаго узника, народнаго печальника, котораго реакціонеры хотятъ затереть, и изъ толпы раз-

давались крики: «Долой Тьера, долой депутатовъ! Да здравствуетъ Наполеонъ! Мы его получимъ!».

Такъ революція шутитъ, по временамъ, злыя шутки и надъ народомъ, и надъ соціалистами, и надъ республиканцами.

Можно-ли было думать, что подобный вопросъ можетъ у насъ стать предметомъ серьезнаго обсужденія? А между тѣмъ, въ Особомъ Совѣщаніи по созыву Учредительнаго Собранія онъ былъ не только поставленъ, но и рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, въ смыслѣ предоставленія Романовымъ активнаго и пассивнаго права. Особенно усердствовалъ въ этомъ направленіи одинъ изъ кадетскихъ златоустовъ—Маклаковъ. Онъ мотивировалъ тѣмъ, что «легальное происхожденіе нынѣшней власти идетъ не только отъ революціи, но... и отъ нѣкоторыхъ актовъ, отъ царствовавшаго дома вышедшихъ». Иными словами, Маклаковъ разсматривалъ установившійся послѣ переворота строй, какъ въ нѣкоторомъ родѣ «даръ» династіи, поэтому-де несправедливо лишать ее гражданскихъ правъ. Его устами говорилъ монархистъ («конституціонный», конечно), только подъ давленіемъ обстоятельствъ воспринявшій временно защитную республиканскую окраску. Къ нему присоединился и трудовикъ В. В. Водовозовъ и большинство Совѣщанія.

Соціалистическая пресса забила тревогу.

Временное Правительство, къ счастью, не согласилось съ этимъ, ничему не научившимся, большинствомъ. Статья 10 Положенія о выборахъ въ Учредительное Собраніе (Раздѣлъ I, глава II) кратко и ясно гласитъ:

«Члены царствовавшаго въ Россіи Дома не могутъ ни избирать, ни быть избираемыми въ Учредительное Собраніе».

Учредительному Собранію остается только закрѣпить этотъ пунктъ и внести въ Основные Законы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Съ президентомъ или безъ него?

Не нужно совсѣмъ президента республики Достаточно простого предсѣдателя совѣта министровъ, избираемаго Собраніемъ...

Изъ рѣчи Греви во франц. Учред. Собр. 1848 г.

а) Всякая-ли республика должна имѣть президента?

Докладчикъ Томсонъ: «То, что предлагаетъ депутатъ Ренодель, есть, въ сущности, упраздненіе должности президента». (Шумъ, негодующіе крики справа, смѣхъ слѣва).

Засѣданіе французской палаты 27 іюля 1917 г.

«Во главѣ республики стоитъ президентъ»—это положеніе для широкой публики представляется самоочевидной истиной, ибо мы привыкли къ тому, что Соединенные Штаты Америки, Франція, республики центральной и южной Америки, бывшія Бурскія республики, юная Китайская республика и пр. и пр. всѣ имѣютъ (или имѣли) президента.

Между тѣмъ древнія республики: Аѳины, Спарта, Римъ и т. д. не имѣли *единоличнаго* главы. Первая Французская республика Конвента и Директоріи (а формально и Консульства до 1804 года) также не знала президента. А изъ современныхъ государствъ Швейцарская республика вполнѣ успѣшно также обходится безъ такого спеціальнаго поста.

Итакъ, представленіе о роковой *неизбѣжности* для республики имѣть президента, какъ для животнаго имѣть голову, отпадаетъ. *Можно* обходиться безъ него. Но если такъ, то возникаетъ другой вопросъ: не *слѣдуетъ*-ли обходиться безъ него? Совмѣстимо-ли съ духомъ истинной демократіи, допустимо ли въ демократической республикѣ, особенно въ юной, только что провозглашенной, окруженной со всѣхъ сторонъ контръ-революціонными опасностями,—существованіе единоличной президентской власти въ то время, какъ основной принципъ демократіи—*коллегіальность*?

Самый источникъ происхожденія ея, и живучести, и распространенности вполнѣ понятенъ. Республики возникали на мѣстѣ монархіи. Монархъ представляетъ собою воплощеніе государства. Отличительныя свойства его власти—огромность компетенціи, даже если она ограничена, и наслѣдственность власти (иногда пожизненность). Лишивъ его этихъ двухъ свойствъ, мы освобождаемся отъ монарха, но сохраняемъ единоличное воплощеніе государства, въ которомъ такъ нуждается человѣкъ, всосавшій въ себя съ молокомъ матери идею царя, короля, императора. Единъ Богъ, едино государство, единъ представитель его.

Вполнѣ типичной является поэтому слѣдующая бесѣда А. Брынскаго съ крестьянами одной изъ Кіевскихъ деревень, описанная имъ въ мѣстной газетѣ [1]):

— А кто будетъ на мѣсто царя?—задаютъ вопросы.

— Разъясняютъ: вотъ какъ вы выбрали комитетъ, такъ и президента будутъ выбирать.

— Но не навсегда? Чи навсегда?

— Нѣтъ, на срокъ.

— Какъ онъ окажется плохой, то и скинуть его можно?

— А конечно. Плохой будетъ — ступай себѣ, а мы выберетъ другого.

— Такъ хорошо будетъ!—соглашаются селяне.

Въ этомъ разсужденіи не такъ уже трудно вмѣсто президента подставить коллегію: «Вотъ, какъ вы выбрали комитетъ», и крестьяне поняли бы это не хуже. Но первоначальный ходъ мыслей долженъ быть именно такой—отъ монарха къ президенту. Президентъ — это избираемый монархъ, лишенный самодержавной власти [2]).

Обратимся теперь къ нѣкоторымъ наиболѣе интереснымъ и типичнымъ рѣшеніямъ вопроса о главѣ республики, исходившимъ отъ Учредительныхъ Собраній. Всякій разъ наиболѣе труднымъ бывало сойтись на объемѣ компетенціи президента и на способѣ его избранія.

---

[1]) «К. М.» Поѣздка по краю VI. Май 1917 г.

[2]) Поляки называли свое государство «Рѣчью Посполитой», что представляетъ дословный переводъ съ *respublica* — республика (общественное дѣло). Между тѣмъ у нихъ былъ король, но пожизненный и избираемый, съ весьма ограниченной компетенціей. У нихъ была «республика съ королемъ во главѣ», какъ разъ то, о чемъ мечталъ одинъ добродушный дармгессенецъ, требуя въ 1848 г. «республики съ великимъ герцогомъ во главѣ».

б) Вопросъ о президентѣ въ С. Америкѣ въ 1787 г.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ не царствуетъ, но управляетъ.

Создавая своего президента, американцы брали образцомъ для его власти власть англійскаго короля, которую они только что съ себя скинули. «Подобно ему,—пишетъ Ив. Херасковъ [1]),—президентъ долженъ былъ возвышаться въ идеѣ надъ теченіями партій и представлять народъ въ его цѣломъ». Надобно при этомъ помнить, что тогдашній король Георгъ III очень мало напоминалъ нынѣшнихъ англійскихъ королей, примѣромъ которыхъ вдохновлялся Тьеръ, когда выставилъ въ палатѣ въ 1829 году положеніе: «короли царствуютъ, но не управляютъ». Подобно Карлу I, онъ совсѣмъ не хотѣлъ изображать изъ себя только «образъ, подобіе, пустую тѣнь короля». Единоличной власти президента Соединенныхъ Штатовъ американцы сообщили силу, самостоятельность и независимость отъ законодательныхъ учрежденій. Любопытно, что Гамильтономъ и Мадиссономъ внесено было даже предложеніе о пожизненности президентской власти. Сочувствія оно однако не встрѣтило, былъ установленъ 4-лѣтній срокъ, послѣ котораго президентъ можетъ быть переизбираемъ неограниченное число разъ. Въ дѣйствительности, со времени перваго президента Вашингтона, который, отбывъ второе четырехлѣтіе, отказался снова выставить свою кандидатуру, это вошло уже въ обычай, и ни Грантъ, ни Кливелендъ и никто другой не соглашались баллотироваться въ третій разъ. Повторится-ли то же самое съ Вудро Вильсономъ, мы увидимъ на ближайшихъ президентскихъ выборахъ 1920 года.

По писанной конституціи, нѣтъ однако никакихъ препятствій, чтобы президентъ, будучи всякій разъ переизбираемъ, обратился въ пожизненнаго правителя. При этомъ власть его значительно превосходитъ власть и тогдашняго англійскаго короля. Американскій президентъ, въ полную противоположность ставшей ходячею формулѣ Тьера, *не царствуетъ, но управляетъ*. Министры отвѣтственны только передъ нимъ, ибо онъ назначаетъ ихъ и въ любой моментъ можетъ заставить подать въ отставку. Передъ палатами, наоборотъ, они не отвѣтственны. Президентъ имѣетъ право veto по отношенію ко всѣмъ законамъ, которые пройдутъ черезъ обѣ

[1]) «Американская республика»: Кн. для чтенія по ист. нов. вр., III.

палаты. Если онъ съ какимъ-нибудь изъ нихъ не согласенъ, то онъ возвращаетъ его для исправленія, и только въ томъ случаѣ, если онъ снова будетъ принятъ обѣими палатами и притомъ *не менѣе, чѣмъ* $^2/_3$ *голосовъ*—случай почти невозможный—только тогда законъ можетъ вступить въ силу противъ воли президента. Такимъ образомъ, его право veto носитъ почти абсолютный характеръ. За первую сотню лѣтъ существованія С.-Американской республики такихъ veto было наложено 450.

Президентъ назначаетъ всѣхъ чиновниковъ; въ случаѣ войны, является командующимъ всѣми вооруженными силами; имѣетъ право помилованія преступниковъ (чего не имѣетъ англійскій король) и т. д. и т. д.

Вообще по размѣру власти онъ всего болѣе подходитъ къ *прусскому* королю.

Избирается онъ, какъ извѣстно, всеобщими косвенными выборами. Избиратели выбираютъ выборщиковъ. Послѣдніе съѣзжаются въ главный городъ штата и подаютъ свой голосъ за того или иного изъ конкурирующихъ кандидатовъ. Такъ какъ выборщики берутъ на себя съ самаго начала обязательство голосовать за опредѣленнаго кандидата, то фактически выборы президента превращаются въ прямые. Президентъ идетъ въ «Бѣлый Домъ», какъ ставленникъ опредѣленной партіи, и усердно ведетъ ея линію, и никоимъ образомъ не возвышается въ идеѣ надъ партійными теченіями, какъ предполагалось творцами С.-Американской конституціи [1]).

---

[1]) Многочисленныя республики Центральной и Южной Америки, заимствовали, какъ извѣстно, свои конституціи у Соединенныхъ Штатовъ. Лабулэ выразился, что «американская конституція есть мать, населившая своими дѣтьми всю Америку и всѣ дѣти на нее похожи». Но на нихъ ярко сказалась россійская пословица: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть» (можетъ быть, *теперь* ее перевернуть?). Сильная власть президента, независимая отъ законодательной, тамъ сплошь и рядомъ приводитъ къ диктатурѣ. «Изъ *семнадцати* президентовъ испано - португальской Америки,—писала 24 августа 1894 года французская газета «Temps»,—*одиннадцать* обязаны своимъ возвышеніемъ государственному перевороту или революціи. Этотъ фактъ достаточно показываетъ, какую основательную ошибку заключаетъ въ себѣ желаніе примѣнить къ большинству этихъ народовъ *президентскую систему*, т.-е. представительную конституцію Соединенныхъ Штатовъ, которая не подходитъ ни къ ихъ расѣ, ни къ ихъ темпераменту. Этимъ склоннымъ къ громкимъ словамъ и формуламъ, и кровь которыхъ—продуктъ столькихъ скрещиваній—кипитъ подъ солнцемъ тропиковъ, необходимъ предохранительный клапанъ *парламентаризма*». (Цитировано по книгѣ проф. А. Эсмена, Общія основанія конституціоннаго права).

*

в) Вопросъ о президентѣ во Франціи въ 1848 г.

Вашъ будущій президентъ республики будетъ болѣе могущественъ, чѣмъ король Луи-Филиппъ.

Греви—Засѣданіе Учредительнаго Собранія 1848 г.

Учредительное Собраніе не нашло ничего лучшаго, какъ скопировать для второй Французской республики президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Оно предоставило ему огромную власть—назначать министровъ, чиновниковъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, черезъ военнаго министра держать въ своихъ рукахъ армію, черезъ другого министра руководить иностранной политикой и т. д. и т. д. «Самыя разнообразныя партіи,—пишетъ Ренаръ,—стремились къ тому, чтобы создать сильное правительство, потому что всѣ надѣялись сдѣлать изъ него орудіе своего честолюбія. Марра въ своемъ докладѣ говорилъ о будущемъ президентѣ: «Его воля не должна встрѣчать никакого сопротивленія, ибо онъ приказываетъ именемъ закона». Умѣренные республиканцы простирали свой культъ силы до любви къ диктатурѣ. Соціалисты разсчитывали на могущество государства для проведенія преобразованій, которыя они считали нужными. Роялисты, конечно, привѣтствовали то, что всего больше было похоже на королевскую власть». Характеренъ слѣдующій фактъ. Въ проектѣ конституціи говорилось, что полномочія общественныхъ властей не могутъ быть наслѣдственными. Прудонъ предложилъ добавить къ этому: «и пожизненными», но его поправка была *отвергнута*. Большинство, очевидно, допускало, что президентъ можетъ стать пожизненнымъ правителемъ, т.-е. монархомъ.

Но Учредительное Собраніе не только заимствовало у американцевъ полномочія президента, почти равныя власти прусскаго короля, но и скопировало общенародный способъ его избранія; мало того: оно отбросило двухстепенность этихъ выборовъ, ставшую на практикѣ безполезной, и превратило ихъ во всенародный плебисцитъ съ прямой подачей голосовъ. Это совмѣщеніе на одномъ лицѣ и общенародныхъ выборовъ и огромной компетенціи—при французскихъ условіяхъ—грозило страшной опасностью и сулило неминуемую диктатуру.

Тщетно депутатъ Жюль Греви [1]) съ большой энергіей указывалъ на то, что будущій президентъ будетъ болѣе могуществе-

[1]) Впослѣдствіи третій президентъ третьей республики.

непъ, чѣмъ Луи-Филиппъ, потому что онъ будетъ избранъ всеобщей подачей голосовъ; будетъ водворенъ заботами республиканцевъ въ крѣпость, почти неприступную, и, вѣроятно, попытается утвердиться навсегда на президентскомъ тронѣ. «И если этотъ честолюбецъ,—восклицалъ онъ,—окажется человѣкомъ, который сумѣлъ пріобрѣсти популярность; если это—побѣдоносный генералъ, окруженный престижемъ военной славы, противъ которой французы не могутъ устоять, если это—отпрыскъ одной изъ царствовавшихъ во Франціи фамилій, и если онъ никогда настойчиво не отказывался отъ того, что онъ называетъ своими правами; если торговля чахнетъ; если народъ страдаетъ, если онъ переживаетъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ кризиса, когда нищета и разочарованіе предаютъ его въ руки тѣхъ, кто сыплетъ обѣщаніями для того, чтобы отнять у него свободу... отвѣчаете-ли вы за то, что тогда этотъ честолюбецъ не добьется уничтоженія Республики?!»

Народное избраніе, говорилъ Піа, это въ своемъ родѣ такое же Божье помазаніе, какъ и Реймское масло, и при своемъ неизбѣжномъ поединкѣ съ Собраніемъ онъ могъ бы сказать депутатамъ: я больше суверенъ, чѣмъ всѣ вы вмѣстѣ взятые. Я представитель всей Франціи. Я распоряжаюсь, опираясь на мандатъ, который выше вашихъ мандатовъ.

И Греви и Піа и всѣ другіе прямо имѣли въ виду Луи-Наполеона, который только что попалъ въ Учредительное Собраніе, будучи выбранъ въ депутаты сразу четырьмя департаментами, и могъ легко, при всенародномъ голосованіи, стать президентомъ республики.

Чтобы предупредить опасность, было внесено предложеніе, что президентъ избирается палатой. Но это предложеніе было отклонено огромнымъ большинствомъ голосовъ. Сильнѣе всего содѣйствовалъ такому провалу Ламартинъ [1]), выступившій, по обыкновенію, съ длинной патетической рѣчью, обнаружившей лишній разъ его политическое «глубокомысліе».

«Для того, чтобы осмѣлиться повторить 18-ое брюмера, необходимы два условія: долгіе годы террора въ прошломъ и военныя побѣды при Маренго—въ будущемъ». Политиканствовавшій поэтъ не видѣлъ, что оба эти условія какъ разъ имѣлись налицо, ибо

[1]) Который, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, больше всѣхъ противился допущенію Наполеона въ Собраніе. Послѣдовательность у него въ данномъ вопросѣ можно отыскать, исходя лишь изъ страстнаго желанія его стать самому президентомъ.

іюньскіе дни вполнѣ замѣняли эпоху террора, а вмѣсто будущихъ побѣдъ при Маренго имѣлся налицо племянникъ побѣдителя.

Но лучше всего былъ конецъ его рѣчи:

«А если бы даже вышло такъ, какъ вы опасаетесь, если бы народъ выбралъ того, кого я считалъ бы и, быть можетъ, напрасно, не нужнымъ выбирать, то пусть будетъ такъ! Alea jacta est (жребій брошенъ!). Пусть Богъ и народъ выскажутся! Нужно же хоть что-нибудь предоставить Провидѣнію!»

Въ результатѣ этой благочестивой ссылки на Бога, предложеніе объ избраніи президента всеобщимъ прямымъ голосованіемъ было принято 627 голосами противъ 130, на что народъ черезъ два мѣсяца отвѣтилъ избраніемъ Луи-Наполеона 5.658.755 голосами изъ $7^1/_2$ милліоновъ.

Собраніе, впрочемъ, какъ будто почувствовало затѣмъ, что можетъ получиться нѣчто неладное, и приняло нѣсколько «мѣръ предосторожности». Срокъ президентскихъ полномочій былъ установленъ, какъ въ Америкѣ, четырехлѣтній, но въ отличіе отъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ было постановлено, что переизбранію на новое четырехлѣтіе президентъ не подлежитъ. Какъ эта, такъ и другія предосторожности, въ родѣ присяги, не имѣли никакого дѣйствительнаго значенія, ибо захватить власть можно успѣть и въ теченіе четырехъ лѣтъ, а присяга еще никого никогда не останавливала. Гораздо существеннѣе была поправка Турэ, лишавшая права быть избраннымъ въ президенты всѣхъ членовъ царствовавшихъ во Франціи фамилій. Она могла бы спасти положеніе, но была *отвергнута.*

То соотношеніе, которое получилось между законодательной властью Собранія и исполнительной властью президента, то противорѣчивое и опасное положеніе, которое создано было буржуазнымъ Учредительнымъ Собраніемъ, стремившимся, вмѣсто демократическаго строя, создать одновременно и сильную законодательную власть и мощную исполнительную — нарисовано было въ яркихъ штрихахъ Карломъ Марксомъ въ его «18 брюмера»:

«*Игра конституціонныхъ властей*, какъ Гизо называетъ вѣчную парламентскую распрю между законодательной и исполнительной властью, въ конституціи 1848 г. является постояннымъ ва-банкъ. Съ одной стороны, 750 народныхъ представителей, избираемыхъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права, составляютъ Національное Собраніе, безконтрольное, недѣлимое, не подлежащее распущенію; Національное Собраніе, которое поль-

зуется законодательнымъ всемогуществомъ, рѣшаетъ въ послѣдней инстанціи вопросъ о войнѣ и мирѣ и о торговыхъ договорахъ, обладаетъ исключительнымъ правомъ амнистіи и, вслѣдствіе своей непрерывности, постоянно занимаетъ первенствующее мѣсто на сценѣ государственной жизни. Съ другой стороны, президентъ, который пользуется всѣми атрибутами королевской власти, съ правомъ независимо отъ Національнаго Собранія назначать и отставлять министровъ, имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ средства исполнительной власти, распредѣляетъ всѣ должности; и, такимъ образомъ, рѣшаетъ судьбу $1^1/_2$ милліоновъ лицъ въ государствѣ, такъ какъ такое число душъ находится въ зависимости отъ 500.000 офицеровъ и чиновниковъ различныхъ ранговъ. Онъ распоряжается всей вооруженной силой страны, пользуется привилегіей помилованія преступниковъ, правомъ отставлять національныхъ гвардейцевъ, а также выбранныхъ народомъ генеральныхъ, кантональныхъ и коммунальныхъ совѣтниковъ, съ согласія Государственнаго Совѣта. Ему предоставлены инціатива и подготовленіе всѣхъ договоровъ съ другими государствами.

Въ то время, какъ Національное Собраніе вѣчно находится на подмосткахъ, на виду у всѣхъ, и подвергается постоянной, повседневной критикѣ, президентъ ведетъ замкнутую жизнь въ Елисейскихъ поляхъ, имѣя постоянно передъ глазами своими 45-ую статью конституціи, которая ему ежедневно повторяетъ: «Братъ, надо помирать! Твоя власть прекращается *во второе воскресенье веселаго мѣсяца мая*, черезъ 4 года послѣ твоего избранія! Тогда царствованію твоему конецъ, дважды пьеса не разыгрывается, и, если у тебя имѣются долги, то постарайся ихъ заблаговременно заплатить изъ отчисляемыхъ тебѣ конституціей 600.000 франковъ, если тебѣ не угодно во второй понедѣльникъ веселаго мѣсяца мая отправиться въ Клиши» [1])...

Въ то время, какъ конституція облекаетъ президента фактической властью, она старается закрѣпить за Національнымъ Собраніемъ моральную власть. Помимо того, что невозможно создать нравственную силу посредствомъ параграфовъ закона, конституція сама себя упраздняетъ тѣмъ, что устанавливаетъ избраніе президента путемъ прямого голосованія: въ то время, какъ голоса французской націи должны раздѣлиться между 750 членами Національнаго Собранія—они здѣсь концентрируются на одномъ

---

[1]) Долговая тюрьма.

лицѣ. Въ то время, какъ каждый народный представитель является только представителемъ опредѣленной партіи, города или какого-нибудь незначительнаго мѣстечка, часто избирается просто потому, что надо же кого-нибудь избрать, президентъ— народный избранникъ въ полномъ смыслѣ этого слова; его избраніе—актъ наибольшей важности, совершаемый самодержавнымъ народомъ каждые четыре года. Такимъ образомъ, связь между Національнымъ Собраніемъ и націей является какой-то метафизической, между тѣмъ, какъ отношеніе президента къ націи прямое, личное. Національное Собраніе въ своихъ отдѣльныхъ представителяхъ олицетворяетъ собою разнообразныя стороны національнаго духа, президентъ же воплощаетъ его въ себѣ всецѣло; онъ по отношенію къ Собранію владѣетъ какъ бы божественнымъ правомъ, онъ является президентомъ «народной милостью» [1]).

Не было поэтому основаній слишкомъ удивляться и поражаться, что 2-го декабря 1851 года исполнительная власть въ лицѣ президента, не желая черезъ 5 мѣсяцевъ распрощаться со своимъ кресломъ въ Елисейскихъ поляхъ и отправиться въ Клиши, проглотила полностью законодательную власть и сочетала въ своей особѣ и ту и другую. Въ этотъ день или, вѣрнѣе, въ эту ночь Національное Собраніе, которое въ цѣломъ врядъ-ли желало *такого* результата своей учредительной дѣятельности, лишь пожало то, что посѣяло [2]).

г) Вопросъ о президентѣ во Франціи въ 1871—1875 годахъ.

> Президентъ республики, избираемый на 7 лѣтъ, замѣняетъ конституціоннаго короля. Онъ имѣетъ всѣ полномочія послѣдняго, даже право помилованія...
>
> *Ш. Сеньобосъ, Полит. исторія соврем. Европы.*

Урокъ 1848 года не пропалъ даромъ, и французское Національное Собраніе, собравшееся въ 1871 году, совсѣмъ иначе

---

[1]) Какъ царь правилъ «Божьей милостью».

[2]) *Проектъ* республиканской конституціи, выработанный къ 23 сентября 1917 г. финляндскимъ сенатомъ для Финляндіи, не только содержитъ должность президента республики, но снабжаетъ его полномочіями и престижемъ совсѣмъ въ масштабѣ С. Америки и Франціи 1848 года. Законодательная власть принадлежитъ сейму *вмѣстѣ съ президентомъ*. Высшая исполнительная власть принадлежитъ президенту въ сотрудничествѣ съ совѣтомъ министровъ. Президентъ избирается *прямымъ всенароднымъ* голосованіемъ срокомъ на *шесть* лѣтъ. Президентъ созываетъ сеймъ, назначаетъ новые выборы, открываетъ и закрываетъ сессію сейма. Онъ является *главнокомандующимъ* вооруженныхъ силъ Финляндіи въ мирное время. Вопросы, касающіеся сношенія съ русскимъ

организовало президентскую власть. Оно измѣнило и способъ выборовъ, и объемъ компетенціи. Выбирается онъ уже не всенароднымъ голосованіемъ, а въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ, т.-е. совокупностью депутатовъ и сенаторовъ. Компетенція его сильно урѣзана. Онъ, правда, «назначаетъ» министровъ, но, благодаря укрѣпившемуся во Франціи парламентаризму, дѣйствительной и отвѣтственной исполнительной властью являются только министры, которые опираются на большинство въ парламентѣ. Въ общемъ, нынѣшній президентъ во Франціи является тѣнью президента въ 1848 году и уже больше похожъ на англійскаго короля, чѣмъ на прусскаго; тѣмъ не менѣе многое тутъ зависитъ отъ личности, и такіе президенты, какъ Макъ-Магонъ, Казимиръ Перье, Пуанкаре, причиняли не мало хлопотъ и пытались давить на ходъ государственной жизни. Въ особенности они страшны своей закулисной дѣятельностью, въ качествѣ представителей націи передъ иностранными державами. Министръ надѣлаетъ непоправимыхъ бѣдъ и... выходитъ въ отставку, чтобы черезъ короткое время вынырнуть опять въ новой комбинаціи, а вдохновлявшій его президентъ, какъ «лицо безотвѣтственное», остается на своемъ посту цѣлыхъ 7 лѣтъ, послѣ которыхъ можетъ быть переизбранъ.

Не будучи столь опасенъ, какъ президентъ 1848 года, онъ, по меньшей мѣрѣ, столь же безполезенъ, какъ англійскій король. Если оставить въ сторонѣ его декоративную роль, въ которой истинная демократія не нуждается вовсе и которая обходится при томъ достаточно дорого (на содержаніе президента отпускается ежегодно 500.000 франковъ), то главная роль его заключается въ улаженіи министерскихъ кризисовъ, когда весь кабинетъ подаетъ въ отставку. Президентъ выступаетъ тогда въ качествѣ посредника, призывая то одно, то другое лицо и поручая ему составить кабинетъ. Истинными же творцами министерства являются лидеры парламентскихъ партій, такъ какъ, если они не столкуются насчетъ образованія прочнаго большинства, никакое министерство не удержится и одного дня.

Поэтому врядъ-ли съ меньшимъ успѣхомъ могла бы быть воз-

правительствомъ, рѣшаются президентомъ въ согласіи съ совѣтомъ министровъ. Члены совѣта министровъ *назначаются президентомъ*. Мобилизацію финляндскихъ войскъ объявляетъ президентъ въ согласіи съ совѣтомъ министровъ. Однимъ словомъ, по этому проекту финляндскій президентъ является некоронованнымъ королемъ Финляндіи на шесть лѣтъ!

ложена эта роль на другое лицо, не спеціально для того созданное, которое тоже остается, когда министры уходятъ, напр., на предсѣдателя или президіумъ палаты, на предсѣдателя высшаго суда и т. п. Наконецъ, самое министерство можетъ быть организовано иначе, чѣмъ во Франціи или Англіи; оно можетъ быть создано по *швейцарскому типу*, о которомъ скажемъ нѣсколько словъ.

д) Швейцарская республика безъ президента.

Въ этой организаціи не существуетъ носителя исполнительной власти, стоящаго отдѣльно отъ министровъ.

А. Эсменъ, Общ. основанія конст. права.

Хотя въ Швейцаріи и имѣется «президентъ швейцарской конфедераціи» (т.-е. президентъ Швейцарскаго Союза), но таковымъ является предсѣдатель министерства, состоящаго изъ 7 членовъ и носящаго названіе «Федеральный Совѣтъ». Это министерство *избирается* соединеннымъ засѣданіемъ обѣихъ палатъ, которое называется тогда «Федеральнымъ Собраніемъ», тогда какъ первая палата именуется: «Національный Совѣтъ», а вторая: «Совѣтъ Штатовъ». Министерство выбирается *на 3 года*, и члены его могутъ переизбираться потомъ неограниченное число разъ. Одинъ изъ этихъ членовъ министерства или «совѣтниковъ» избирается сверхъ того въ томъ же соединенномъ собраніи въ *президенты конфедераціи* срокомъ всего *на 1 годъ* и является, въ сущности, лишь предсѣдателемъ. Это напоминаетъ въ весьма сильной степени отношенія у насъ между городской думой, городской управой и городскимъ головой. Президентъ тоже можетъ переизбираться сколько угодно разъ, но съ обязательнымъ годичнымъ перерывомъ, иначе сказать, онъ не можетъ оставаться предсѣдателемъ министерства два года подъ-рядъ. Его компетенція не выше товарищей по Совѣту, и отвѣтственность его передъ народными представителями такая же. Его жалованье всего на 1.500 рублей, приблизительно, больше его коллегъ (6.500 вмѣсто 5.000).

Это — весьма скромный представитель демократіи, для котораго внѣшній блескъ считается, въ противоположность французскому президенту, не только не необходимымъ, а излишнимъ и даже вреднымъ. Отношенія между кабинетомъ и палатами не построены на парламентскомъ принципѣ, т.-е. министры («совѣтники») не должны подавать въ отставку, если ихъ проекты и предложенія не приняты. Они обязаны добросовѣстно выполнять

постановленія Собранія и уходятъ лишь въ крайнемъ случаѣ, если, по принципіальнымъ соображеніямъ, не могутъ брать на себя ихъ выполненіе. Впрочемъ, съ 1848 года было только 3 случая отставки членовъ Совѣта по политическимъ причинамъ, изъ нихъ послѣдній случай произошелъ совсѣмъ недавно на нашихъ глазахъ, когда, въ связи съ исторіей Роберта Гримма, ушелъ совѣтникъ Гофманъ.

е) Нуженъ-ли намъ президентъ республики?

Исполнительная власть да подчинится власти законодательной.

Рѣчь Церетели во 2-ой Госуд. Думѣ 1907 г.

«Если вы хотите помѣшать Луи-Бонапарту сдѣлаться президентомъ республики,—убѣждалъ соціалистъ Луи Бланъ 13 іюня 1848 года Французское Учредительное Собраніе,—то въ вашемъ распоряженіи имѣется очень простое средство—внесите въ конституцію слѣдующій пунктъ: въ республикѣ, основанной 24 февраля, *нѣтъ* поста президента!» Это предложеніе—замѣчаетъ швейцарскій соціалистъ Эритье—звучало очень красиво, но совершенно не гармонировало съ честолюбивыми планами нѣкоторыхъ членовъ правительства, добивавшихся лично для себя президентскаго поста.

Еще убѣдительнѣе доказывалъ ту же мысль нѣсколькими мѣсяцами позже упомянутый уже выше депутатъ Греви: «Не нужно совсѣмъ президента республики! Достаточно простого предсѣдателя совѣта министровъ, который долженъ выбираться Собраніемъ *на неопредѣленное время* и котораго Собраніе всегда *имѣетъ право смѣнить*». И хотя онъ ссылался при этомъ на примѣръ Швейцаріи, которую онъ хорошо изучилъ, такъ какъ происходилъ изъ пограничной мѣстности, а также на тотъ порядокъ, который въ это самое время держался въ самой Франціи, такъ какъ республика была, а президента не имѣлось, тѣмъ не менѣе его снисходительно выслушали и объявили утопистомъ. Помилуйте, какъ можно?! Республика безъ президента это такъ же фантастично, какъ Майнъ-Ридовскій «Всадникъ безъ головы». Если бы при этомъ онъ еще сослался на три года существованія Конвента и 4 года жизни Директоріи—то отъ него бы отшатнулись, какъ отъ опаснаго якобинца.

Внесенная Греви поправка гласила: «Національное Собраніе делегируетъ исполнительную власть одному гражданину, который принимаетъ званіе *президента совѣта министровъ*. Онъ назна-

чается Національнымъ Собраніемъ закрытой баллотировкой, абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Онъ избирается на неопредѣленное время и во всякое время можетъ быть смѣщенъ». Аналогичное предложеніе было внесено, съ такимъ же успѣхомъ, депутатомъ *Наке* 28 января 1875 года при обсужденіи конституціи третьей республики: «Исполнительная власть ввѣряется *президенту совѣта* безъ портфеля, отвѣтственному предъ палатой, избираемому и смѣщаемому ею и принимающему *званіе* президента республики».

Еще черезъ 20 лѣтъ, 12 марта 1894 года депутатъ *Гобле* внесъ въ третій разъ такого же рода предложеніе: «Съ нашей точки зрѣнія, для того, чтобы имѣть республику, еще недостаточно сдѣлать изъ монархіи режимъ избирательный и срочный, а нужно взамѣнъ исполнительной власти, имѣющей собственную и независимую область дѣятельности, создать *исполнительную власть подчиненную*, а взамѣнъ Собраній, имѣющихъ только законодательную и контролирующую функціи, создать Національное Собраніе, которое *не только законодательствуетъ, но и управляетъ*».

Прошло новыхъ 20 съ лишнимъ лѣтъ, и совсѣмъ недавно — 27 іюля 1917 года—предложеніе соціалиста Ренoделя созвать Національное Собраніе [1]) для пересмотра конституціи третьей республики и, между прочимъ, *президентскихъ полномочій* вызвало крайнюю настороженность палаты, а когда докладчикъ комиссіи Томсонъ аттестовалъ его, какъ предложеніе совсѣмъ упразднить должность президента, то въ залѣ поднялся шумъ и негодующіе крики справа и смѣхъ слѣва.

* * *

Проф. К. А. Кузнецовъ въ своей вышедшей недавно весьма интересной брошюрѣ «Новая русская конституція», вып. I, стоя въ общемъ на точкѣ зрѣнія вполнѣ демократической, признавая республику, однопалатную систему, существующій избирательный законъ, парламентаризмъ, референдумъ и т. п., считаетъ необходимымъ въ то же время отстаивать должность президента республики. «Швейцарская система,—пишетъ онъ,—есть, въ сущности, система соединенія въ однѣхъ рукахъ функцій президента республики и министерскаго кабинета. Неудобство подобнаго соеди-

[1]) Т.-е. соединенное засѣданіе палаты депутатовъ и сената.

непія не даетъ себя чувствовать рѣзко именно въ силу того обстоятельства, что Швейцарія не знаетъ парламентаризма въ его англо-французскомъ выраженіи, не знаетъ вотумовъ недовѣрія со стороны парламента, не знаетъ досрочнаго роспуска парламента. Естественно, что здѣсь и не ощущается необходимости присутствія въ государствѣ *центра, независимаго отъ случайностей* и неустойчивостей парламентскаго большинства... *Президентъ долженъ быть*». И не только долженъ быть, но такъ какъ «при существованіи парламентаризма, естественно уменьшающаго власть президента, у него нѣтъ защитныхъ средствъ, то эти средства президенту должны быть даны, ибо его роль—служить извѣстнымъ *сдерживающимъ* началомъ по отношенію къ парламенту, который стремится стать всесильнымъ». Этими средствами, по мнѣнію проф. Кузнецова, являются право роспуска парламента и право «отлагательнаго вето» (временнаго запрета) принятыхъ законовъ, до вторичнаго разсмотрѣнія ихъ въ палатѣ, а въ случаѣ повторнаго принятія, право апелляціи къ народу, т.-е. право *референдума*.

Такимъ образомъ, президентъ республики будетъ безпрерывно вмѣшиваться въ дѣятельность парламента, водворится знакомая уже намъ «грызня между законодательной и исполнительной властью», проекты будутъ возвращаться въ палату, обращеніе къ избирателямъ, при россійскихъ огромныхъ пространствахъ, дѣло весьма трудное и подверженное случайностямъ—творчество народныхъ представителей можетъ тормозиться на каждомъ шагу. А въ этой борьбѣ единоличная фигура президента, россійскаго Рузвельта или Вильсона, волей-неволей станетъ выдѣляться ярче, чѣмъ каждаго изъ 800 членовъ парламента; соблазнъ «личнаго режима» будетъ слишкомъ великъ, а для юной республики, только что свергшей съ себя абсолютизмъ, ничего хорошаго это не обѣщаетъ.

Инстанція верхней исполнительной власти, будетъ-ли она единоличной, въ видѣ президента, или коллегіальной, въ формѣ «директоріи», представляется совершенно излишней. Падетъ министерство—будетъ выбрано новое, ибо на аренѣ политической жизни всегда остается палата. Противъ злоупотребленій со стороны палаты средствъ *надо искать только въ лицахъ, пославшихъ ее, въ самомъ народѣ*. Другого средства нѣтъ.

Гильфердингъ, Р.—Финансовый капиталъ. Изданіе третье. . .	12 р.	— к.
Горевъ, Б.—Анархисты, максималисты и махаевцы	1 „	50 „
Гриммъ, Роб.—Защита отечества и малыя народности . . .	— „	15 „
Дикштейнъ, С.—Кто чѣмъ живетъ	— „	25 „
Добраницкій, М.—Избирательный законъ въ Учред. Собр. . .	— „	15 „
Ежовъ, В.—Пути рабочей кооперации на Западѣ и у насъ . .	— „	80 „
Елецкій, П.—Земельный вопросъ, I ч.	— „	15 „
„ Земельный вопросъ, II ч.	— „	25 „
Ерманскій, А.—День борьбы за миръ (распрол.)	— „	10 „
„ Марксисты на распутьи (распр.)	— „	75 „
Исторія Россійской Соціалъ-демократіи, ч. I.	7 „	50 „
„ „ „ „ ч. II.	— „	— „
Іеккъ, Г.—Интернаціоналъ	7 „	50 „
Іоффе, А.—О самоуправленіи	— „	15 „
Каутскій, К.—Еврейство и раса	4 „	— „
„ Національныя проблемы	5 „	50 „
Керженцевъ, В.—Какъ вести собранія	— „	35 „
„ Республики молодежи	— „	40 „
„ Борьба за землю и волю въ Ирландіи . . .	— „	90 „
„ Новая Англія.	2 „	60 „
Керженцевъ, В.—Творческій театръ	2 „	— „
Кій.—Аграрный вопросъ.	— „	15 „
„ Возможна-ли отмѣна частной собственности?	— „	15 „
Клейнбортъ, Л.—Безработица и борьба съ нею.	— „	15 „
„ Профессіональные союзы	— „	20 „
„ 1-й Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ (1905 г.).	— „	40 „
КНИГА. Сборникъ первый. *Содержаніе:* А. Соболь — Законъ. Ив. Новиковъ—Время просѣиваетъ. Алексѣй Окуловъ—Золотые огни. В. Шишковъ—Стуколка	3 „	25 „
Ковровъ, А.—Искусство—народу. 2-ое изд.	— „	60 „
Коллонтай, А.—Кто такіе соціалъ-демократы?	— „	20 „
Кооперативы и профессіон. союзы (сборникъ)	2 „	50 „
Лазерсонъ, М. Я. Національность и государствен. строй. . . .	5 „	50 „
Ларинъ. Ю.—Германское профессіональное движеніе и война.	1 „	20 „
„ Война и земельная программа	— „	15 „
„ Трудовая повинность и рабочій контроль . . .	2 „	50 „
Ласковая, Ф.—Муть. Разсказы	1 „	75 „
Лафаргъ, П.—Патріотизмъ буржуазіи	— „	15 „
Лебедевъ, Пл. Библіотека соціалъ-демократа.	2 „	50 „
Леоновъ, В. Краткій курсъ по потребительской кооперации .	2 „	60 „
Линдовъ, Г.—Профессіональные союзы и рабочіе кооперативы.	— „	40 „
„ Къ объединенію Соціалъ-Демократической Партіи	— „	35 „
Луначарскій, А.—Развитіе Интернаціонала	— „	40 „
Лурье, М.—Борьба за пищу (распр.)	1 „	— „
„ Продовольствіе въ Россіи и въ Германіи	— „	35 „
Майскій. Культурно-просвѣтительн. работа среди пролетаріата.	1 „	35 „
Марксизмъ и вопросы войны и мира (распр.)	1 „	25 „
Мартовъ, Л.—Фридрихъ Адлеръ	— „	15 „
„ Пролетаріатъ и національная оборона	— „	40 „
Мартыновъ, А.—Двѣ диктатуры.	2 „	50 „
„ Очерки русской исторіи.	1 „	20 „
„ Международность на западѣ и въ Россіи . .	1 „	— „
Олековъ, М.—Рабочій день и революція	1 „	40 „
Ольговичъ.—Всеобщее избирательное право. 3-е изданіе. . .	— „	20 „
„ Республика (Соед. Штаты Америки) 2-е изданіе.	— „	20 „

Ольговичъ.—Какъ англичане избираютъ своихъ представителей. 3-е изданіе	— р.	15 к.
„ Права человѣка и гражданина	— „	15 „
„ Освобожденіе женщины	— „	15 „
„ Учредительное Собраніе и демократическая республика	— „	15 „
Памятная книга рабочаго, ч. I (экономическая)	3 „	50 „
„ „ „ ч. II (политическая)	— „	— „
Пименова, Э.—Исторія Европы за послѣднее столѣтіе. 2-ое изд.	2 „	— „
„ Постоянное войско и народная милиція	— „	15 „
„ Въ странѣ хлѣборобовъ (Канада)	— „	20 „
„ Колонія—Республика (Нов. Зеландія)	— „	15 „
Пименова, Э.—Демократическая Республика Швейцаріи	— „	20 „
„ Французская революція 1848 г.	— „	20 „
Программа Россійск. Соціалъ-Демократическ. Рабочей Партіи.	— „	12 „
Розановъ, В.—Организація верховной власти	— „	15 „
„ Демократич. республика и всеобщій миръ	— „	20 „
Ро-ль, П. Пути революцій. Вокругъ переворота	2 „	80 „
„ „ „ „ Жизнь и смерть Учредительныхъ Собраній	3 „	50 „
„ „ „ „ Закатъ революціи. (Печ.)	— „	— „
Рожковъ, Н.—Исторія Россіи за послѣднее столѣтіе. 2-ое изд.	2 „	— „
„ Русская исторія въ сравнительно историческомъ освѣщеніи. *(Печатается)*	— „	— „
Сватиковъ, С. Г.—Всенародное Учредительное Собраніе	— „	25 „
Семковскій, С.—Кооперативы и соціализмъ	— „	20 „
„ Національный вопросъ въ Россіи	— „	35 „
Струмилинъ, Ст.—Община и земельный вопросъ	— „	35 „
Сухановъ.—Почему мы воюемъ? (распр.)	— „	80 „
Тахтаревъ, К.—Общество и государство.	5 „	— „
„ Что такое демократическая республика	— „	20 „
Теорія и практика профессіональнаго движенія, коллект. трудъ подъ ред. К. Дмитріева	— „	— „
Троцкій, Л.—Программа мира	— „	25 „
„ Въ плѣну у англичанъ	— „	15 „
„ Жанъ Жоресъ	— „	20 „
Уэллсъ, Г.—Грядущее.	2 „	40 „
Фишгендлеръ, А.—Солдаты фронта и вопросы войны и мира.	— „	25 „
Хейсинъ, М. и Щегло, Л.—Чему учатъ соціалъ-демократы?	— „	35 „
Циммервальдская конференція. Первая	— „	40 „
„ „ Вторая	— „	25 „
Шиппель.—Профессіональные союзы. Съ пред. Д. Кольцова	— „	30 „
Штаудингеръ, Ф.—Потребительная кооперація. Перев. подъ ред. М. Хейсина	2 „	— „
Щегло, Л. В.—Какъ хотятъ соціалъ-демократы устроить городскую жизнь?	— „	15 „

Учебники.

Андреевъ, Н. Н.—Русская исторія (для начальныхъ училищъ). 2-ое изд. *(Печатается)*	— р.	— к.
Марковъ, В.—Ариѳметическій задачникъ. *(Печатается)*	— „	— „
Новое правописаніе	— „	12 „
Рожковъ, Н.—Русская исторія (для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія). Изд. четвертое, дополн.	3 „	— „

3 р. 50 к.

5

Издательство „КНИГА“.
Петроградъ, Невскій пр., 74, тел. 1-31-49.
Москва, у Покровскихъ Воротъ, Чистопрудный проѣздъ 19, тел. 3-98-39.

